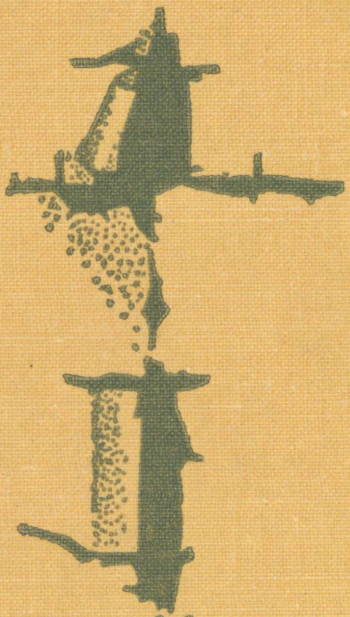
ПОКА ДЫШАТЬ Я УМЕЮ...



Э. Мартинсон

1/223 699

Э. МАРТИНСОН

ПОКА ДЫШАТЬ Я УМЕЮ...

XIII
1А-9391
III

Э. МАРТИНСОН

ПОКА ДЫШАТЬ Я УМЕЮ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЭСТИ РААМАТ»
ТАЛЛИН 1968

9(3)
М29

Оформление: Э. Т а л и

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
223699

ПРЕДИСЛОВИЕ

С каждым годом все ярче вырисовывается перед нашим взором величие и неувядаемое всемирно-историческое значение подвига, совершенного советским народом в Великой Отечественной войне.

Кропотливый труд историков, публицистов, писателей выявляет все новые эпизоды героической борьбы советских людей против фашистских поработителей, выявляет десятки и сотни имен безвестных ранее героев, раскрывает новые факты тесных интернациональных связей советских людей в борьбе с фашизмом.

Новыми фактами, новыми именами обогащается и история борьбы эстонского народа с фашистскими захватчиками.

Книга Эрвина Мартинсона, предназначенная широкому кругу читателей, в первую очередь, молодежи — первая попытка осветить участие граждан Эстонской ССР в движении Сопротивления в фашистских лагерях и тюрьмах.

Истерзанные врагом, окруженные иногда поколебленными, подчас даже отчаявшимися и уже ставшими на путь капитуляции людьми, оторванные от Родины, лишенные руководства, организации и правдивой информации, советские патриоты выдвигают из своей среды организаторов и борцов движения Сопротивления.

Значение их борьбы состоит не столько в непосредственном военном ущербе, нанесенном врагу, сколько в утверждении морального превосходства советского человека над фашизмом, в борьбе за советских людей, оказавшихся в фашистских застенках.

Очень мало имен организаторов, зачинателей и руководителей этого движения сохранила нам история. И тем ценнее нам эти повести, посвященные рядовым бойцам движения Сопротивления, по жизни и делам которых мы можем, хотя бы отдаленно, судить о величии подвига тех, кто ушел от нас в безымянные могилы героев Отечественной войны.

Герой Советского Союза А. МЕРИ.

Светлой памяти отца и брата посвящаю эту книгу.

Автор

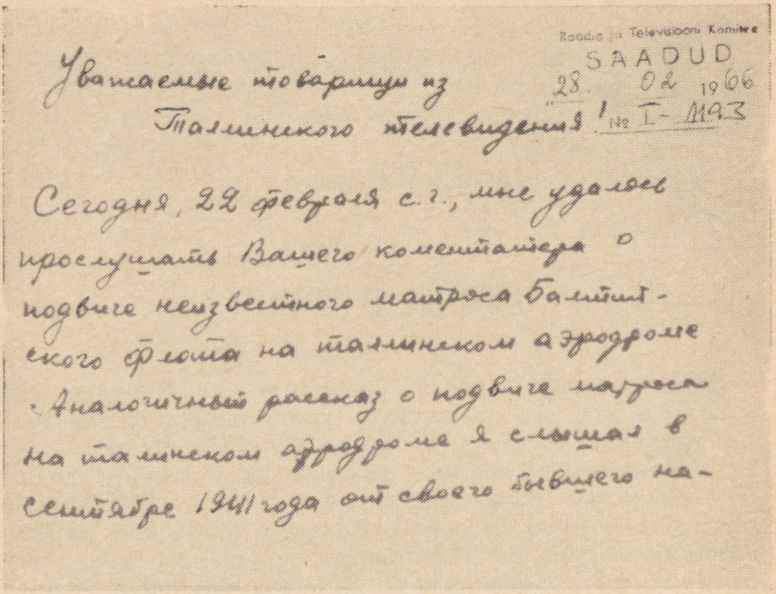
ЛИЦОМ К МОРЮ

Подвигу этому — свыше четверти века. Впервые мы узнали о нем из документа, хранящегося в фондах Центрального государственного архива Советского Союза в Москве. Мы знали о подвиге. Но в течение двадцати семи лет мы не знали, кто был этот человек, как его звать, откуда он родом. Но этим человеком, совершившим подвиг на Таллинском аэродроме, может по праву гордиться весь советский народ, вся наша страна.

Весть о беспримерном мужестве советского человека дошла из оккупированного Таллина через линию фронта до наших воинов под Ленинградом. Они еще крепче сжали в руках оружие.

«Уважаемые товарищи из Таллинского телевидения! — писал нам Федор Михайлович Луговских из Воронежа. — Сегодня, 22 февраля с. г. (1966 г. — Э. М.) мне удалось послушать рассказ вашего комментатора о подвиге неизвестного матроса Балтийского флота на Таллинском аэродроме. Аналогичный рассказ о подвиге матроса на Таллинском аэродроме я слышал в сентябре 1941 года от бывшего начальника политотдела спецчастей ВВС КБФ полкового комиссара тов. Урядова, Ивана Ивановича. Хорошо помню, что тов. Урядов И. И. вернулся от комиссара ВВС КБФ и рассказал об этом подвиге... Но фамилию этого матроса не помню...

В то время я работал инструктором политотдела по комсомолу и об этом подвиге матроса рассказывал комсомольцам. В те дни подвигов было много, но этот был известен многим воинам, которые клялись отомстить за погибшего товарища...»



Raadio ja Televisiooni Komitee
SAADUD
28. 02 1966
№ I- 1193

Уважаемые товарищи из
Таллинского телевидения!

Сегодня, 22 февраля с.г., мне удалось прослушать Вашего комментатора о подвиге неизвестного матроса балтийского флота на таллинском аэродроме. Аналогичный рассказ о подвиге матроса на таллинском аэродроме я слышал в сентябре 1941 года от своего бывшего на-

Выдержка из письма Федора Михайловича Луговских.

Из уст в уста передавали весть о подвиге балтийского матроса узники фашистских тюрем и концлагерей в оккупированной Эстонии. Это помогало им жить, бороться.

В сентябре 1941 года рассказ о подвиге на Таллинском аэродроме слышал нынешний житель деревни Ясеновка, Житомирской области — Алексей Саввич Шевчук, активный участник обороны Эстонии в 1941 году. Алексей Саввич пишет:

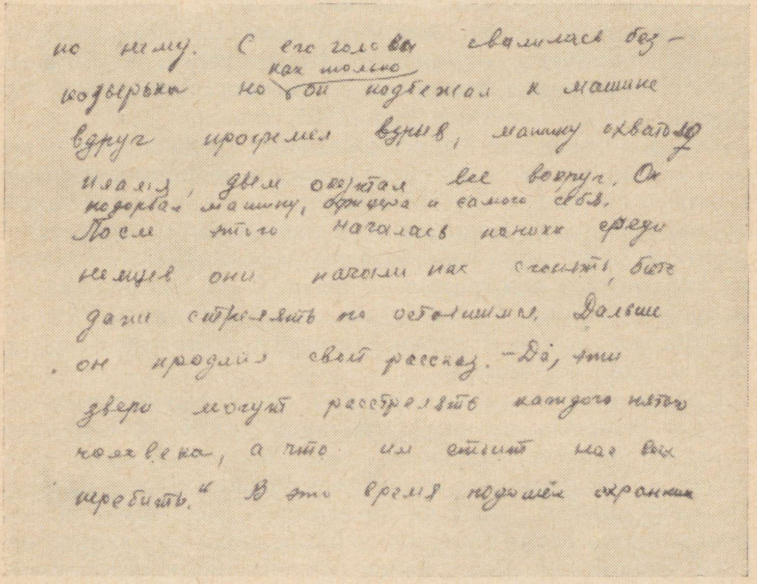
«Уважаемые товарищи из Эстонского телевидения! 22 февраля 1966 года я слушал рассказ вашего журналиста о подвиге на Таллинском аэродроме, который совершил наш моряк, имя которого неизвестно. В числе военнопленных, которые были в Таллине, был и я. Мы работали на аэродроме, но это было уже позже, где-то в середине сентября. Рассказы о подвиге моряка передавались среди нас из уст в уста. Но ни имени, ни фа-

милии его я не знаю. Кто мог фиксировать все события тех дней...

О случае на аэродроме я узнал вот каким путем. В сентябре месяце в лагерь пришли немцы, на этот раз в летной форме, как мы позже узнали. Они спешно начали выстраивать пленных. Некоторые, увидев их, начали убегать в гараж, в котором мы жили. Набрав партию человек в 200—250, они начали гнать нас на работу, все время подстегивая резиновыми дубинками. Нас гнали улицами Таллина, потом мы увидели, что нас гонят на аэродром. Здесь выстроили всех по два человека. Пришло много немцев, один из них, в офицерском чине, начал речь, которую переводчик переводил нам на русский язык. Офицер сказал: «Все должны работать честно. Никто не должен убегать. Кто убежит, тот будет пойман и расстрелян».

В нашей части один товарищ назвался трактористом. Нас, человек 10, повели к тягачу. Мы возили плиты...

Выдержка из письма Алексея Саввича Шевчука.



по нему. С его головы свалилась без-
козырька, но как только он подбежал к машине
вдруг прогремел взрыв, машину охватило
пламя, дым окутал все вокруг. Он
подорвал машину, офицера и самого себя.
После этого началась паника среди
немцев они начали нас сгонять, бить
даже стрелять по остальным. Дальше
он продлил свой рассказ. — Да, эти
звери могут расстрелять каждого пятого
человека, а что им стоит нас всех
перебить." В это время подошёл охранник

На третий день снова поехали на тракторе. Но как только мы сели на трактор, часовой поднял крик. Он искал тракториста, как мы позже узнали, а его не было, он убежал, да не один, а прихватив с собой еще одного товарища... На аэродроме всех согнали с работы, сбежались немцы. Начали построение. Нас били по лицу, по спине, нас обвиняли в том, что мы не сообщили охраннику о побеге тракториста. Угрожали расстрелом. Потом поставили в строй и начали вызывать каждого пятого человека из строя, как заложников — на расстрел. О трактористе мы знали только одно, что его звали Васей, некоторые поговаривали, что он лейтенант-артиллерист...

Потом перед нами встал какой-то немецкий офицер и сказал, что на сей раз он прощает, но если еще раз так получится, то каждый пятый будет расстрелян... В команду, которая возила плиты, я больше не попал... На работе мы рассуждали, куда он мог бежать, удастся ли ему пробраться к своим, мог ли комендант-немец расстрелять каждого пятого за одного бежавшего.

— Да, мог, — подтвердил один из пленных. — Ведь, братцы, — начал рассказывать он, — до вашего прихода здесь уже работали пленные...»

Итак, автор письма, Алексей Саввич Шевчук, слышал рассказ человека, который был свидетелем подвига на Таллинском аэродроме и видел своими глазами все, что произошло в то осеннее утро 1941 года.

Со слов очевидца Алексей Саввич рассказывает: «Это был моряк, он что есть силы бежал к немецкой машине и что-то кричал... Те, что были поближе, услышали его слова: «Господин полковник, я нашел ваши часы!» Охранники бежали за ним, хотели перехватить его. Один из охранников выстрелил по нему. С его головы свалилась бескозырка. Но он подбежал к машине и тут же прогремел сильный взрыв, машину охватило пламя, дым окутал все вокруг.

Среди немцев началась паника, они стали нас сгонять, бить и стрелять по нам. Эти звери могут расстрелять каждого пятого человека, что им стоит нас всех убить... Ни фамилии, ни имени моряка он не назвал. Не могу сказать, знал ли он его сам. Ведь всех не можешь знать. К тому же, здесь были люди из разных частей, различных родов войск, многих национальностей.

К сожалению, больше я ничего не знаю об этом подвиге. Тем более, что за долгие годы, которые прошли с того времени, очень многое забылось...

Еще раз большое спасибо за то, что ваш народ помнит всех тех, кто с оружием в руках стоял у стен Таллина. Большое спасибо всем эстонским товарищам, которые в трудную пору оказывали нам материальную помощь. Где бы они ни были, что бы с ними ни произошло, мы их не забудем — Матти из Копли, Пийпуса, который жил на улице Ластекоду, Коппас, женщин с фанерной фабрики и многих, многих других...»

О подвиге на Таллинском аэродроме узнали узники Бухенвальда. Один из них, товарищ Штраубе, поведал об этом советскому офицеру Георгию Афанасьевичу Литвину, ныне москвичу, а ранее служившему в ГДР...

«Я прослушал рассказ о подвиге матроса-балтийца на Таллинском аэродроме, — пишет мне Георгий Афанасьевич Литвин, — и был удивлен, так как я знал об этом из рассказа одного немца-антифашиста в Германии. После войны я длительное время служил в советских войсках в Германской Демократической Республике офицером-переводчиком с немецкого языка и, естественно, беседовал с тысячами немцев.

Однажды я беседовал с одним немцем-антифашистом, который провел многие годы в концлагере Бухенвальд. Это было в городе Эйленбурге, возле города Лейпцига, в 1955 году. Фамилию немца я точно не помню, кажется, Штраубе, я могу описать, как его найти.

Этот немец рассказал мне о мужестве советских людей. Мне очень запомнился его рассказ о том, как один советский матрос почти в полуживом состоянии был доставлен с партией военнопленных в концлагерь Бухенвальд. Здесь, как всегда, их ждали издевательства. Когда прибывших выстроили на виду всего лагеря, из строя выскочил матрос и ножом перерезал горло эсэсовцу. Это был матрос-севастополец. Да, — сказал этот немец, — мы уважали советских моряков, хотя фашисты их в плен брали редко. Дальше он говорил, что об этом случае долго говорили узники между собой. Он рассказал также, что в концлагере Бухенвальд он слышал рассказ о героическом поступке пленного мо-

ряка-балтийца на аэродроме Ревеля. Рассказ этого немца и Ваш — похожи. Я, конечно, особенно не придал значения этому случаю, так как очень много слышал рассказов о героизме и сам сражался на фронте. Более подробно об этом случае можно попытаться расспросить этого немца, такой рассказ я слышал — это точно...

Решил все Вам написать, так как сам желаю, чтобы было установлено имя этого героя. Этот немец говорил еще, что после этого случая все узники Бухенвальда убедились, что советские люди победят фашизм...»

Человек, совершивший подвиг на Таллинском аэродроме, хоть и погиб, но продолжал наводить страх и ужас на фашистов. В этой связи я хочу еще раз обратиться к письму Георгия Афанасьевича Литвина: «Один бывший фашистский офицер-австриец рассказал мне о случае, который произошел с ним лично. А именно: он ехал в легковой машине где-то в Прибалтике, дело было осенью—зимой 1941 года. Его машина столкнулась с повозкой, запряженной лошадью, на ней ехал старик. Естественно, и советский человек перепугался, ибо ожидал, что его ждет смерть, перепугался и офицер-австриец, ибо считал, что человек в повозке является партизаном. Австриец при этом и вспомнил рассказ фашистских офицеров или приказ о том случае, о чем Вы сообщили слушателям. Одно важно из его слов: этот случай имел место и об этом знают и немцы.»

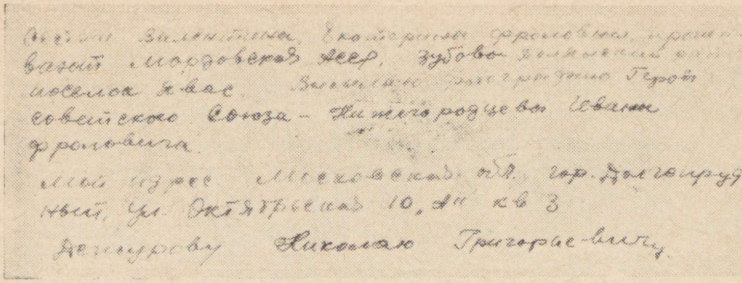
О всех письмах, поступивших в Эстонское телевидение после моего выступления в «Эстафете новостей», здесь просто невозможно рассказать. Приведу лишь выдержку еще из одного письма, названного «Ответ на Вашу передачу по телевидению о героизме». Автор его, А. Андронов из г. Иваново пишет: «Я знаю случай, прошу Вас проверить его, возможно, он Вам поможет разобраться в деле... В августе—сентябре 1941 года мы уничтожили под Брянском немецкую штабную автомашину и захватили в плен полковника. У немца была фотография нашего моряка и краснофлотская книжка, в которой было написано: «Мы будем жить долго...». Остальное было оторвано. Год рождения был пробит пулей, он был кадровый матрос... Мы спросили немецкого полковника, для чего он это взял и носит с собой. Он сказал: «Этот матрос одним мигом сделал меня

№ Т-2683

До Великой Отечественной войны служил на Балтийском флоте краснофлотец Нижегородцев Иван Фролович уроженец, Мордовской АССР, Темниковский район, деревня Лавово. Там его застала война. В марте месяце 1941 года мне краснофлотцу — Дежурову Николаю Григорьевичу пришлось с ним встречаться в гор. Таллин. Это он самый находясь в плену выведенный вместе со своими товарищами на заминированный аэродром и когда им поставили немецкие командование задачу Якобы „найти золотые часы потерянные потерянные немецким офицером". Они пошли по аэродрому. Действительно аэродром был заминирован. Матросы погибали один за другим.

Он пришёл мину к автомашине в которой сидели немецкие офицеры и сказал, что я нашёл Вашей часы, но в действительности была мина, которая взорвалась у него при показе в руках. Убило всех немецких офицеров, взорвало автомашину в том числе и он погиб геройски. Мне хотелось сообщить Вам раньше, но задержала фотокарточка.
Его подвиг героический, этот подвиг помогли мнениям равен подвигу Александру Матросову. Я его считаю героем Советского Союза.
Его отец и мать проживающие в прошлом Мордовская АССР, Темниковский район, деревня Лавово. Нижегородцевы фрол Иванович, Красновы Семеновна Умерли. Братья Павел Фролович, Сергей Фролович погибли при защите Родины в войне 1941-1945 г. В живых ратались брат Иван Фролович, проживающий в Мордовской АССР, Темниковский район деревня Лавово.

Выдержки из письма Николая Григорьевича Дежурова.



Выдержка из письма Николая Григорьевича Дежурова.

богатым и знатным, он в Таллине на аэродроме убил моего брата и отца, и я остался единственным наследником, теперь все мое...»

Еще многие авторы писем, поступивших в Эстонское телевидение после моего выступления в «Эстафете новостей» Центрального телевидения, в один голос подтвердили сам факт подвига на Таллинском аэродроме. Всего мы получили около двухсот писем.

Но долгое время мы не знали имени легендарного матроса Балтики, совершившего подвиг, подобного которому я не встречал в нашей литературе о Великой Отечественной войне.

Я уже потерял было надежду, как вдруг пришло письмо, где было впервые названо имя героя.

«До Великой Отечественной войны служил на Балтийском флоте краснофлотец Нижегородцев Иван Фролович, уроженец Мордовской АССР, — пишет мне майор Николай Григорьевич Дежуров, который служит сейчас в одной из воинских частей Московского военного округа. — Там его застала война. Это он, выведенный вместе со своими товарищами на заминированный аэродром, принес мину к автомашине, в которой сидели фашистские офицеры. Убило всех немецких офицеров, взорвало автомашину, он сам героически погиб. Его подвиг героический, по-моему, он равен подвигу Александра Матросова. Я считаю его Героем Советского Союза».

Итак, Иван Фролович Нижегородцев... Так зовут человека, которого мы разыскивали долгие годы.

Следующее письмо я получил уже от первого секретаря Темниковского райкома КПСС Мордовской АССР тов. Н. Сыркина. Он сообщил, что Иван Фролович Нижегородцев родился в деревне Лавово Темниковского района, в 1919 году, в семье крестьянина, окончил семь классов Лаврентьевской школы.

«Односельчане и сейчас помнят смелого и ловкого юношу, заводилу деревенских ребят, — писал тов. Н. Сыркин. — Вместе с другими подростками Иван иногда подолгу ходил по лесу. А однажды, подражая героям приключенческого романа, Иван залез на вершину высокого дерева и, раскачавшись, перемахнул на соседнее дерево. Ребята восхищались храбростью своего вожака.

После окончания семилетки Иван Нижегородцев работал в своем колхозе, вступил в комсомол, был вожаком общественной жизни.

В 1938 году из деревни Лавово Иван Нижегородцев уехал в Москву, откуда в 1939 году и был призван на службу».

Далее тов. Н. Сыркин пишет:

«Осенью 1941 года родителям Ивана Фроловича было прислано письмо от близкого его товарища, в котором подробно сообщалось о героическом подвиге их сына... (Это письмо и читал майор Н. Г. Дежуров — Э. М.). Родители Ивана умерли: Фрол Иванович в 1958 году, Прасковья Семеновна — в 1959 году. На фронте погибли два брата Ивана — Павел и Серафим. Живы брат Агап и сестры Валентина и Екатерина. Нижегородцевы — все уважаемые люди. О героическом подвиге Ивана Фроловича знают, им гордятся все люди колхоза и всего Темниковского района. Темниковский райком КПСС благодарен Вам за то, что Вы уделяете большое внимание подвигу нашего земляка Ивана Фроловича Нижегородцева».

И еще выдержка — из письма Центрального военно-морского архива: «17 января 1940 года И. Ф. Нижегородцев был зачислен на должность кока при Таллинском участке Службы наблюдения и связи Главной базы Краснознаменного Балтийского флота. В августе 1941 года пропал без вести. Извещение выслано Пролетарскому РВК 11 июня 1947 года».

Пропал без вести...

Иван Фролович Нижегородцев.

Нет, такие люди, как Иван Фролович Нижегородцев, не пропадают без вести. И долг тех, кто остался в живых, рассказать людям все, что им удалось установить о том, что произошло на Таллинском аэродроме.

... Шел конец августа тяжелого сорок первого года. Ни днем, ни ночью не прекращались бои за Таллин. Окруженная с суши, столица Эстонии самоотверженно оборонялась. Защитники ее знали: и здесь, под Таллином, нужно сделать все, чтобы помочь спасти город на Неве. Бои были жаркие: враг был задержан в Эстонии почти на два месяца. Чтобы овладеть Таллином, фашисты вынуждены были перебросить сюда из-под Ленинграда пехотные дивизии, авиационные части.

Силы были слишком неравны. Гарнизон Таллина едва насчитывал в своих рядах одну дивизию, у защит-

ников города не было ни танков, ни полевых орудий. На каждого обороняющегося приходилось в несколько раз больше фашистских войск. Кольцо вокруг города сжималось день ото дня. Но защитники военно-морской базы Краснознаменного Балтийского флота не дрогнули, они ушли только после приказа, не оставив врагу ни одной роты солдат, ни одного целого орудия. Советский Таллин не сдался, не капитулировал: он не стал Сингапуром и Тобруком времен второй мировой войны, английские гарнизоны которых, насчитывавшие десятки тысяч первоклассно вооруженных солдат и офицеров, безоговорочно капитулировали перед японскими империалистами и немецкими фашистами.

Защитники Таллина в июле—августе 1941 года вписали самые героические страницы в многовековую историю города.

Многие герои уже известны народу. Но проходят годы, и мы узнаем о все новых ратных подвигах совет-

Родители Ивана Фроловича Нижегородцева: Прасковья Семеновна и Фрол Иванович Нижегородцевы.

Иван Фролович Нижегородцев (в центре) со своими друзьями. Снимок сделан в 1940 году в Таллине. Справа — Николай Григорьевич Дежуров, ныне майор Советской Армии.

ских людей, продолжавших борьбу и тогда, когда, казалось, это было невозможно.

...Это произошло на второй или третий день после того, как над Длинным Германом в Таллине был поднят флаг со свастикой. Оккупанты праздновали победу. Накануне вечером командир дивизии, первой ворвавшейся в Таллин, устроил прием в честь офицеров, служивших в СС, СД, СА и гестапо, в честь господ из местных предателей. Поднимая бокал, нацист говорил об исторической миссии гитлеровских войск, которым, как он выразился, «выпала великая честь сделать то, чего не смогли добиться наши предки за семьсот лет». Еще говорил генерал, что советские войска наголову разбиты, что, мол, нечего больше и говорить о таком понятии, как боевой дух советских людей, их сопротивление...

На приеме у гитлеровского генерала был, в числе других, и высокопоставленный полковник «Люфтваффе» с группой старших офицеров фашистской авиации.

Прием у генерала длился долго. Оккупанты горла-

нили «Хорста Весселя», поздравляли друг друга с очередными крестами. Разжиревшие тыловики прикидывали, что можно вывезти из оккупированной Эстонии в тысячелетний, как они считали, рейх. Генералы и полковники делили между собой посты в военной комендатуре Таллина, а также и Ленинграда. Люди в черном записывали, со слов господ предателей, где, в каких местах оккупированной Эстонии можно создать очередной атрибут «нового порядка» — концлагерь или тюрьму.

Приблизительно в то же время, рано утром, когда город еще спал, из Центральной тюрьмы стали в спешном порядке выводить узников. Эсэсовцы спешили, подгоняя арестованных, толкая их в спину ногами, полосуя дубинками.

— По четыре в ряд! Живей, живей, становись! — орали охранники.

На улице, примыкавшей к тюрьме, по обе стороны от выстроившихся заключенных, в основном военнопленных, расставили усиленный конвой.

Колонну погнали по утренним пустынным улицам. Арестанты прошли мимо электростанции, затем миновали площадь. Путь был длинный — с одного конца города в другой. Многие из шедших в колонне были ранены. Друзья старались спрятать их в середине, чтобы они не попадали под удары прикладов, чтобы резиновые дубинки эсэсовцев не выводили новых рубцов на их теле.

— Куда нас ведут? — спросил один из узников у шедшего впереди него пленного краснофлотца. — Может, на работу?

— Сволочи... Я им поработаю! — зло ответил Иван Нижегородцев.

Узнику понравился этот смелый парень. Он едва успел заметить, что на моряке не было даже бушлата, как подошел один из охранников, и, полоснув его дубинкой, закричал:

— Не разговаривать! Быстрее, быстрее, а то всех перестреляю!

Там, где улица довольно круто пошла в гору, колонна поравнялась с пожилой женщиной, которая, что-то говоря по-эстонски, быстро и ловко сунула в руки Ивану Нижегородцеву завернутые в бумагу ломоть

хлеба и кусок свинины. Потом она, сделав вид, что зашнуровывает туфлю, отстала от колонны...

Иван Нижегородцев держал в руках хлеб со свининой... Он поминутно оглядывался назад, стремясь еще раз увидеть незнакомую женщину. Друзья слышали, как парень тихо сказал:

— Спасибо тебе, мамаша...

Моряк тайком смахнул слезу с обветренного лица, а затем передал хлеб и мясо в середину колонны, сказав при этом:

— Братцы, это раненым. Только раненым...

Колонна вышла за город. Ее остановили у аэродрома. Старший конвоя, эсэсовский офицер, отдал рапорт полковнику, стоявшему у черной легковой автомашины в окружении группы старших офицеров. Полковник не слушал командира конвоя; во время рапорта он, раскуривая длинную сигарету, о чем-то разговаривал с окружавшими его офицерами. На пустынный аэродром он приехал прямо с приема у командира дивизии.

Узники, между тем, стояли, выстроенные перед черной автомашиной. Полковник сделал несколько шагов вперед и, остановившись перед строем, сказал на ломаном русском языке:

— Господа!.. Entschuldigen... Я хотел сказать «товарищи»... — Он улыбнулся. Его примеру последовали другие офицеры.

— Вчера на этот плац, — продолжал подвыпивший фашистский полковник, — я потерял свои золотые часы. Я хотел бы вас попросить немножко искать мои часы. Тот, кто найдет мои часы, получит от меня хорошую награду. Я даю ему сто германских рейхсмарок, пачку немецких сигарет и хороший обед...

Сказав это, полковник нетвердо повернулся и подошел к офицерам, стоявшим у машины. Начальник конвоя приказал узникам взяться за руки, держаться в шахматном порядке, от шеренги до шеренги три шага. Словом, так, чтобы не был пропущен ни один клочок поля аэродрома...

Пошел, пошел... Вперед, вперед...

Эсэсовцы шли позади четвертой шеренги с автоматами наперевес, на равном расстоянии друг от друга.

За ними, в некотором отдалении, находилась машина с полковником и другими офицерами.

Колонна медленно двинулась вперед, не все узники понимали, что происходит.

Иван Нижегородцев очутился во втором ряду, неподалеку от машины полковника.

— К черту ваши часы и сигареты, — угрюмо сказал он своему соседу, поеживаясь от пронизывающего ветра, который здесь, на аэродроме Юлемисте, дул особенно яростно... — В бирюльки вздумали играть... Часы им ищи!

Через несколько секунд Иван снова обратился к своему соседу:

— Нет ли у тебя, браток, махорки? Курить охота...

Сосед достал чудом уцелевший портсигар и передал Ивану. Дрожа всем телом от холода, матрос стал на ходу сворачивать цигарку.

Нижегородцев, возвращая портсигар, выронил его из рук. Стукнувшись о землю, он раскрылся. Иван нагнулся, и пока подбирал табак и бумагу, очутился позади строя.

— В строй, русская шваль, — заорал на него эсэсовец, и ударом приклада толкнул его в бок.

— Сволочь!.. По ребрам угодил, — сказал Нижегородцев, когда догнал строй и снова взялся за руки с другими узниками. — Так хотелось по морде дать гаду...

Он не договорил. С фланга строя узников раздался взрыв. Все бросились туда. Рядом с воронкой от взорвавшейся мины лежал узник... Чуть в стороне корчились от боли трое тяжелораненых. Несколько человек было ранено легко...

— Один уже нашел часы! — в сердцах сказал Нижегородцев. — Вот те и награда!

Да, так это было. Мы знаем, что фашисты, поправ все правила обращения с военнопленными, использовали их для разминирования аэродромов. Мы знаем о подобных преступлениях по протоколам допросов Нюрнбергского процесса. Теперь мы знаем, что подобные же преступления оккупанты совершали и на эстонской земле.

— Расходись, быстрее в строй! — завопили эсэсовцы, направо и налево раздавая удары прикладами

автоматов. Так на Таллинском аэродроме живыми людьми была разминирована первая мина.

А гитлеровский полковник ехидно сказал:

— За каждую найденную мину вы получите награду. Кто не заметил мины — сам виноват...

Эсэсовцы направили на узников дула автоматов... Строй был немного восстановлен. Но как только он двинулся дальше, с другого фланга раздался второй взрыв... Потом еще...

— Пусть нас лучше расстреляют, чем заставляют подрываться на минах, — крикнул кто-то из узников. — Стой, братва!

Тогда утренний воздух прорезали автоматные очереди — фашисты погнали узников дальше по полю аэродрома.

Балтийский матрос Иван Нижегородцев теперь был уже в первом ряду, и друзья заметили, как он, нагнувшись, напряженно всматривался в землю под ногами.

Слева раздался еще один взрыв...

— Так, так, — повторял матрос, — значит, сами виноваты... Ну, ладно...

— Ага, есть! — вдруг громко сказал Нижегородцев, и, встав на колени, стал разгребать траву. Когда он поднялся на ноги, товарищи увидели в его руках мину, которую он держал так нежно и осторожно, будто это была не мина, а дорогая хрустальная ваза...

Матрос осторожно перевернул мину капсулем вниз и что было сил бросился к машине, оставшейся позади.

— Господин полковник! — крикнул он возбужденно. — Нашел, даешь награду!

Он пробежал мимо оторопевшего автоматчика, пытавшегося его задержать, и оказался у машины.

— O, gut, gut! — сказал полковник, высунувшись из машины. — Я даю тебе хороших сигарет...

И полковник потянулся к кобуре.

— Спасибо, господин полковник, я сам угощу вас, угощу по-балтийски! — громко, чтобы слышали все, крикнул Иван Нижегородцев. И в этот же миг в машину полетела мина. Раздался взрыв.

— Получай, фашист! — были последние слова матроса Балтики Ивана Нижегородцева...

Когда дым рассеялся, узники увидели разворочен-

ную машину, из которой эсэсовцы выволакивали трупы полковника и четырех его спутников.

Рядом с машиной лежало тело матроса.

— Погиб, как настоящий моряк, — тихо сказал кто-то из узников, — лицом к морю...

Сын России, он погиб на земле Эстонии, за свободу которой боролся.

Нет сомнений в том, что, жертвуя собой, он спас жизнь многим узникам, вселил в них волю к победе.

Иван Фролович Нижегородцев, балтийский моряк, защитник Таллина, доказал, что человека, выступающего за правое дело, не победишь.

...Проходят годы, и мы узнаем о новых героях. Давно ли это было, когда рядом с русским матросом Евгением Никоновым, заживо сожженным фашистами, но не выдавшим военной тайны, заняла достойное место эстонская Зоя — разведчица Лээн Кульман.

Герои Советского Союза — Евгений Никонов и Лээн Кульман. Парень с Волги и девушка с реки Эмайыги. Рядом с их легендарными именами теперь можно поставить имя еще одного балтийца — Ивана Фроловича Нижегородцева.

ВОЙНА НА РЕЛЬСАХ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

До тюрьмы они не знали друг друга.

Один из них — Аугустин Рулль — родился на острове Сааремаа, в Вальялаской волости. В июне сорок первого, когда началась война, работал на автобазе в тогдашнем Курессааре. До прихода народной власти Аугустин закончил лишь шесть классов начальной школы. Нужда заставила паренька идти на поиски работы. Наконец ему удалось устроиться на работу в каменоломне на полуострове Сырве. По три шкуры сдирал с рабочих хозяин, но платил мало. Аугустин не раз задумывался о царившей вокруг несправедливости, подолгу беседовал со старыми рабочими, искал в книжках ответы на мучившие его вопросы.

С радостью встретил молодой рабочий июньские события памятного сорокового года. Для него, как и для всего народа, началась новая жизнь, полная радости свободного труда, созидания, учебы. Так наступил июнь сорок первого. Аугустин стал комсомольцем. Вечером ему вручили в укоме комсомольский билет, а утром остров облетела тревожная весть: фашистская Германия напала на Советский Союз. Аугустин без колебаний вступил в ряды защитников родины. Уже 3 июля он был добровольцем истребительного батальона. Вскоре Аугустина выдвигают на должность командира отделения истребительного батальона. Он принимает участие в борьбе с кулацко-националистическими бандами на Сааремаа, на материке. Организует службу противовоздушной обороны в волости Вальяла.

До того, как попасть в тюрьму, Аугустин Рулль не знал Бориса Зеткова. Борис родился и вырос на северо-востоке республики. В годы буржуазной власти был рабочим на фабрике в Кивиыли. Как и Аугустин, Борис смог кончить только несколько классов начальной школы. В год народной власти Борис, как и Аугустин, вступил в члены Ленинского комсомола. А когда началась война, Борис, как и Аугустин, добровольно вступил в ряды защитников родины.

А в тюрьму Бориса и Аугустина доставили фашисты и их пособники. Особенно активно действовали последние. Вирумааский префект Лаас, исполнявший обязанности начальника криминальной полиции Кадак и руководитель политической полиции Вирумааской префектуры Суви 2 февраля 1942 года заключили в концлагерь Бориса, а другая тройка, назначенная так называемым директором внутренних дел оккупированной Эстонии Ангелусом, вынесла приговор Аугустину Руллю.

Но даже оказавшись за колючей проволокой, комсомольцы не прекращали борьбы. Многих подробностей этой борьбы мы не знаем, возможно, о многом не узнаем никогда — ни Борис, ни, очевидно, Аугустин, не дожили до дня победы. Но и из того, что нам известно, мы можем заключить, как геройски вели себя эти люди, очутившись в фашистских застенках.

Это произошло 14 июня 1943 года. В этот день из Центральной тюрьмы было выведено на работу очень много заключенных. То было время, когда гитлеровская военная машина отчаянно пыталась изменить в свою пользу ход сражений, когда тотальная война все больше истребляла ресурсы третьего рейха, а также оккупированных фашистами стран. То было время, когда особенно свирепствовало гестапо, когда фашистские пособники из кожи лезли вон, чтобы угодить своим хозяевам. Узники знали, что в России успешно идет «выпрямление линии фронта» — об этом вынуждены были написать даже геббельсовские издания. Время от времени узники получали правдивую информацию с воли, которая все же проникала сквозь толщу стен в Центральную тюрьму.

Аугустин Рулль и Борис Зетков знали, что на советско-германском фронте идут тяжелые бои. Узники

радовались тому, что линия фронта приближалась к границам оккупированной Эстонии.

... 14 июня 1943 года узники работали в Ныммеском карьере, грузили в вагоны песок. Охрана была усилена. Следили за каждым заключенным, со всех сторон на них были направлены дула автоматов. И все же узники ухитрялись работать «помаленьку», то есть занимались саботажем. Охранники злились, начальство, руководившее работами, неистовствовало. Узники прекрасно понимали, чем недовольны охрана и начальство, и им захотелось подлить масла в огонь.

Первым за дело взялся Борис. Он незаметно подполз к одному вагону и стал наполнять смазочные буксы вагона песком. Он сыпал песок туда, куда обыкновенно льют масло. На помощь Борису поспешил Аугустин — он стал засыпать песок во вторую буксу. Друзья работали с лихорадочной быстротой. Ведь их могли увидеть охранники, на них могли обратить внимание шпики. И тогда... Но нужно действовать, вагонов много. Аугустин подполз к Борису и, подтолкнув его, стал подсыпать песок в буксу, возле которой только что лежал Борис. А Борис был уже у следующего вагона. Он знал, что за ним и Аугустином, затаив дыхание, следят остальные узники. Взгляды друзей одобряли действия Бориса и Аугустина. Война на рельсах продолжалась. Сколько надо было иметь мужества, чтобы решиться на такой дерзновенный поступок! Аугустин и Борис знали, что где-то на воле действуют партизаны, закладывают взрывчатку под полотно железной дороги, взрывают мосты. А потом уходят — в леса, в болота. Но куда скрыться здесь? Тут конец один...

«Сегодня мне стало известно, — написал на следующий день, 15 июня 1943 года ассистент отдела Б IV полиции безопасности и СД оккупированной Эстонии Вальдек Универ, — что 14.06. 1943 в Ныммеском карьере Управления железных дорог при погрузке песка совершен акт саботажа, смазочные буксы вагонов засыпаны песком. Смазочные буксы, заполненные песком, находились на той стороне, откуда проводилась загрузка песка, но они все покрыты соответствующими клапанами, предохраняющими попадание в них песка».

Как же случилось, что полиции безопасности и СД удалось узнать о саботаже? Ответ на это мы можем

найти в протоколах допроса Аугустина Рулля и Бориса Зеткова.

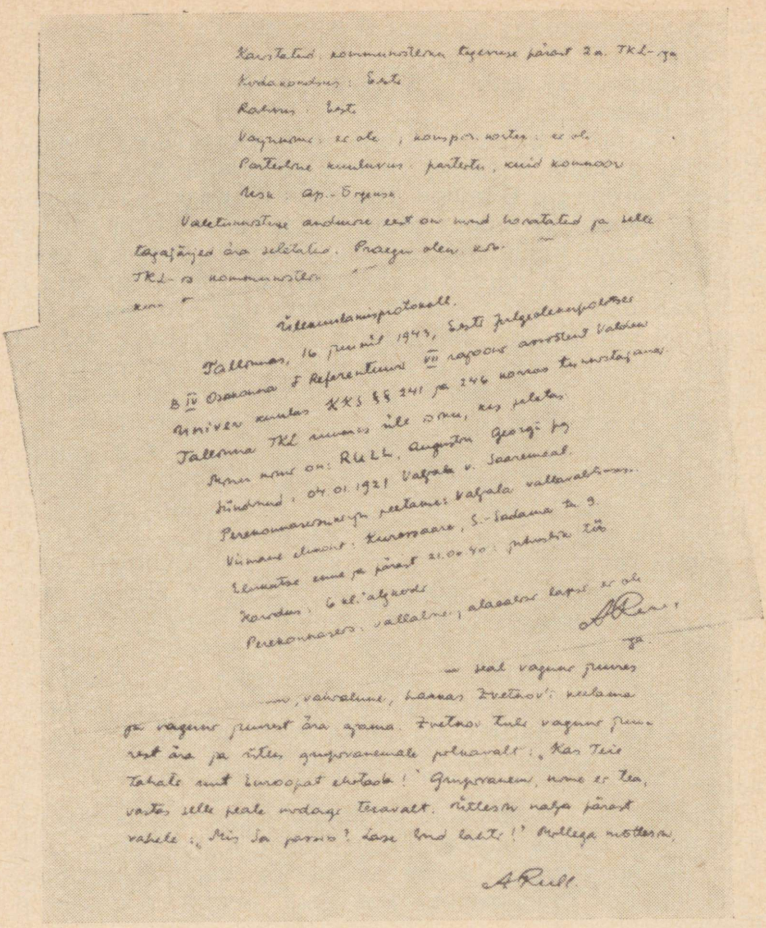
На допросе 16 июня 1943 года Борис Зетков, в частности, показал:

«Я работал у второго вагона, если считать от города. Вместе со мной в одной группе работали еще Рулль, Ренке, Богович и Буршов. Имен их не знаю, за исключением Рулля, которого зовут Аугустином. При работе у меня вдруг появилась мысль засыпать песок в смазочную буксу. Я пошел к третьему от города вагону и засыпал одну буксу песком, пропуская его через отверстие для смазки. Выполнив это, я засыпал песком буксы своего вагона. Когда я был у второй буксы, ко мне подошел Аугустин Рулль и стал вместо меня засыпать буксу песком, я же пошел к следующему вагону, где находился старший группы... Я стал заполнять песком одну буксу их вагона. Старший группы стал запрещать мне. Во время засыпания песка я лежал на земле, как и у других вагонов... Когда же старший группы стал меня ругать, я рассердился, поднялся и сказал ему иронически: «Вы что же, хотите быть строителем этой новой Европы!» Старший группы ответил на это что-то сердито, а что, я сейчас уже не помню. Рулль сказал на это: «Дай ему как следует! Долго же ты разрешаешь придираться...» Я возвратился к своему вагону, но перед этим сказал:

«Ну, теперь если и не загорится, то уж задымится во всяком случае».

Приведенная выдержка из допроса свидетельствует о том, сколь мужественны были Борис и Аугустин. Они даже не испугались, когда их застал старший группы, оказавшийся предателем. Им был некий Александр Кярнер.

Акт диверсии, совершенный Аугустином Руллем и Борисом Зетковым, вызвал переполох среди гестаповцев. Для расследования обстоятельств дела было назначено несколько комиссий. Одна из них, в составе Вальдека Универа, коменданта Центральной тюрьмы Аугуста Ильвеса, его заместителя Юлиуса Михкельсоо, начальника железнодорожной полиции Ныммеского района Рудольфа Йыэпере и слесаря депо Эдуарда Тоомра отметила в протоколе: «При осмотре выяснилось, что у следующих платформ для песка были кем-



Протокол допроса Аугустина Рулля в гестапо.

то злоумышленно заполнены песком смазочные буксы, причем песок частично смешался с маслом:

Вагон Ф 127565 — одна букса заполнена песком;
вагон Р 861810 — две буксы заполнены песком;
вагон Ф 57503 — одна букса заполнена песком».

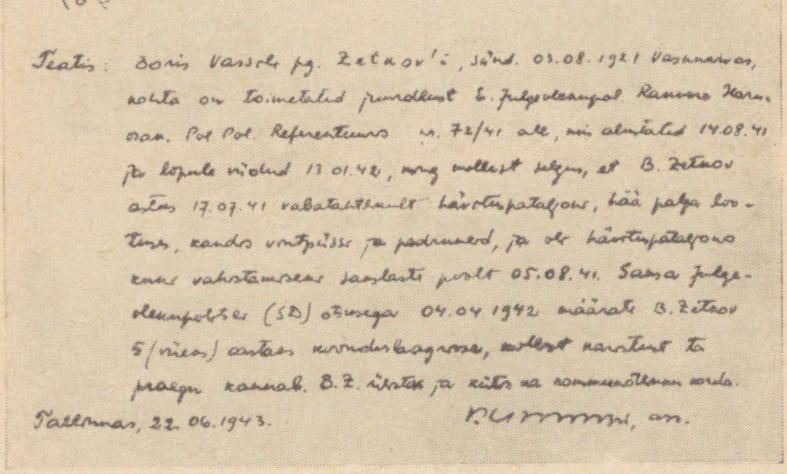
И еще: «Все смазочные буксы находятся своим фронтом в стороне, откуда грузили песок, и клапаны буксов были закрыты».

Из протоколов допроса, хранящихся в архивном деле полиции безопасности и СД, явствует, что и друг Бориса — Аугустин Рулль мужественно вел себя на допросах.

В Таллине состоялся фашистский суд над двумя советскими патриотами, которые продолжали борьбу и за колючей проволокой.

«Именем немецкого народа...» — так начинается приговор. Именем немецкого народа... Не знали, или не хотели знать эти хольцы, йэкке, платцеры и кеске, устроившие судебный фарс над Аугустином и Борисом, что немецкий народ представляют не они, а немцы-антифашисты, которые вели войну на рельсах в Берлине, приводя в негодность железнодорожные пути и сооружения, те немцы, которые сражались в советских партизанских отрядах. Немецкий народ представляли немцы-солдаты, которые и в оккупированном Талли-

Справка, составленная гестапо на Бориса Зеткова.



не, с помощью своих эстонских друзей, изготовляли и распространяли антифашистские листовки.

Суд оккупантов приговорил Бориса Зеткова к смертной казни, Аугустина Рулля — к 12 годам тюрьмы.

Чтобы устрашить население оккупированного Таллина, в городе были вывешены объявления о приведении в исполнение смертного приговора в отношении Бориса Зеткова. Эти объявления подписаны Платцером — руководителем прокуратуры при немецком суде в Таллине.

«Резюме» следственного дела на Аугустина Рулля.

Juurdluskokkuvõte akt nr.3299/43 kohta.

Käsitab: R u l l, Augustin, Georgi p., sünd.4.ol.1921. Valjala vallas, Saaremaal, viimane eluk.Kuressaares, S.Sadama 9, eestlane, Eesti kodanik, tööline, vallaline.

A.Rull töötas Eesti omariikluse ajal Saaremaal kivipurustamise töölisena. Kommunistliku valitsuskorra ajal töötas Kuressaares autobaasis autotöölisena. Oli kommoorte organisatsiooni liige. Astus 3.juulil 1941.a. vabatahtlikult hävituspataljoni, kus oli jaoülemaks. Hävituspataljonlasena võttis osa haaranguist antibolševikele Saare- ja Läänemaal ja organiseeris hävituspataljonis õhuvaatlusgruppe. Saksa Julgeolekupolitsei Komandöri korraldusel 12.dets.1941.a. paigutati A.Rull töö- ja kasvatuslaagrisse esimese katseajaterminiga 26.sept.1943.a.

Ollas kinnipidamisel Tallinna Töö- ja Kasvatuslaagris, töötas 14.juunil 1943.a. Kivimäe liivaaugus liivalaadimise töödel raudteevaguneisse koos vahisluste B.Zetkov'i ja teistega. A.Rull nähes, et Zetkov panb liiva vaguni õlipuksi, tegi sama ühe õlipuksi juures, milline osaliselt Zetkov'i poolt juba liivaga täidetud oli, kuna Zetkov jatkas liivapanemist vagunite teistesse õlipuksidesse.

Viibib vahiall Tallinna TKL-is.

Tallinnas, "14" oktoobril 1943.a.

Peareferent
B IV-E.

Juurdluskokkuvõte akt nr.3299/43 kohta.

Käsitab: Z e t k o v, Boris, Vassili p.,
sünd.o3.o8.1921. Vasknarva alevis, viim.eluk.
Illuka v., Virumaal, venelane. Eesti kodanik.

Olles Tallinna Töö- ja Kasvatuslaagris kinnipeetav, töötas 14.juunil 1943.a. Kivimäe liivaaugus liivalaadimise töödel raudteevagunisse, kusjuures pani tahtlikult kahjutekitamise sihil liiva 3-le liivavagunile nelja õlipuksi. Kui kaastõölised - vahialused Zetkov'it selle teo juures keelasid ja juhtisid tähelepanu teo kuritegelikkusele, ei jätnud Zetkov keelust hoolimata kohe liivapanemist pooleli, vaid ütles keelajaile pilkavalt: "Kas teie tahate Uue Euroopa ülesehitajad olla?" ja vihjates oma teo tagajärgedele, ütles: "Kui ta just põlema ei hakka, siis suitsema hakkab kindlasti!"

Ülekuulamisel võttis Zetkov temale ettepandud süüdistuse õigeks, põhjendades seda mõtlemata teoga. Töö- ja Kasvatuslaagris käitub Zetkov kaabaklikult, on korratu ja püüab jätta täitmata sisekorra nõudeid. Kaaslastega läbisaamine on halb. Kaasvahialuste selatusil on Zetkov bolševistlikult häälestatud ka praegu. TKL-is on Zetkov distsiplinaarselt karistatud kambri seinast augu läbipuurimise ja kambrivanema viisakuseta kohtlemise pärast 7-me päeva kartseri arestiga ning vastuhakkamise ja tööletõrkumise pärast 3-me päeva kartseri arestiga.

Zetkov'i praegune asukoht Tallinna TKL-is vahialusena.

Tallinnas, "14" oktoobril 1943.a.

Peareferent
SIV-E.

«Резюме» следственного дела на Бориса Зеткова.

О судьбе Аугустина Рулля мы, к сожалению, пока ничего не знаем.

Быть может, среди читателей этой книги найдутся люди, знающие что-нибудь о судьбе Аугустина Рулля. Быть может, найдутся родители и родственники отважных участников антифашистского Сопротивления и помогут дополнить наш рассказ о них.

ПУСТОЙ КОНЦЛАГЕРЬ

Я давно знаю этого человека. В качестве радиожур
налиста я интервьюировал его, когда он был директо
ром фабрики «Орто», а еще до этого мне приходилос
писать о нем, как об одном из лучших литейщико
завода торгового оборудования ЭРСПО, который впо
следствии работал техником-нормировщиком, стар
шим экономистом, заместителем начальника плановог
отдела, главным диспетчером, начальником механиче
ского цеха, начальником отдела технического конт
роля, председателем профсоюзного комитета. И во
это — на одном и том же заводе. Но вот уже года че
тыре я не встречался с Каарелом Пийроя. В чем дело
Эти годы он работал директором цветоводческого ком
бината ЭРСПО «Агу». А о цветах мы пишем куда мень
ше и реже, чем, скажем, о продукции завода, на которо
вырос Каарел Пийроя. Поэтому-то мы с ним давно и н
виделись.

Я полагал, что знаю все или почти все, касающееся
жизни Каарела Пийроя. Каарел Пийроя, надо отдат
ему должное, давал ответы на мои вопросы с точ
ностью до десятой доли процента, кроме того — мо
будучи председателем комитета профсоюза, назвать н
только полные установочные данные в отношени
лучших людей завода, но и рассказать их краткие би
графии.

Но вот недавно я снова разыскал Каарела Пийро
На этот раз меня не интересовали проценты. Даже н
лучшие рабочие цветоводческого комбината. С Каар
лом Пийроя мы весь вечер говорили... о фашистски

Каарел Пийроя.

концентрационных лагерях, о колючей проволоке, эсэсовцах, об унижениях и издевательствах, которым подвергались узники, об их самоотверженности и героических поступках в годы фашистской оккупации Эстонии. Когда Каарел Пийроя рассказывал о тех днях, я подумал, как мало знал я о нем и его товарищах по фашистской неволе.

Собеседнику моему полсотни лет, но он выглядит значительно моложе. Он почти со стенографической точностью описывает события, участником которых был почти четверть века назад. А о событиях этих стоит рассказать. Тем более, что о них до сих пор ничего еще не написано. Между тем мы имеем дело с новой, доселе неизвестной героической страницей из истории сопротивления народа Советской Эстонии немецко-фашистскому оккупационному режиму.

... Каарела Пийроя арестовали «омакайтчики» Ангелуса сразу же после того, как гитлеровцы захватили Кулламааскую и Кирбласкую волости в Ляэнемаа. Местные предатели не могли простить крестьянскому сыну того, что в год восстановления народной власти он

Хелкив Спренк.

был выдвинут на должность секретаря волисполкома. Взяв Каарела Пийроя под стражу, «омакайтчики» отвезли его в Пярну. Но так как против арестованного политической полицией не удалось собрать никаких улик — народ слишком уважал Каарела Пийроя — он был вскоре выпущен из тюрьмы. Вернувшись на отцовский хутор в кулламааскую деревню Йыгисоо, Каарел Пийроя обязан был еженедельно показываться в полиции. Но так продолжалось недолго. В мае 1942 года йыгисооский констебль Кастерпалу вновь арестовал Пийроя и отвез его на этот раз в Хаапсалускую тюрьму.

Первое, о чем подумал узник, оказавшись за толстыми стенами, — побег. Эта мысль неотступно преследовала его, особенно после того, как спустя три месяца со дня ареста его вызвали в особую камеру Хаапсалуской тюрьмы, где заседала так называемая «Комиссия по проектированию наказаний», состоявшая из местных предателей.

Последние, видимо, торопились, они даже не сочли нужным спросить фамилию приведенного к ним узника. Один из них, пробежав глазами какую-то бумажку,

лежавшую на столе, небрежно буркнул: «Посадить в концлагерь на неопределенный срок». Пийроя хотел было узнать, за что ему назначено это наказание.

— Не отнимай у нас времени своими расспросами, — ответил один из троих, — благодари фюрера и бога, что тебя к стенке не поставили! — Затем приказал охраннику: — Уведите эту сволочь!

Заключен на неопределенный срок... Но Пийроя внес свои коррективы в меру наказания, «запроектированную» ему тремя предателями.

...Осенью 1942 года группу узников из Хаапсалу, в числе которых был и Каарел Пийроя, перевели в филиал тюрьмы — в концлагерь, созданный недалеко от железнодорожной станции Risti. Таких лагерей — больших и малых — в годы оккупации было создано на эстонской земле свыше сотни. Какие только помещения не использовались, чтобы организовать очередной гестаповский застенок! Они обносили высокими рядами колючей проволоки здания школ и домов куль-

Бывшее здание волостного правления, в котором фашисты создали концлагерь.

туры, они создавали концлагеря в выставочных павильонах и бывших армейских казармах. Они бросали узников в бывшие товарные склады и здания кооперативов, в пустующие цехи заводов и фабрик. Колючая проволока была, пожалуй, одним из основных атрибутов «нового порядка», который насаждали на эстонской земле гитлеровцы и поступившие к ним на службу местные предатели. Они-то — бывшие охранники Хаапсалуской тюрьмы при господстве клики Пятса-Лайдонера — и стали новыми хозяевами Каарела Пийроя и его товарищей, местом заключения которых стал превращенный в концлагерь... крестьянский хутор в деревне Мике, примерно в километре от станции Risti. Хутор, конечно же, был до этого обнесен колючей проволокой и усиленно охранялся людьми в черных мундирах. Узников, изнуренных и голодных, заставляли работать по четырнадцать и больше часов в сутки. А тех, кто не выполнял нормы, вовсе лишали и без того скудной пищи.

Находясь в этом лагере, Каарел Пийроя и его друзья тщательно готовились к побегу. Когда, казалось, все было готово, узников вдруг снова перевели в Хаапсалускую тюрьму.

— Аж зло взяло! — говорит Каарел Пийроя. — Очутившись снова в Хаапсалуской тюрьме, мы опять стали готовить побег — подыскивали подходящих людей среди охранников (в первом лагере мы уже чуть не склонили на свою сторону охранника), стали собирать группы узников, которые должны были вырваться на свободу. Но вскоре нас, уже в который раз, перевели в лагерь. Это был филиал Вазалеммаского концлагеря и находился он в бывшем здании Пийрсалуского волостного правления. До нас здесь за колючей проволокой держали евреев и цыган...

Прибыв на новое место заключения, Каарел Пийроя не оставлял мысли о побеге. Вскоре он тесно сошелся с другими узниками — ярвамааским крестьянином Хелкивом Спренком, учителем с Сааремаа — Алексеем Рауком, Хансом Круллем — также сааремаасцем, и некоторыми другими невольниками. Со временем они вчетвером составили ядро подпольной организации, начавшей подготовку к организации побега.

Для этой цели члены подпольной организации изучили всех охранников, чтобы выявить среди них такого, которого можно было бы со временем посвятить в планы узников. Большинство охранников сразу же отпало: Уньт был охранником тюрьмы еще при буржуазной власти, на счету детоубийцы Вийка было участие в кошмарах Калеви-Лийва. Начальник концлагеря Крээк еще до этого показал свою верность фашизму службой в гитлеровских войсках. Но вот внимание членов подпольной группы остановилось на охраннике Рандмаа. Они установили, что Рандмаа был родом из-под Абья, служил в буржуазной Эстонии чуть ли не батраком у кулака. В «Омакайтсе» попал, видимо, по мобилизации. Началась «обработка» охранника: сначала тонкое прощупывание, а затем узники пытались заговорить с Рандмаа на политические темы. Неожиданно члены подпольной группы почувствовали, что охранник сам стал искать контактов с узниками.

— Не провокация ли? — мелькнуло в голове у Каарела Пийроя и его товарищей, которые за годы пребывания в фашистских тюрьмах уже успели узнать, как часто, а иногда и ловко гестапо засылало шпиков в тюрьмы.

Так прошло еще несколько месяцев. Члены подпольной организации разрабатывали детали побега, намечали маршруты для отдельных групп беглецов, продолжали пристальное наблюдение и изучение охранника Рандмаа.

Жизнь в концлагере между тем становилась все невыносимей. Целыми днями узники должны были выполнять непосильные работы. Питание было отвратительным. Вместо супа — кружка кипяченой воды, в которой плавала тресковая голова. Вместо хлеба — кусок рыхлого вещества, состоявшего из опилок, клея и еще чего-то. Изнуренные тяжелой работой, заготовкой леса, заключенные возвращались в лагерь еле держась на ногах и, как мертвые, падали на солому, служившую им постелью на двухъярусных нарах. Но спали не все. Не спали члены подпольной организации, с некоторых пор взявшие на себя ответственность за судьбу всех узников лагеря. Пока что об этом знали только четверо: Каарел Пийроя, Хелкив Спренк, Алексей Раук и Ханс Крулль.

Со временем, особенно когда линия фронта приблизилась к Нарве, охранник Рандмаа стал своим человеком среди узников, почти вошел в подпольную организацию. Каарел Пийроя рассказывает:

— Рандмаа постоянно информировал нас о положении дел на фронте, о настроениях людей, охранявших нас. Мы договорились с ним, что с его помощью завладеем оружием охранной команды, а если потребуется, убьем охранников и убежим в лес, конечно, вместе с Рандмаа. «Если нужно, я сам перестреляю всех охранников», — заявил он мне как-то.

Но события развернулись по-иному. 24 июня 1944 года членам подпольной организации стало известно, что на 25-е назначена эвакуация всего концлагеря в Вазалемма, а оттуда — в Таллинскую центральную тюрьму.

Теперь мы знаем, что это было время, когда Мяэ и Ангелус, Мере и Викс, выполняя приказ своих хозяев из «рейха», сделали все для того, чтобы «ни один арестованный не попал в руки Красной Армии». Это было время, когда Викс уже подобрал место на Метсакальмисту для расстрела тысячи человек, вывезенных из Таллинской центральной тюрьмы. Это было время, когда из Таллинского порта готовились к отплытию корабли, трюмы которых были забиты узниками, привезенными в Таллин из Нарвы и Вильянди, из Тарту и Пярну. Теперь мы знаем, что суда эти доставили узников в Штутгоф, где погибли, в числе других, и почти все узники из Эстонии.

В тот день, когда члены подпольной группы в Пийрсалуском концлагере узнали о предстоящей эвакуации лагеря, они приняли смелое решение: тотчас же организовать побег. Сегодня, только сегодня, ибо завтра, быть может, будет уже поздно...

В ход были пущены все средства, имевшиеся в распоряжении подпольщиков. Полностью были раскрыты карты и перед Рандмаа. Ему поручалось увести членов охранной команды подальше от лагеря. Эту задачу он выполнил блестяще. Охранники во главе с начальником концлагеря Крээком задолго до наступления вечера пошли «прощаться» на окрестные хутора, где они обыкновенно получали самогонку. Выполнить это поручение подпольщиков Рандмаа было довольно легко

еще и потому, что охранники, особенно Вийк, да и сам комендант, были весьма охочи до спиртного. С последними охранниками, для видимости, покинул лагерь и Рандмаа. По плану, разработанному Хелкивом Спренком, Алексеем Рауком, Хансом Круллем и Каарелом Пийроя, Рандмаа должен был вскоре вернуться в лагерь, чтобы помочь узникам выйти на свободу.

Потянулись часы и минуты напряженного ожидания. Узники находились под замком в концлагере, окруженном оградой из колючей проволоки трехметровой высоты. Расстояние между рядами колючей проволоки — десять сантиметров. Тридцать рядов колючки. У дверей — охранник с оружием, в котором пуля была в стволе.

Нервы членов подпольной организации напряжены до предела: почему-то задерживается Рандмаа. День клонится к вечеру, скоро могут вернуться члены охранной команды и комендант Крээк.

Что делать? Долго придется еще ждать? Но вот громко звякнул огромный ключ, дверь отворилась, и на пороге показался... вооруженный охранник.

— Что это значит? Что ему надо? — пронеслось в голове Каарела Пийроя и Ханса Крулля, которые, на всякий случай, встали ближе всего к охраннику. Тот помялся, помялся, а потом сказал, что его, дескать, обидели, все пошли глушить самогонку, а его, несчастного, оставили одного караулить. Невзирая на строгий приказ, он открыл дверь и решил поговорить с узниками о спиртном...

— Чтобы дальнейшее было более ясным, — говорит мой собеседник, — я хочу вам вкратце рассказать о расположении концлагеря. Каарел Пийроя взял мой блокнот и стал чертить линии и стрелки.

— Вот это главное здание концлагеря, — пояснял Каарел Пийроя. — В той части здания, что побольше — наши нары, а за толстой перегородкой — помещение для охранной команды. Вся территория концлагеря обнесена колючей проволокой, причем так, что само здание оставалось посредине. Ограда была шириной метров шестьдесят, длиной — около ста. На территорию концлагеря вели двое ворот, которые всегда были заперты. Через одни ворота можно было попасть на шоссе Ристи-Пийрсалу, напротив них, примерно в

двадцати пяти метрах от шоссе, находился дом кузнеца Нийта. Как мы знали, он торговал самогонкой. Другие ворота находились на противоположной от шоссе стороне ограды, выход из них вел в сторону Пийрсалуской начальной школы, а дальше — к лесу...

— А теперь я продолжу свой рассказ с того момента, когда в дверях концлагеря показался вооруженный охранник, проявивший интерес к спиртному, — сказал Каарел Пийроя. — Так вот, когда охранник, у которого болела душа — как-никак, а другие члены охранной команды пьют, ему же приходится дежурить и за них, заикнулся насчет самогонки, Хелкив Спренк, попросив извинения, предложил попробовать раздобыть спиртного у кузнеца Нийта.

— Так без платы он ведь не даст, — оживился охранник, которому, видно, пришлась по душе эта мысль.

— Мы, конечно, можем дать немного из своих запасов сахара, — вступил в разговор и я, — но лишь при одном условии: вы поделите самогонку и с нами. Ведь завтра мы прощаемся с Пийрсалу.

Охранник сначала задумался, а потом стал хватать из рук узников мешочки с сахаром, который был накоплен членами подпольной организации на случай побега.

— Только смотри, — напутствовал охранника Алексей Раук, — чтоб за каждый килограмм сахара принес не меньше литра самогонки. Дешевле не отдавай!

— Ладно, ладно, — пробурчал охранник. — Ты, дурак, и не знаешь, что за килограмм можно два с половиной литра получить, — решил показать он свою осведомленность в этом деле.

— И еще смотри, чтоб не засыпался, — деловито шепнул четвертый член подпольной организации, Ханс Крулль, — выходи через вторые ворота, так будет незаметней...

И вот человек с автоматом в одной руке, с мешочками сахара — в другой, зашагал в сторону вторых ворот. До этого он, конечно, накрепко запер дверь здания, где находились узники.

— Товарищи! Слушайте внимательно! Времени у нас мало! — обратились к остальным узникам члены подпольной группы. Через несколько минут мы взломаем дверь, выбежим во двор лагеря, проделаем про-

ход в колючей проволоке и убежим в лес. Мы будем на свободе. Это — приказ подпольной группы, обязательный для всех узников. Итак, по местам...

Только на секунду воцарилась тишина. Потом все, или почти все пошло по плану, разработанному четверкой смелых подпольщиков: Каарелом Пийроя, Хансом Круллем, Алексеем Рауком и Хелкивом Спренком.

Одна группа узников пристально следила за охранником, который, выйдя через вторые ворота, быстрыми шагами направлялся к домику кузнеца Нийта. Вторая группа узников, вооружившись чем попало, стояла наготове, чтобы по первому сигналу навалиться на дверь и выломать ее... Члены подпольной организации давали последние указания узникам о том, кто из них в какую группу войдет, когда люди будут уже на свободе — бежать всем вместе опасно...

Наступали самые ответственные минуты выполнения дерзновенного плана... Охранник уже перешел шоссе... Еще минута, нет, меньше, и он войдет в дом... Тогда времени терять нельзя. Но боже, как медленно идет оно, это время! Подготовившимся к побегу узникам кажется, что каждый из них успел бы уже три, да что там три, раз пять дойти до дома кузнеца. И вот охранник постучался в дверь.

— А вдруг никого нет дома? — переглянулись между собой члены подпольной группы.

— Тогда может, подождем Рандмаа, — предложил кто-то из них.

— Или разделаемся с охранником, — вставил Каарел Пийроя.

— Вошел, вошел! — воскликнул Хелкив Спренк. — Еще пять секунд, и — ломай!

Раз...

Два...

Три...

Четыре...

Пять...

Так считали хором все узники, нервы их были напряжены до предела. Узники приложили все свои силы, и дверь концлагеря с треском была выломана.

Быстрей! В течение минуты, а, может, и быстрее, все узники оказались во дворе концлагеря. Послышалась новая команда одного из руководителей побега.

— Ко вторым воротам сделаем проход в ограде... Исхудалые и замученные узники побежали к трехметровой ограде из колючей проволоки. Скорей, скорей! Ведь каждую секунду из дома кузнеца мог выйти охранник с автоматом. Вот кто-то из узников стал уже проделывать проход в колючей ограде концлагеря... А в это время Каарел Пийроя, случайно потрогавший замок на вторых воротах, вдруг обнаружил, что охранник в спешке позабыл запереть ворота.

— Сюда! Сюда! — скомандовал Каарел Пийроя. В это время первые узники, оказавшиеся ближе всего к воротам, уже выбегали из лагеря. За ними помчались другие.

— Быстрее, быстрее, — торопили члены подпольной группы своих товарищей, — а то попадемся охраннику в лапы...

Подальше от лагеря, в лес! Вот уже первые узники достигли опушки леса, вот они уже скрылись между деревьями... За ними, падая от усталости и нервного перенапряжения, падая и снова поднимаясь, мчались остальные.

В это время охранник, быстро заключив сделку, довольный, выходил на крыльцо дома кузнеца Нийта. Стоило ему лишь взглянуть в сторону ворот концлагеря, как он понял, во что обошелся ему на этот раз самогон. Скинув автомат, он послал длинную очередь в сторону леса. Одну... вторую... третью... Но пули, к счастью, никого не задели. Еще мгновение, и последние узники скрылись в лесу. Случилось почти невероятное — сбежал весь лагерь! Операция, столь долго и тщательно подготовлявшаяся подпольным центром в составе Алексея Раука, Хелкива Спренка, Каарела Пийроя и Ханса Крулля, — удалась.

— Только потом мы узнали, — рассказывает Каарел Пийроя, — что за нами была устроена настоящая охота. Были подняты на ноги местные «омакайтчики» и полицейские. Очевидно, услышав стрельбу, в лагерь примчались комендант Крээк и несколько членов охранной команды. Убегая, мы слышали все усиливавшуюся стрельбу. Углубившись в лес, мы рассыпались на группы.

— Кто входил в Вашу группу? — интересуюсь я.

— Раук, Спренк, Крулль и я, — отвечает Каарел

Участники побега. Слева — Каарел Пийроя, Алексей Раук, Ханс Крулль.

Пийроя. — В тот вечер и в ту ночь мы совершили самый большой марафон в своей жизни. До деревни Турба. Шли напрямик, через леса и болота. Иногда по горло проваливались в трясину. На Паливере мы не пошли, зная, что там расположены части полицейского батальона, — так сказал охранник Рандмаа.

— Кстати, что стало с этим человеком?

— Не знаю... После 24 июня 1944 года я его больше не видел. Надо бы разыскать...

Мой собеседник на мгновение о чем-то задумался. А потом по моей просьбе продолжил свой рассказ.

— Кстати, сахар, который мы копили на случай побега и отдали потом охраннику, нам и не пригодился бы, — с веселой усмешкой рассказывает Каарел Пийроя.

— Почему?

— Бежать с мешочками сахара было бы трудно, потому что мы то и дело бултыхались по горло в болотную воду. А потом хозяин хутора в деревне Турба, где

мы скрывались первые два дня, так хорошо накормил нас, что мы чуть не заболели от переедания.

— Дальше скрывались вчетвером?

— Втроем. Ханс Крулль, которому были знакомы тамошние места, отделился от нас. А мы втроем отправились на хутор моей тетки.

— Она сейчас жива?

— Да, ей больше семидесяти, проживает в колхозе «Первое Мая» Кулламааского сельсовета...

— А как звать ее?

— Мийна Воорель.

— Так вот, через несколько дней мы дошли до знакомых сенокосов. Вернее, через несколько суток — пробирались-то мы ведь только ночами. Кругом шла облава — искали беглецов.

— Встретились с теткой?

— Да, однажды вечером. Она пришла с подойником корову доить. Страшно перепугалась, когда меня увидела — ей было уже известно, что несколько дней тому назад из Пийрсалуского концлагеря сбежали все узники...

— Тетке моей мы многим обязаны. Каждый вечер, отправляясь доить корову, Мийна Воорель несла в подойнике еду для трех человек. Она сообщила моим родственникам, что я и мои друзья совершили удачный побег из концлагеря и теперь собираемся идти на восток, навстречу советским войскам.

— Что же произошло дальше?

— Пока мы отдыхали и набирались сил, чтобы идти навстречу своим, в наши края вернулись части полковника Мулласа, неся освобождение народу. А дальше...

Каарел Пийроя с какой-то лукавинкой посмотрел на меня, а потом добродушно сказал:

— Дальше мы уже встречались с Вами. Помните, на заводе торгового оборудования ЭРСПО.

Я помнил это, но мне хотелось узнать и о судьбе других членов подпольной группы, подготовившей побег узников концлагеря.

— Алексей Раук преподает в Хаапсалу, Хелкив Спренк является, по-моему, директором подсобного хозяйства в Вихула, а Ханс Крулль проживает где-то в районе Нью, работает, кажется, лесничим. Но точно я не знаю. Давно не встречались.

ПОБЕГ ИЗ АДА...

Однажды осенью предпоследнего года войны в Пайкузеское волостное правление зашел невысокого роста человек. Вежливо спросив, где получают паспорта, вошедший быстро оказался у нужного ему стола. Народу в волисполкоме было много, и некоторые разговаривали очень громко. Паспортист, у которого в те дни было работы хоть отбавляй — народ получал советские паспорта — не сразу расслышал фамилию нового посетителя. А тот, с виду немного стеснительный, негромко повторил свою фамилию:

Мяги. Мяги Аугуст Юханович...

Человек за столом стал рыться в каких-то бумагах. А в помещении волисполкома внезапно наступила совершеннейшая тишина.

— В чем дело, что случилось?! — недоуменно спросил паспортист.

Люди, находившиеся в волисполкоме, узнали пришедшего, обступили его. В глазах их светилась радость. Лишь потом Аугуст Мяги вспомнил, что какая-то женщина потрогала его за руку, будто не веря, что это он... Потом взволнованно обняла его и громко сказала:

— Жив, Аугуст! Как хорошо, что ты вернулся. Но какими судьбами? В Пайкузе пришла официальная бумага от фашистов, что тебя расстреляли...

Через несколько минут эта самая бумага, подписанная начальником отдела Б-IV полиции безопасности и СД оккупированной Эстонии оберштурмфюрером СС Виксом, была найдена. В ней значилось, что Мяги Аугуст Юханович, родившийся 5 января 1908 года, 11 ав-

Аугуст Мяги.

густа 1944 года полицией безопасности и СД приговорен к смертной казни и расстрелян 15 августа 1944 года, о чем Викс приказал «сделать соответствующую запись» в книге записей актов гражданского состояния.

Война нагрянула неожиданно. Неожиданно враг оказался и в пределах эстонской земли. А еще до этого местные буржуазные националисты, сынки кулаков и фабрикантов, разного рода полицейские комиссары и ассистенты, уголовный элемент, создали в лесах под Килинги-Нымме вооруженную банду, начавшую терроризировать местное население.

Получив сигнал тревоги, командир отряда истребительного батальона Пярнуской кирпичной фабрики Аугуст Мяги быстро собрал бойцов и выехал в район, где мародерствовали те, кого народ лишил власти в июне сорокового года. Бой был жарким. Хорошо вооруженные бандиты отчаянно сопротивлялись. Как потом выяснилось, банда была создана по заданию гитлеровской разведки ее давнишним агентом, капитаном эстонской буржуазной армии.

В боях с бандой националистов командир отряда истребительного батальона Аугуст Мяги был ранен пулей

в колено и отправлен в больницу. Фронт быстро продвигался к северу. Вскоре оккупанты захватили Пярну. Теперь их верными слугами стали главари бандитских формирований, против которых сражался и Август Мяги.

В бывших огромных складах — «Бети-айт» — построенных из красного кирпича, состоялось первое знакомство Августа Мяги с «новым порядком». Арестованный изменником Вольдемаром Леппом, Август Мяги был доставлен пярнускими «омакайтчиками» в «Бети-айт», превращенный фашистами в гестаповский застенок. Здесь царили разнузданный террор и неслыханные издевательства. Буржуазные националисты старались перещеголять друг друга в демонстрировании преданности гестаповцам. Особенно выделялись Виллем Райд, начальник роты «Омакайтсе», специально созданной для расстрела ни в чем не повинных людей (сейчас является одним из руководителей реакционной эстонской эмигрантской организации в Швеции), начальник Пярнуской политической полиции Кооп (проживает сейчас в Канаде), фашистский префект Оргуссар и ряд других.

Заключив Августа Мяги и сотни его товарищей в «Бети-айт», фашисты и их приспешники в течение первых четырех дней совсем не давали им есть. Ни крошки хлеба. Ни ложки супа. Ни капли воды. И так все четыре дня. Вместо еды — избиения. Вместо воды — изощренные издевательства. Август Мяги помнит случай, когда молодчик из «Омакайтсе» застрелил во дворе «Бети-айт» молодого узника только за то, что когда-то был с ним в ссоре. Пользуясь белой повязкой «Омакайтсе», он стал сводить личные счеты. Охрана, состоявшая из «омакайтчиков», упражнялась в стрельбе... по еврейским девушкам, которые вместе со своими родителями содержались до их расстрела на одном из этажей «Бети-айт».

Отсюда, из маленьких окон бывшего амбара, Август Мяги неоднократно наблюдал, как люди Виллема Райда и сам капитан выводили людей на расстрел...

Закованного в наручники Августа Мяги привезли в Пярнускую тюрьму. Это значит, что своим поведением он уже снискал славу «бунтовщика». Его хотели сломить насилиями и голодом, террором и издевательст-

вами. Но в узнике крепло чувство сопротивления гестаповскому режиму. И вот его заковали в наручники. Посадили в одиночную камеру. Из тюрьмы, как и из «Бети-айт», часто вывозили людей на расстрел. Аугуст Мяги тайком наблюдал, как под покровом темной ночи из соседних камер выводили людей. Кооп, Райд и Оргуссар, которые часто сами заходили в камеры, руководили погрузкой людей в крытые грузовики, а потом следовали за ними в легковых машинах.

Здесь, в Пярнуской тюрьме, предатели из числа эстонских буржуазных националистов, которым гитлеровцы отвели роль палачей, выводили людей на расстрел и говорили, что поведут их в баню. Чтобы это было похоже на правду, узников из камер на самом деле сперва вели в тюремную баню. Там люди спокойно раздевались, не полагая, что весь этот маскарад был придуман для того, чтобы «без лишнего шума» послать людей на смерть. Затем узников группами в три—четыре человека — это видел Аугуст Мяги — выводили в тюремный двор. Здесь люди из «особой роты» Виллема Райда хватали обреченных, заламывали им руки за спину и связывали проволокой. Потом всю группу узников соединяли между собой толстой веревкой и загоняли в поджидавшие грузовики, которые сразу же выезжали из тюремного двора...

Длинный и долгий путь мучений прошёл в фашистских застенках Аугуст Мяги. Лагерь в Массиару, лагерь в Лайксааре, снова Пярнуская тюрьма, лагерь в Варсту, Таллинская центральная тюрьма. А в марте 1943 года он был отправлен в лагерь Лавассааре. Узники часто говорили о побеге, обсуждали, как лучше организовать сопротивление. Аугуст Мяги близко сошелся с Мартином Таммуром (ныне директор театра им. Лидии Койдула в Пярну), Лембитом Ярвом (в настоящее время является директором завода в Тарту) и другими. Со временем кому-то из узников удалось связаться с эстонскими партизанами, действовавшими в пярнуских лесах. От них узники стали получать листовки, содержавшие правдивую информацию о положении на фронтах и призывавшие узников к борьбе против оккупантов. Распространением этих листовок среди узников Лавассаареского лагеря стали заниматься Аугуст Мяги и группа его товарищей. Листовки до-

ставлялись к торфяному прессу, находившемуся в дальней стороне торфяного поля, а оттуда Аугуст Мяги, Мартин Таммур и Лембит Ярв, рискуя собственной жизнью, тайно приносили их в лагерь. Листовки помогали людям жить, бороться и побеждать. Они вселяли уверенность в то, что скоро оккупанты будут сметены с эстонской земли. Распространение листовок, связанное с величайшей опасностью, служило закалкой участникам Сопротивления. Аугуст Мяги и его друзья стали готовиться к побегу из лагеря. Но осуществить его не смогли. Многих узников из Лавассааре, в том числе и Аугуста Мяги, 10 августа 1944 года снова заточили в Таллинскую центральную тюрьму...

10 августа 1944 года... Лишь после необычной встречи в Пайкузеском волисполкоме, описанной в начале этого документального рассказа, Аугуст Мяги узнал, что на следующий день после его перевода в Центральную тюрьму люди Викса поставили против его имени лишь две буквы «EX».

А тогда, в августе сорок четвертого, главари гитлеровского оккупационного режима в Эстонии и их пособники вроде Мяэ, Ангелуса и Мере, упаковывая чемоданы с награбленным добром, давали последние указания полиции безопасности и СД сделать все, чтобы скрыть следы преступлений фашистов на эстонской земле. Такой приказ получил и начальник отдела Б-IV полиции безопасности и СД обер-штурмфюрер СС Эрвин-Рихард-Адольф Викс, и комендант Таллинской центральной тюрьмы штурмфюрер СС Александр Лаак. Приказ гласил: «Ни один узник не должен попасть в руки Красной Армии».

И вот для Викса и Лаака наступила «горячая пора»: они начали «очищать» камеры Таллинской центральной тюрьмы, куда под конец оккупации были перевезены почти все узники из других гестаповских застенков, созданных фашистами в Эстонии. Людей в «Батарейке» долго не задерживали — большинство из вновь прибывших через несколько дней было вывезено в район Метсакальмисту и расстреляно. Сотни узников были погружены в вагоны, на пароходы и отправлены в рабство в «третий рейх».

По прибытии в Таллинскую центральную тюрьму Аугуст Мяги вскоре встретился с охранником, который

помнил его еще с первого периода пребывания там — с ноября 1942 года по март 1943 года. Уже тогда Мяги заметил, что этот охранник отличался от других, тайно сочувствовал узникам. Взглядом охранник дал понять, что фашисты готовят новое преступление. Улучив момент, охранник отозвал Аугуста Мяги в сторонку и, следя за тем, чтобы никто не подслушал их разговора, шепотом сказал:

— Если вызовут в одежде, значит, в Германию...

А если... прикажут раздеться, то повезут на расстрел...

— Когда? — сильно волнуясь, спросил Аугуст Мяги.

— По моим сведениям, завтра-послезавтра... Когда будут связывать руки, сожмите их в кулаки и не скрещивайте, а расположите один кулак рядом с другим, тогда будет легче их высвободить... Вот так — видите. Ну, я пошел, это все, что я могу сказать... Охранник стремительно отошел от узника и гремя связкой ключей, стал открывать дверь камеры, находившейся недалеко от того места, где происходил разговор с Аугустом Мяги.

Значит, завтра или послезавтра будет разыгран последний акт этой кошмарной трагедии... Положение осложнялось тем, что в сорок шестой камере, в которой содержались Аугуст Мяги и около сорока его товарищей, узники почти не знали друг друга. Аугуст Мяги хорошо знал лишь трех—четырех узников. Опасаясь провокаторов, приходилось быть до крайности осторожным. Из новых своих друзей он ближе других сошелся с русским капитаном, военнопленным.

— Значит, решено, — тихо сказал Аугуст Мяги своим друзьям, — бежим!

— В любом случае, — подтвердил капитан.

— Бежим во что бы то ни стало. В пути на станцию или в порт. А может, и на расстрел, — добавили Антс Таммсаар и Юхан Мягер, приговоренные к расстрелу лишь за то, что народная власть дала им землю.

Потянулись часы тревожного ожидания.

Еще с вечера узникам сорок шестой камеры выдали личные вещи, хранившиеся в тюремном складе.

— Что, может на этот раз повезет? — с волнением и маленькой искоркой надежды в голосе сказал пожилой узник, разбирая свое нехитрое имущество. — Раз

выдали вещи, значит, сразу убивать вроде бы не должны... Нежно погладив теплые шерстяные носки, переданные в тюрьму женой, узник сложил свои вещички и тяжело дыша, как бы про себя промолвил:

— Впрочем, неизвестно, что они придумают...

В камере царило волнение. Некоторые плакали, кто-то даже молился...

— Ну, это уж совсем не по-мужски, — пытались подбодрить более слабых Аугуст Мяги и его друзья, среди которых особенно выделялся русский капитан и еще трое военнопленных. Постепенно люди в камере немного успокоились. Многие из них узнали о плане Аугуста Мяги, Антса Таммсаара, Юхана Мягера и русского капитана, и они тоже решили бежать. Бежать, несмотря ни на что!

Медленно, очень медленно тянулось время. Люди в камере вздрагивали при малейшем шорохе, доносившемся из коридора. Лица их становились все более суровыми, под вечер как-то смолкли и разговоры. Было что-то такое в царившей в камере атмосфере, что казалось, люди, которых свела воедино фашистская неволя, в этот решающий для них час во сто крат выросли душою.

— Идут... за нами, — только и успел сказать пожилой узник, тот, которому жена принесла шерстяные носки, как дверь камеры тяжело отворилась. Это было, по подсчетам Аугуста Мяги, в половине первого ночи.

— Выходи! Выходи побыстрее, сволочи! — орали охранники, от которых сильно несло самогоном. — Выходи с вещами, и за ограду!

— Оградой они называли толстую железную решетку, которая служила стеной для камеры смертников, — вспоминает Аугуст Мяги. — Нас погнали туда и отобрали все вещи. Это было зловещее предзнаменование. Помню, как холодный пот моментально покрыл все мое тело. Сердце забилось. Затем последовала очередная команда: «Раздеться всем, догола! Быстро!» — Быстро, быстро, быстро... Значит, расстрел, — пронеслось в голове. Неужели это конец? Как обидно, ведь наши уже близко... Вооруженные до зубов охранники боялись нас, узников, единственным оружием которых оставался презрительный, не сдающийся, не молящий о пощаде взгляд. Никто из узников сорок шестой камеры

TRU Raamatukogu

не проявил слабости. До конца дней своих я буду помнить лица моих товарищей, когда им, совершенно голым, в камере смертников палачи заламывали руки за спину и связывали веревкой. Потом всех узников привязали другой веревкой друг к другу... В каком-то полузабытьи быстро прошло это время, когда охранники связывали нас, а потом затолкнули в грузовую автомашину, покрытую брезентом. Не успели мы еще как следует усесться — в машине нас было тридцать два узника, — как затарахтел мотор, и путь наш начался. Путь к месту расстрела. Но тогда мы еще не знали, куда нас везут. Мы видели лишь через заднюю, незакрытую часть грузовика, дома на улицах ночного Таллина. Позади оставались улицы и площади. Миновали церковь. Так ехали минут десять—пятнадцать.

Но вот дома кончились. И почти сразу же первая группа обреченных, бывшая ближе всего к задней части кузова, набросилась на охранников, смяла их и на полном ходу выпрыгнула из машины. Им, видимо, удалось тайно от охранников развязать руки и освободиться от общей веревки, связывавшей нас всех. Очнувшись, один из сопровождавших нас охранников, он был с автоматом, тоже выпрыгнул вслед за первой группой узников и мы слышали, как он открыл стрельбу. Теперь в кузове оставался один охранник, он был с пистолетом, третий же, видно, старший, сидел рядом с шофером и не видел, что творилось в кузове машины, несшейся к Метсакальмисту. В кабине не слыхали, видно, и выстрелов. Пока выпрыгнувший охранник сумел после падения открыть стрельбу, машина наша отъехала уже довольно далеко.

Наступила наша очередь бежать. Хотя мы и держали руки за спиной, они были уже развязаны — охранник научил нас, как держать их при завязывании. Мне помог разгрызть зубами веревку русский капитан — военнопленный. Я был первый, которого в тюрьме привязали к общей веревке и руки мои были, видимо, крепче, чем у других, связаны за спиной. Долго не раздумывая, мы, следующая группа беглецов — капитан, Антс Таммсаар, Юхан Мягер и я, одновременно бросились на оставшегося в машине охранника и выпрыгнули из кузова. Не помню, ушибся ли я — не до этого было. Помню только, что вокруг нас свистели пули, они ложи-

Юхан Мягер.

лись близко от нас, прожужжав над головой. С автомашины слышались брань и крики охранника, он не решился выпрыгнуть, боялся оставить без охраны узников — их оставалось после нас человек шесть или восемь. Об их судьбе я до сих пор не знаю. Что было сил, мы бросились бежать дальше от шоссе. За нами организовали погоню — о случившемся, видно, стало известно и старшему охраннику, а также немецким офицерам, которые ехали за нами в легковой автомашине.

Бежали что было сил. Автоматные очереди все чаще разрезали ночную тишину, со свистом прошивали кусты и деревья, росшие недалеко от шоссе. Ветки и сучья царапали нам лицо, мы падали в какие-то ямы, падали и вновь подымались. Силы уже покидали нас. Но надо было бежать от смерти, преследовавшей нас по пятам. Мы спустились с высокого обрывистого берега реки и, долго не думая, бросились в воду. Вода освежила нас, придала новые силы и, перейдя реку, мы бросились бежать дальше. На другом берегу по сигналу русского капитана мы на секунду остановились, чтобы убедиться, где находятся наши преследователи.

Нам, видно, удалось уйти от них — стрельба до нас уже почти не доносилась. Зато слышно было, как бились наши сердца, как тяжело и часто мы дышали.

Мы решили бежать дальше. Но вскоре русский капитан приказал нам лечь и соблюдать тишину. Лишь тогда мы увидели, что метрах в восьмидесяти от нас находятся фашистские окопы, а возле одного из них сидит гитлеровец с автоматом. Что делать? Назад идти нельзя — ведь нас преследуют. И вот по сигналу капитана мы поползли в сторону... немецких окопов. Вскоре мы убедились, что автоматчик спит непробудным сном. Мы благополучно прошли через вражеские укрепления примерно в метрах пятидесяти от гитлеровца. Прошел еще час, а может быть, и больше, как мы вышли к поселку Маарду. Но к самому поселку мы, конечно, не пошли, а свернули в лес. Передвигались только ночью. Шли в сторону Сууре-Яани, где у Антса Таммсаара должен был проживать брат. Со временем мы достали себе кое-какую одежду, а потом я раздобыл даже немецкий автомат и около двухсот патронов. Мы шли навстречу Советской Армии, которая в сентябре 1944 года готовилась к прорыву фронта на линии Эмайыги. Вскоре мы оказались у своих. Еще через несколько дней я направился в Пайкузеское волостное правление. Об этом я вам уже рассказал...

— Как звали русского капитана, развязавшего вам руки? — спрашиваю я Аугуста Мяги.

— Этому человеку мы обязаны очень многим. Ведь второй раз он спас нам жизнь, когда своими решительными действиями благополучно провел нас через фашистские окопы. Это когда мы уже убежали из машины... Жаль, что мы так и не знаем имени своего русского друга-спасителя, — тихо сказал Аугуст Мяги...

В ЕДИНОБОРСТВЕ С ФАШИСТСКИМ АБВЕРОМ

Русский друг

Когда Аугуст Мяги говорил: «Жаль, что мы так и не знаем имени своего русского друга-спасителя», я, по-правде говоря, не совсем ясно представлял себе, как начать поиски этого человека... Слишком мало было о нем известно. Русский капитан... Согласитесь, этого явно недостаточно. К тому же прошло почти четверть века с той памятной ночи, когда русский капитан в машине, мчавшей узников навстречу смерти, развязал руки нынешнему жителю города Валга Аугусту Мяги.

Словом, шансов найти русского капитана было меньше, чем мало. Но поиски все же были начаты. Впервые о побеге узников я рассказал в одном из выпусков «Эхо дня» лет шесть—семь тому назад. В ответ на мое выступление по радио пришли письма, авторы которых восхищались смелостью и решительностью людей, о которых я рассказывал. Помню, было и такое письмо, в котором выражалось, мягко говоря, недоверие к тому, о чем говорил я в своем выступлении. Автор не мог допустить, что люди, попавшие в столь невероятно трудное положение, могли продолжать борьбу. Рассуждал он, правда, логично: как могли убежать узники, если у них, раздетых догола, были связаны руки, если они были связаны друг к другу единой веревкой, если их, связанных, охраняли вооруженные автоматами фашисты и, наконец, если машины со смертниками мчались по ночному городу с бешеной скоростью...

— Невероятно! — восклицал автор письма.

Согласен, невероятно. Но, признаться, именно это письмо заставило меня утроить усилия, чтобы узнать возможно больше о людях, оказавшихся сильнее смерти.

Шли годы. В розыск включились по моей просьбе республиканские газеты, я разыскивал русского капитана с помощью своих коллег-журналистов в других республиках, с помощью Всесоюзного радио.

Но сведений о русском капитане по-прежнему не было. К тому времени я стал работать на Эстонском телевидении и решил еще раз, теперь уже с помощью голубого экрана обратиться к зрителям с просьбой помочь разыскать человека, которого уже так долго не могу найти. Не то, что человека, даже малейших дополнительных данных о нем. Но ответа, нужного мне, все не было... Сомнения вкрались в душу — найду ли его, смогу ли сообщить его имя Аугусту Мяги и другим эстонским друзьям. Сомнения мои были вот какого рода. В то время, когда узники бросились из машины в августовскую ночь, еще шла война. Больше того, Эстония была оккупирована. Кругом был враг. Значит, русский капитан, убежавший из-под дула фашистских автоматов, мог быть снова схвачен и расстрелян — ведь именно таков был приговор оккупантов. Это был один вариант моих сомнений. Второй был следующий. Русский капитан спасся, добрался к нашим и продолжал воевать. Война шла в течение почти девяти месяцев после того, как узники осуществили свой дерзкий побег. А на войне всякое бывает...

Неужели мы так и не получим ответа на вопрос: кто же этот смелый советский капитан и за что он был приговорен к смерти?

Да простит меня читатель за этот чуть затянувшийся рассказ о ходе поисков русского капитана. Из всех людей, которым посвящена эта книга, из всех ее героев, именно его поиски были самыми трудными и самыми продолжительными.

И, забегая несколько вперед, скажем, что участие в организации смелого побега узников в ночь на 15 августа 1944 года — это последний, но далеко не первый, и, если хотите, не главный подвиг, совершенный капитан-лейтенантом Андреем Макаровичем Добрянским и его друзьями.

Мы нашли русского капитана. И вместе с ним мы впервые раскроем еще одну неизвестную до сих пор героическую страницу из истории никогда не прекращавшейся борьбы советского народа против оккупантов.

«Бюро Целлариуса»

По приглашению Эстонского телевидения Андрей Макарович Добрянский приехал в Таллин из Таганрога, где он сейчас проживает. В течение почти двух недель, с утра до вечера, беседовал я с этим человеком, имеющим столь необычную биографию. Посудите сами — бывший капитан-лейтенант Краснознаменного Балтийского флота, боевой командир отряда торпедных катеров коммунист Андрей Макарович Добрянский занимал в годы гитлеровской оккупации Эстонии пост...

Мыза Кейла-Йоа, где помещалась разведывательная школа фашистского абвера.

коменданта фашистской диверсионно-разведывательной школы в Кейла-Йоа.

Разведывательная школа фашистского абвера в Кейла-Йоа была святая святых фрегат-капитана Александра Целлариуса, руководителя «Абвернебенштелле Ревал». Иными словами, человека, которому адмирал Канарис и его заместитель по шпионажу генерал Ганс Пикенброк поручили руководство деятельностью фашистской военной разведки в оккупированной Эстонии, Ленинградской области, в Финляндии. Александр Целлариус был тем высшим офицером абвера, на которого было возложено руководство шпионско-диверсионной деятельностью абвера против Краснознаменного Балтийского флота, против Кронштадта и Ленинграда.

— И вы, Андрей Макарович, были, если так можно сказать, «на короткой ноге» с одним из руководителей фашистского абвера Александром Целлариусом? — спрашиваю я своего собеседника.

— Выходит так, — смеется Андрей Макарович. — Во всяком случае, я бывал неоднократно в кабинете начальника «Абвернебенштелле Ревал». Сознаюсь, каждый раз, когда меня вызывал Целлариус, я допускал мысль, что больше не увижусь со своими друзьями. Но я шел к нему — так нужно было...

Так нужно было... Я заметил, что Андрей Макарович чаще всего употребляет эти слова, когда речь заходит о наиболее опасных моментах из его жизни. Он произносит их внешне спокойно, и лишь внимательно рассматривая его большие добрые глаза, замечаешь, как много пережил этот человек. Временами кажется, что и сейчас он, как и тогда, у Целлариуса, весь — внимание. Потом ловишь себя на том, что тогда, у Целлариуса, любой, пусть даже самый незначительный промах, любая неточность стоила жизни не только Добрянскому, но и многим его друзьям. Ведь фашисты имели тысячу возможностей проверять каждый поступок, наконец, каждое движение мускул на его лице. Конечно же, в разведывательной школе в Кейла-Йоа были и шпики и провокаторы. Кто продался за восточные марки, кто за лишний кусок хлеба, в котором опилок было больше, чем муки. Коммунист Андрей Добрянский действовал в самом что ни на есть фашистском логове...

И еще, слушая Андрея Макаровича, поймал я себя на мысли, что сейчас, в моем кабинете, он — весь внимание потому, что считает первейшим своим долгом вспомнить и назвать всех до единого из своих друзей, чтобы никто не был забыт. Но это порою трудно. Ведь люди в фашистской разведывательной школе носили не свои имена, а клички, данные им в штабе Целлариуса. Настоящих своих имен они не имели права никому разглашать. Больше того, люди эти должны были забыть все свое прошлое, включая год и число рождения, место рождения и многое-многое другое.

— Один бы я ничего не сделал, — продолжает Андрей Макарович, — один без верных друзей. — Сами понимаете, надо было действовать до предела осторожно и в то же время решительно, ведь шла война. Да какая война... С болью в сердце узнавали мы от верных людей, что дела наши на фронте шли плохо, чтобы не сказать больше... Мы знали, что фашисты рвутся к Сталинграду, что страшное кольцо блокады все туже затягивается вокруг Ленинграда... Об этом даже вспоминать страшно. Но надо было считаться с действительностью, какой бы суровой она ни была.

Нашим конкретным врагом был Александр Целлариус. Это был хитрый и коварный враг. Про таких обычно говорят, что голыми руками его не возьмешь... К тому же, как мне показалось, руководитель «Абвернебенштелле Ревал» отлично знал местность, в которой ему приходилось действовать. Из бесед с ним я уяснил, что фрегат-капитан Александр Целлариус был, что называется, «дома» и в Балтийском море, и в Финляндии, и особенно в Эстонии. По-моему, он и раньше, до войны, бывал в Эстонии...

Прав Андрей Макарович Добрянский — высокопоставленный руководитель фашистской разведки фрегат-капитан Александр Целлариус побывал в буржуазной Эстонии задолго до начала войны. Больше того, он был аккредитован при правительстве буржуазной Эстонии, как официальный представитель «третьего рейха», орудуя здесь под видом помощника военно-морского атташе фашистской Германии. Фрегат-капитан Александр Целлариус бывал у главнокомандующего армией буржуазной Эстонии генерала Лайдонера, начальника генерального штаба генерала Рээка, особенно же часто

посещал кабинеты первого помощника начальника генерального штаба полковника Рихарда Маазинга и начальника второго — разведывательного и контрразведывательного — отдела генерального штаба полковника Виллема Саарсена. В те дни люди еще не знали, что цель посещения «помощником военно-морского атташе» Александром Целлариусом высокопоставленных деятелей буржуазной Эстонии была одна: получить шпионскую информацию, дать указания агентуре фашистской Германии в Эстонии.

Забегая несколько вперед, скажем, что бывший первый помощник начальника генерального штаба армии буржуазной Эстонии полковник Рихард Маазинг и бывший начальник эстонской военной разведки и контрразведки полковник Виллем Саарсен, кабинеты которых в период буржуазной Эстонии посещал «помощник военно-морского атташе» Александр Целлариус, «пожаловали» осенью 1941 года в оккупированную Эстонию на быстроходных катерах, принадлежавших «КО-Финляндия», во главе которой был все тот же Александр Целлариус.

Словом, теперь все встало на свое место...

«Что означает «КО-Финляндия»? — спросил советский следователь у плененного фашистского генерала Ганса Пикенброка, помощника адмирала Канариса, главаря абвера, по шпионажу.

Вот что показал этот прямой начальник Александра Целлариуса, генерал-лейтенант, которого Гитлер наградил двадцатью семью фашистскими орденами и медалями:

«Абвер имел ряд периферийных органов, которые назывались «Кригсорганизационен», сокращенно «КО». В начале 1939 года была создана «КО-Болгария» при германском посольстве в Софии, а летом того же года «КО-Финляндия» при германском посольстве в Хельсинки. В начале 1941 года была создана «КО-Швеция» при германском посольстве в Стокгольме. Шведская разведка была нами официально проинформирована и руководитель «КО-Швеция» являлся одновременно офицером связи управления разведки и контрразведки Германии со шведской разведкой. Руководителем «КО-Швеция» и нашим офицером связи со шведской разведкой был майор, доктор Вагнер, сотрудник цент-

рального аппарата абвера. В посольстве Вагнер числился советником посла...

«КО-Финляндия» при германском посольстве в Хельсинки вела разведывательную работу против Советского Союза главным образом через оставшихся в Эстонии агентов бывшей эстонской разведки. Для этой цели мы совместно с эстонской разведкой еще до присоединения Эстонии к СССР усилили эту агентурную сеть в самой Эстонии. Этим занимался непосредственно сам Целлариус, о котором я уже показал, как о сотруднике центрального аппарата абвера. С присоединением Эстонии к СССР часть сотрудников эстонской разведки эмигрировала в Финляндию, часть в Германию. С помощью эстонских офицеров, эмигрировавших в Финляндию, Целлариус и поддерживал связь с оставшейся в Эстонии агентурой».

Заметим здесь, что во главе этих офицеров, с помощью которых «Целлариус и поддерживал связь с оставшейся в Эстонии агентурой» были полковники Рихард Маазинг и Виллем Саарсен. Рихард Маазинг — первый помощник начальника генштаба, прямо и непосредственно руководивший военной разведкой и контрразведкой буржуазной Эстонии. И Виллем Саарсен — начальник второго отдела — отдела разведки и контрразведки генерального штаба армии буржуазной Эстонии. Генеральный штаб стал, с благословения клики Пятса-Лайдонера, филиалом фашистского абвера, центром подрывной деятельности фашистской Германии против Советского Союза с территории буржуазной Эстонии.

Это подтвердил и гитлеровский генерал-лейтенант Ганс Пикенброк, помощник адмирала Канариса по шпионажу: «С эстонской разведкой мы имели самую тесную связь. Мы оказывали финансовую помощь эстонской разведке для расширения ее деятельности, которая была направлена исключительно против СССР. Начальник эстонской разведки Маазинг (он занимал этот пост до Саарсена — *Э. М.*) ежегодно приезжал к нам в Берлин и наши работники, по мере необходимости, выезжали в Эстонию. Часто выезжал в Эстонию капитан первого ранга Целлариус, который был работником центрального аппарата абвера. Сам я был в Эстонии в 1937, 1938 и 1939 годах совместно с

адмиралом Канарисом. Целью поездки являлось поддержание связи с эстонской разведывательной службой... Во время каждого из этих посещений мы были приняты начальником эстонского генерального штаба генералом Рээком. Его интересовало наше сотрудничество с эстонской разведкой. Во время одной из поездок Канарис был также принят генералом Лайдонером... На вопросы, которые мы передавали эстонской разведке, мы получали быстро ответы».

Из приведенных нами показаний генерал-лейтенанта Ганса Пикенброка видно, что именно Александр Целлариус был тем высшим представителем центрального аппарата абвера, на которого было возложено создание сети фашистской агентуры в буржуазной Эстонии еще задолго до того, как в гитлеровском генштабе было приступлено к разработке пресловутого плана «Барбаросса». Это, во-первых. Во-вторых, из показаний начальника отдела шпионажа военной разведки и контрразведки фашистской Германии свидетельствует еще раз, с какой основательностью, с какой тщательностью, с каким размахом гитлеровская Германия еще до начала войны создавала на территориях других государств шпионско-диверсионные центры. Как видно из протокола допроса генерал-лейтенанта Ганса Пикенброка, особенно активно действовала фашистская разведка в районе Балтийского моря, в частности, в Финляндии и Эстонии, где особоуполномоченным абвера был полковник Александр Целлариус. Для полноты картины добавим еще, что кроме главаря абвера адмирала Канариса, его заместителя генерала Пикенброка и полковника абвера Целлариуса буржуазную Эстонию посетили — не без разведывательных целей — начальник генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии генерал-полковник Гальдер, заместитель Канариса — начальник военной контрразведки Бентивеньи и ряд других высокопоставленных деятелей гитлеровской Германии.

Вояжи их в буржуазную Эстонию имели ясно выраженную цель. Вот что сообщил генерал Лайдонер о своих контактах с начальником разведки и контрразведки вермахта адмиралом Канарисом: «Во все свои приезды он (т. е. Канарис — *Э. М.*) вел переговоры относительно разведывательной деятельности. С адмира-

лом Канарисом я довольно подробно разговаривал относительно нашей позиции в случае столкновения между Германией и Советским Союзом». Лайдонер сообщил еще, что «специальные переговоры о разведывательной работе с ним (т. е. с Канарисом — *Э. М.*) вели начальник II отдела и начальник штаба армии». Отметим здесь, что начальником II отдела генштаба в рассматриваемое время был полковник Рихард Маазинг, тот самый, который осенью 1941 года стал работать у Целлариуса в «Абвернебенштелле Ревал».

Еще более ясно выраженную цель имел при своем посещении буржуазной Эстонии генерал-полковник Гальдер. По словам главнокомандующего эстонской армией генерала Лайдонера начальник штаба сухопутных сил фашистской Германии «выяснял мобилизационные способности и возможности Советского Союза, уточнял данные насчет железнодорожного, гужевого и автомобильного транспорта, насчет людских резервов, производственной способности военных предприятий и авиационных сил СССР».

Что же касается позиции буржуазной Эстонии, о которой говорил главнокомандующий генерал Лайдонер во время своих встреч с генерал-полковником Гальдером, то она также была ясна: было решено, что гитлеровские войска оккупируют Эстонию. Об этом, в частности, сообщал в Рим летом 1939 года итальянский посол в Таллине Цикконарди.

Сделать из буржуазной Эстонии прямой военный плацдарм гитлеровской армии для совершения удара из-под Нарвы на Ленинград, — такова была суть предательского сговора главарей буржуазной Эстонии с заправилами «третьего рейха». С этой целью вовсю и трудился фашистский абвер, создавая свою агентурную сеть в Эстонии. Наряду с Александром Целлариусом в Таллине, под видом помощников германского военно-морского атташе, орудовали кадровые разведчики капитан Никель и капитан-лейтенант Юнгхан, а еще до них, в апреле 1937 года, гитлеровский абвер командировал в Таллин, под маской военно-морского атташе, опытного разведчика морского капитана фон Бонина.

Добавим здесь еще, что самую активную разведывательную деятельность проводили также военный атташе гитлеровской Германии в Эстонии полковник Рес-

синг, его помощник капитан Кернер, не говоря уже о фашистском после Фровейне, дирижировавшем всей агентурой фашистской Германии в буржуазной Эстонии.

Из всего сказанного здесь видно и то, какую основательную почву готовили гитлеровцы для вторжения своих войск в Эстонию в 1939 году. Народ Эстонии сорвал тогда эти коварные планы.

Но то, что не удалось гитлеровцам летом 1939 года, они совершили осенью 1941 года. В этих условиях фашистской оккупации и появилась на свет «Абвернебенштелле Ревал», по существу, филиал «КО-Финляндия». «Абвернебенштелле Ревал» расположилась в оккупированном Таллине в домах № 3 и № 14 по улице Койдула в Кадриорге. Это была глубоко законспирированная и широко разветвленная фашистская разведывательная организация, действовавшая под вывеской «Бюро по вербовке добровольцев» и Бюро Целлариуса». Формально «Абвернебенштелле Ревал» была подчинена находившемуся в оккупированной Риге «Абвершштелле Остланд», а на самом деле здесь, на месте, в Таллине, все дела решал начальник «КО-Финляндия», он же руководитель «Абвернебенштелле Ревал» полковник абвера Александр Целлариус.

Мы можем сказать, что всю свою работу «Абвернебенштелле Ревал» вела самостоятельно, в контакте с военной разведкой фашистской армейской группировки «Норд». Главной задачей «Абвернебенштелле Ревал», по словам генерал-лейтенанта Ганса Пикенброка, являлась «вербовка, обучение и переброска разведывательной и диверсионной агентуры за линию фронта, организация десантных групп, действовавших на побережье Балтийского моря и Ладожского озера и в Финском заливе. Одновременно «Абвернебенштелле Ревал» производила контрразведывательную работу в оккупированной Эстонии».

Из архивных документов явствует также, что в подчинении «Абвернебенштелле Ревал» находился пункт авиационной разведки — «Реферат Люффт» в Таллине, во главе которого был зондерфюрер СС Герхард Виллет Арнольд Бушман. Под Ленинградом, в местечке Дудергоф, находился пункт морской разведки «Абвернебенштелле Ревал» — «Реферат Марине», которым сперва руководил корвет-капитан Викман, а потом — капитан-

майор Михкель Пийгерт, бывший начальник связи военно-морских сил буржуазной Эстонии.

Кстати, в фашистском абвере у Целлариуса служили кровавой свастике еще многие руководящие офицеры армии буржуазной Эстонии. Мы уже писали о полковниках Маазинге и Саарсене. В данном контексте представляет интерес та часть показаний гитлеровского генерал-лейтенанта Ганса Пикенброка, где он перечисляет имена своих агентов из числа руководителей генерального штаба армии буржуазной Эстонии. Ганс Пикенброк показал:

«1. Полковник Маазинг, эстонец, на протяжении многих лет являлся руководителем эстонской военной разведки и контрразведки. Примерно за полгода до присоединения Эстонии к СССР был назначен на должность заместителя начальника генерального штаба эстонской армии. Находясь в Германии, Маазинг поддерживал постоянную связь с абвером. Выезжал время от времени за границу и по возвращении представлял в абвер доклады о виденном и слышанном».

Из этого документа видно, что представлял из себя человек, которого Пятс и Лайдонер выдвинули на должность первого помощника начальника генерального штаба армии буржуазной Эстонии. Резидент абвера Маазинг, заняв такой высокий пост, должен был, по мысли главарей буржуазной Эстонии, способствовать более «гладкому» выполнению их далеко идущих преступных планов. Но дела пошли не совсем так, как было задумано гитлеровцами и квислинговцами типа Пятса-Лайдонера, и человеку Целлариуса, то есть фашистскому резиденту, занимавшему второй по значению пост в генеральном штабе буржуазной Эстонии, пришлось уже в 1939 году, в разгар советско-эстонских переговоров, покинуть пределы Эстонии. Тогда-то он и появился в Берлине, где находился истинный хозяин полковника Маазинга — фашистский абвер. Позже, сразу после начала войны, оберштурмбаннфюрер СС Маазинг стал руководителем резидентуры в «Абвернебенштелле Ревал».

Это об одном эстонском полковнике. А вот и второй: Ганс Пикенброк показал:

«2. Полковник Саарсен, эстонец, руководитель эстонской военной разведки и контрразведки после того, как

Маазинг стал заместителем начальника генерального штаба эстонской армии. Находясь в Германии, Саарсен, как и Маазинг, находился под опекой абвера... Представлял донесения о фактах, которые интересовали абвер. После оккупации Прибалтики Германией Саарсен был направлен в Эстонию, где под руководством Целлариуса занимался разведкой и контрразведкой против СССР».

Кроме Пийгерта, Бушмана, Маазинга, Саарсена и Целлариуса отрабатывали свои «тридцать сребреников Иуды» Бруно Линнеберг, работник второго отдела, назначенный позже начальником штаба военно-морских сил буржуазной Эстонии и бывший помощником начальника «Абвернебенштелле Ревал»; майор Аксель Кристьян, бывший начальник отделения А второго отдела эстонского генерального штаба и военный атташе Пятса в Хельсинки; капитан Алексей Кургвель, преемник Кристьяна на посту начальника отделения А; капитан Андрес Калмус, начальник отделения Д второго отдела генштаба; Пууранд, бывший командир подводной лодки в буржуазной Эстонии, под фамилией Вернер служил начальником школы абвера в Лээтсе под Палдиски; капитан бывшей эстонской армии Каазик, назначенный Целлариусом одним из руководителей школы абвера в Кейла-Йоа; Томберг, офицер политической полиции буржуазной Эстонии, под фамилией Талинг он был комендантом главной базы разведывательных школ фашистского абвера в оккупированной Эстонии. Примечательно, что эта база находилась в Таллине, в доме № 13 по улице Тоомкунинга, то есть в том самом доме, где раньше помещалось посольство фашистской Германии в буржуазной Эстонии и где также находился кабинет «помощника военно-морского атташе» Александра Целлариуса... Забегая вперед, скажем, что в этом доме действовал и Андрей Добрянский.

Как мы уже говорили, «Абвернебенштелле Ревал» была широко разветвленной фашистской разведывательно-контрразведывательной организацией, располагавшей собственной авиацией и собственным флотом специального назначения. «Реферат Люффт» производил воздушную разведку и фотографирование с самолетов объектов, намеченных для диверсий, проверял результаты совершенных диверсий, поддерживал связь

с воздушной разведкой фронтовых частей. В распоряжении «Реферата Марине» были быстроходные катера, штурмботы, самоходные баржи, буксиры.

Контрразведывательная работа «Абвернебенштелле Ревал» была в основном сосредоточена в Таллинском порту, в центральном лагере для советских военнопленных в Таллине, на сланцевых разработках и связанных с ними предприятиях. По линии контрразведки «Абвернебенштелле Ревал» активно использовало созданную при нем Целлариусом так называемую «эстонскую группу», куда входило около ста резидентов и агентов.

«В каждом уезде Эстонии и в больших городах находились пункты «Абвернебенштелле Ревал», которые именовались «мельдекопф». В каждом пункте работал один резидент, который носил название «мельдекопфлейтер», — показал Олев Рейнталу. — В Тартуском, а затем в Печорском уездах мельдекопфлейтером был я; в Таллине — старший лейтенант Аасоя; в Вируском уезде — офицер эстонского флота Варес; в Пярнуском — майор эстонской армии Мулларт; в одном из уездов (Ляэнемааском — *Э. М.)* — подполковник Эйн; в Тарту — полковник Саарсен. Саарсен просматривал и корректировал все отчеты мельдекопфлейтеров.

В Таллине, по ул. Койдула № 3, «Абвернебенштелле Ревал» имела мощную радиостанцию под условным названием «Пагар» — для связи с вышестоящими органами абвера и резидентурами, а также самолетами и кораблями самого «Бюро Целлариуса». В доме № 20 по нынешней улице Креукса в Таллине находилась радиостанция, с помощью которой люди Целлариуса пытались вести радиоигру с органами советской разведки и контрразведки, а по улице Холланди, на последнем этаже четырехэтажного дома находилась глубоко законспирированная радиостанция для связи с агентурой фашистского абвера. Другая такая станция была под Тарту, в мызе Ропка. Радиопеленгаторные станции «Бюро Целлариуса» были расположены на Ласнамяги и в многоэтажном доме на нынешней площади Победы.

«Абвернебенштелле Ревал» имела в своем подчинении три школы для подготовки разведчиков и диверсантов. О двух из них — в Кейла-Йоа и в Лээтсе мы

уже говорили. Третья находилась в мызе Кумна, примерно в двадцати километрах к западу от Таллина.

Все это подчинялось Александру Целлариусу, руководителю «КО-Финляндия» и одновременно главарю «Абвернебенштелле Ревал», высокопоставленному чину фашистского абвера, личному другу адмирала Канариса. Так полагал, во всяком случае, сам Целлариус. Но на деле, в жизни, чаще всего получалось так, что над фашистом Целлариусом в «Абвернебенштелле Ревал» стоял... коммунист Андрей Макарович Добрянский. Добрянский и его бесстрашные друзья. И события чаще всего развивались не так, как задумал и запланировал их Александр Целлариус, а так или приблизительно так, как это было решено Андреем Добрянским и подпольной организацией, во главе которой он стоял...

Дуэль: Целлариус — Добрянский

Она началась, по существу, летом 1942 года, когда один из помощников Целлариуса — начальник «Реферата Марине» оберлейтенант Грандт вместе с группой абверовцев прибыл из Таллина на небольшой финский островок Киркомаансаари, расположенный в заливе, недалеко от берега.

— Это была моя первая встреча с Грандтом, — вспоминает Андрей Макарович. — И, поскольку с того дня многое изменилось в моей жизни, день этот, конечно, запомнился особенно четко. Грандт ходил перед строем военнопленных, он говорил нам о том, что Советский Союз, мол, разбит, что отныне на земле будут господствовать люди, которые признают своей библией «Майн кампф» фюрера... После Грандта на сцену был выпущен предатель, который говорил что-то несвязное насчет того, что единственное спасение для пленных, чтобы не оказаться у разбитого корыта — отдаться с полной душой какому-то «русскому освободительному движению».

Вместе с командиром отряда торпедных катеров капитан-лейтенантом Андреем Макаровичем Добрянским в строю пленных перед Грандтом стояли его друзья и боевые товарищи.

— Первым мне хочется назвать лейтенанта Николая Климова, командира торпедного катера из отряда, которым я в том бою командовал, — говорит Андрей Макарович. — Бой был горячим. Происходил он в Финском заливе, в районе небольшого скалистого острова Соммерс, восточнее Гогланда. Я получил приказ атаковать фашистские корабли. Ребята дрались мужественно, держались стойко. Но силы фашистов были куда больше наших: со своими двумя торпедными катерами я ринулся в бой с кораблями противника, среди которых было до десяти катеров, канонерские лодки да к тому же еще и миноносец. Катер № 83, на котором я находился, получил пробоину. Вышел из строя один из моторов. И тут еще новое попадание, в результате чего взорвался бензобак. Уцелевшие моряки, оглушенные, контуженые и раненые, очутились в воде. Через некоторое время затонул и второй катер отряда, которым я командовал. Горько, до слез горько было все это видеть... Немного успокоило лишь то, что и мы нанесли врагу большой урон, потопив и повредив несколько его кораблей... В море нас подобрали и водворили в лагерь. Первая мысль, когда мы немного пришли в себя, была: бежать. Но куда? Ведь кругом — море. Да и стража усиленная. В планах о побеге прошел месяц. И тогда появился этот Грандт.

Кроме лейтенанта Николая Климова вместе со мной в строю военнопленных были моряки, вместе с которыми я принял последний бой, а также люди с других катеров нашей бригады. Я их хорошо знал и уважал. Они и в плену относились ко мне, как к своему командиру. Я был старшим по военному званию, да и по возрасту. Вот тогда-то, в строю, перед которым важно расхаживал Грандт, я и мои товарищи дали ему свое «согласие».

Андрей Макарович на секунду умолк, а затем, посмотрев внимательно на меня, вдруг рассмеялся...

— О чем вы?

— Да вот подумал о том, что этот Грандт, если он жив, наверное, до сих пор проклинает тот день, когда привез с острова Киркомаансаари меня и моих товарищей в Кейла-Йоа. Полагаю, что «повинны» мы и в том, что фрегат-капитан Александр Целлариус так и

не дослужился до адмиральских погон. А как, помню, мечтал он об этом...

— Что касается Грандта, то о его дальнейшей судьбе, я во всяком случае, не знаю ничего, — говорю я Андрею Макаровичу. — А вот насчет Александра Целлариуса...

— Неужели уцелел?! — живо перебивает меня Добрянский.

— Не только уцелел, но и вновь находится на службе у самых реакционных сил: Александр Целлариус проживает в Бонне, по улице Иоханнийтов, 18, и является специалистом западногерманской разведки по Прибалтике.

— Неужели он так ничему и не научился... Неужели урок, преподнесенный фашистам советской армией, ничему не научил боннских правителей, охотно берущих на службу военных преступников, каковым является и Целлариус...

Андрей Макарович говорит это возмущенно, гневно. Потом добавляет:

— Что ж, в таком случае есть смысл подробнее рассказать, как были сорваны планы нынешнего боннского эксперта в районе Финского залива в годы второй мировой войны. Быть может, это кое о чем напомнит реваншистам на Рейне и, в частности, тем, у кого сейчас находится на службе Александр Целлариус...

Прежде, чем продолжить наш рассказ об Андрее Добрянском и его друзьях, нам хочется еще сказать, что военный преступник Целлариус, на доме которого в Бонне висит дощечка, извещающая, что хозяин его является «дипломированным торговцем», этот самый Целлариус имеет тесный контакт с лидерами эстонской реакционной эмиграции в Швеции, Англии и в самом боннском государстве. Об этом пишет из Берлина доктор Юлиус Мадер, известный немецкий писатель-публицист, так много сделавший для разоблачения фашистских военных преступников. К данным, сообщенным Юлиусом Мадером, мы можем добавить, что в числе главарей эстонской реакционной эмиграции находятся также многие военные преступники, орудовавшие в годы оккупации Эстонии вместе с тем же Целлариусом. Если взять Стокгольм, то там обосновались бывшие

«мельдекопфлейтеры» пресловутого «Абвернебенштелле Ревал» Рихард Маазинг и Виллем Саарсен. В Стокгольме на деньги империалистических разведок полковники СС Маазинг и Саарсен создали так называемое «Собрание эстонских офицеров в Швеции», источник «сырья» для разведывательных школ США, которых так много и в Западной Германии. Ну, а об этом хорошо знает сам Целлариус... Знает, ибо полковник СС Виллем Саарсен, являющийся сейчас председателем «Собрания эстонских офицеров в Швеции», кроме визитов в США, появляется и на берегах Рейна...

В Кейла-Йоа

На финском острове Киркомаансаари ни Андрей Макарович, ни его друзья по фашистскому плену не знали точно, что их ожидает впереди.

— Согласитесь, что название «русское освободительное движение» еще ничего не говорило, — вспоминает то сложное и тревожное время Андрей Макарович Добрянский. — Правда, Грандт толковал нам о какой-то морской школе этого самого «движения» или что-то в этом роде. Давая свое «согласие» Грандту, мы имели в виду только одно — любой ценой добраться до своих и продолжать борьбу. Но когда нас привезли в Кейла-Йоа, мы поняли, что план наш сразу же осуществить не удастся. Целлариус и Грандт решили основательно нас проверить, прощупать, прежде чем пустить в дело... Все это происходило в ходе занятий.

— По сколько часов в день они длились?

— Нагрузка была основательная, больше половины суток приходилось ежедневно изучать дисциплины, которые были в учебном плане диверсионно-шпионской школы фашистского абвера.

— На что был сделан основной упор?

— Ну, об этом говорит само название школы...

Воспитанникам ее подробно объясняли, какие сведения интересуют абвер, каких людей и каким образом надо использовать для сбора шпионских данных. Конечно, заставляли штудировать топографию и навигацию, изучать подрывное дело, основательно, по-моему,

Кейла-Йоа. Здесь жил Андрей Добрянский.

проводились практические занятия по радиосвязи. Целлариус и Грандт не раз говорили, что каждый человек абвера должен без промаха стрелять из автомата и пистолета, поэтому в Кейла-Йоа были введены также специальные упражнения в стрельбе.

— Какой был первый пост, который коммунист Андрей Добрянский занимал в фашистской разведывательной школе?

— Начальник группы — инструктор военно-морского дела, — в тон мне отвечает капитан-лейтенант Андрей Макарович Добрянский.

— Сколько членов было в подпольной организации, созданной вами в диверсионно-шпионской школе абвера?

— Число это не всегда было постоянным. Но мы работали над тем, чтобы вовлечь в нее новых членов, готовых, рискуя своей жизнью, бросить вызов Целлариусу и Грандту в их же вотчине, центром которой стал великолепный дворец бывшего царского вельможи — «светлейшего князя» Волконского, располо-

женный в удивительно красивом месте в Кейла-Йоа, недалеко от берега моря. Я говорю о центре вотчины Целлариуса и Грандта в Кейла-Йоа потому, что именно здесь находился штаб, куда чаще всего приезжал сам Целлариус, и здесь же был кабинет Грандта.

— А если говорить о постоянном ядре подпольной организации, во главе которой вы стояли, то кого бы вы назвали в первую очередь?

— Смелых парней, которых я хорошо знал еще по бригаде торпедных катеров.

Это Алексей Митрофанович Малинин, старшина второй статьи, командир отделения мотористов, москвич, ему тогда было лет двадцать с небольшим, в разведшколе Кейла-Йоа числился под фамилией Маслова.

Это Петр Васильевич Собченко, старшина второй статьи, катерный боцман, очень деловой и точный парень, по возрасту — ровесник Леши Малинина. Фамилия его в разведшколе — Громов.

Это Владимир Павлов, старшина первой статьи, моряк-балтиец.

Кейла-Йоа. Вилла Целлариуса.

Вместе с Андреем Макаровичем Добрянским я записываю имена моряков-коммунистов из бригады торпедных катеров Семена Васильевича Фоменко, Андрея Ивановича Семенова и Николая Ивановича Климова, которые вместе с уже названными тремя комсомольцами-моряками во главе с коммунистом Андреем Макаровичем Добрянским и составили ядро антифашистской подпольной организации, созданной советскими людьми в диверсионно-шпионской школе абвера в Кейла-Йоа в июле—августе 1942 года, то есть в тот самый период, когда гитлеровцы рвались к Сталинграду и более всего были уверены в том, что скоро падет Ленинград.

— Кстати, именно Ленинград и ближайшие подступы к нему были объектом особого и главного внимания Целлариуса и Грандта, — говорит Андрей Макарович Добрянский. — Эти высокопоставленные руководители фашистской разведки из кожи лезли вон, чтобы доказать адмиралу Канарису, а заодно с ним и самому фюреру: что не под силу армии и флоту, способен выполнить абвер. Ну, а наша задача состояла в том, чтобы сорвать любой план Целлариуса...

Шепелевский маяк продолжал служить Кронштадту...

Организовав диверсионно-шпионские школы абвера в Лээтсе, мызе Кумна и в Кейла-Йоа, Целлариус и Грандт насадили там сеть провокаторов.

— Мы это знали и поэтому были весьма осторожны, — говорит Андрей Макарович. — Особенно при вовлечении новых членов в подпольную организацию. Но эту работу надо было делать, ведь учеба шла полным ходом и вскоре, мы это почувствовали по многим приметам, Целлариус должен был предпринять первую операцию. Значит — нужны будут верные и проверенные люди, члены нашей организации, чтобы любой ценой расставить их на самых решающих участках будущей операции. Я буду неискренен, если скажу, что среди русских военнопленных, отобранных Грандтом и Целлариусом для школ абвера на финском острове Киркомаансаари, в Таллинском и Вильяндиском лагерях, не было предателей. Они были. Инструкторы Чар-

ский, Виноградов, Волков, потом Залесов и другие. С этим приходилось считаться, особенно при расстановке людей для будущей операции. Признаться, все это дело было для меня весьма и весьма непривычным, я не имел никакого опыта в работе, которую взвалил на себя. Да и неоткуда было ждать указаний «сверху» — как выяснилось потом, контрразведка Ленинградского фронта получила первые данные о школах абвера, созданных Целлариусом в Лээтсе, мызе Кумна и в Кейла-Йоа, позже событий, о которых здесь идет речь. Так что этих указаний «сверху» для меня тогда просто не существовало. Существовали долг коммуниста, морская дружба. И, наконец, — долг старшего по чину офицера, долг человека, который занимал высшую, по сравнению с остальными, кто оказался в Кейла-Йоа, командную должность. Теперь все это просто, а тогда было сложно, рискованно, много опасностей подстерегало тебя на каждом шагу, просто чудо, как люди выстояли. Ведь малейшая ошибка означала провал. Был случай, когда я сам чуть не выдал себя. Как-то вечером, во время так называемого свободного времени, фашисты показывали нам, собравшимся в просторном кинозале, немецкую кинохронику, посвященную боям под Сталинградом. Они были тогда на вершине своей славы, вели себя очень высокомерно. Таков был и тон диктора, комментировавшего фильм. Помню, в темном зале, где нас было больше ста человек, звучали слова диктора:

«Сейчас, когда вы смотрите эти кадры кинохроники, доблестная армия фюрера уже захватила город Сталинград!»

Тут я не выдержал, и рявкнул во всю глотку:

«Брешете, сволочи!» Друзья, сидевшие рядом со мной, быстро зажали мне рот рукой. А весь темный зал громко зааплодировал. Озлобленные фашисты прекратили сеанс и выгнали всех нас из зала. Долго вынюхивали, кто сказал эти слова, но так и не узнали. В зале было темно, да и народу было там порядком. Но для меня это был серьезный урок... Ряды нашей организации между тем росли. Активными ее членами стали Аркадий Степанович Салмин и Павел Демин. Началось, если хотите, взаимодействие всех родов войск. Дело в том, что Аркадий Степанович Салмин до плена был старшим сержантом в авиации, в девятнадцатой гвар-

дейской дивизии, а Павел Демин храбро сражался в пехоте при защите Эстонии осенью 1941 года. Павел Демин, если мне память не изменяет, родом из Горьковской области, воспитывался в детском доме. В разведшколе абвера Аркадий Степанович Салмин имел фамилию — Назаров, а Павел Демин — Вишневский. Кроме Салмина и Демина, представлявших авиацию и пехоту, мы вовлекли в организацию еще моряков-балтийцев Андрея Матюшенко, Валентина Атанова, Павла Колесова, Ивана Вычека.

И к тому времени, когда глава «КО-Финляндия» и руководитель «Абвернебенштелле Ревал» Александр Целлариус задумал организовать первую серьезную диверсию против наших войск, защищавших Ленинград, мы, то есть подпольная организация, представляли уже силу, способную решающим образом сорвать выполнение этих планов. Кстати, сам Целлариус возлагал большие надежды на эту операцию. Он несколько раз приезжал в Кейла-Йоа, советовался с Грандтом, присматривался к людям. Особое внимание он уделял лично мне. Подолгу беседовал на разные темы, проявлял интерес к тому, чем мы занимаемся в часы, свободные от учебы. Я и сейчас хорошо помню этого матерого профессионального разведчика, выше среднего роста, темные волосы на его лысеющей голове были аккуратно зачесаны назад, особенно выделялся его нос с горбинкой. Целлариус в разговоре был всегда спокойный, чуть медлительный, поминутно рассматривал свои тонкие пальцы. На нем хорошо сидела иссиня-черная форма фрегат-капитана, позолоченный кортик блестел. Целлариус не любил опаздывать ни на секунду, а когда случалось, что кто-нибудь из приглашенных им пришел не во-время, тогда ему делалось серьезное внушение. Надо сказать, что Александр Целлариус был высоко образован, свободно владел несколькими языками, в том числе русским. Мне говорили, что мать Целлариуса была русской по происхождению, а отец — немец, чуть ли не пруссак. Кроме русского, Александр Целлариус владел финским, шведским, французским, английским языками. Мне также известно, что понимал он и эстонскую речь. Впрочем, не всегда он приезжал в морской форме в Кейла-Йоа, где у него была специальная резиденция. Часто мы

видели его и в гражданском. Но в своем штабе, на ул. Койдула, 3, я видел его только в форме фрегат-капитана. Добавлю еще, что кабинет Целлариуса находился на третьем этаже.

Только через некоторое время я понял, почему Целлариус так тщательно заинтересовался моей личностью. Я понял это, когда глава «КО-Финляндия» и руководитель «Абвернебенштелле Ревал» заявил мне:

— Господин Дубровский! Абвер назначает вас руководителем серьезной операции против Советов в Финском заливе. Мы вам полностью доверяем и надеемся на ваше благородство...

К этим словам надо добавить, что Дубровский — это моя фамилия в диверсионно-шпионской школе. И еще — Целлариуса мы знали тогда только под фамилией Келлер... Полагаю, что и Грандт на самом деле был не Грандт...

Узнав тревожную новость, я тут же передал товарищам по подпольной организации приказ: «Усилить бдительность, быть готовым к действиям!» А сам приступил к комплектованию диверсионного отряда, который должен был, по приказу Целлариуса, взорвать Шепелевский маяк. Я хорошо знаю этот маяк. Да каждый моряк, плавающий в Финском заливе, отлично знает своего друга, который находится примерно в двадцати километрах от Кронштадта, в районе деревни Лебяжье.

Надо ли говорить о том, какое значение имел Шепелевский маяк особенно в те дни, когда фашисты готовили второй штурм Ленинграда. Ведь этот маяк — основной путеводитель в районе Кронштадта, морских ворот осажденного тогда города на Неве.

Вот почему наша подпольная организация сделала все, чтобы сорвать планируемую диверсию. Я думаю, что ребята показали во время этой операции особую смелость и предприимчивость еще и потому, что почти все они — советские моряки, многие до войны базировались в Кронштадте, питая к городу-крепости особую, быть может только нам, морякам, понятную любовь и уважение. Об этом говорили мне и Алексей Митрофанович Малинин, которого я по праву считаю своим заместителем по руководству подпольной организации, и Петр Васильевич Собченко, и Владимир

Руденко, и более опытные и одновременно старшие по возрасту коммунисты-подпольщики Семен Васильевич Фоменко и Андрей Иванович Семенов, которых мне также удалось включить в состав формируемой группы.

Два раза штурмботы-катера фашистского абвера пытались незаметно подкрасться к Шепелевскому маяку, чтобы взорвать его. Но из этого ничего не вышло. Даже несмотря на то, что операцией руководил сам Грандт. Замечу, что меня перед самой операцией неожиданно отправили в Берлин. Но я успел вместе со своими друзьями соответствующим образом подготовить и укомплектовать команду. Большую роль в провале этой диверсии сыграл офицер-артиллерист Борис Александрович Соломахин, который в школе абвера был под фамилией Веселова на должности инструктора.

После моего возвращения из Берлина члены подпольной организации доложили мне, что во время первого подхода они, вопреки приказу Грандта, так искусно повели дело, что задержались в море, в результате чего время, назначенное Грандтом на подрыв Шепелевского маяка, было потеряно. А Грандт был, как известно, фашистом, для которого прусская педантичность была превыше всего. Да к тому же он, видимо, испугался темноты, вдруг покрывшей морские просторы. Вдруг — это для начальника диверсионно-шпионских школ фашистского абвера обер-лейтенанта Грандта, а не для подпольщиков, которые сами, уже заранее, в деталях разработали, когда именно должно было наступить это вдруг...

Но Грандт был непреклонен: ему и Целлариусу уж очень хотелось доложить в Берлин, что абвер стоит на высоте. И вот штурмботы-катера во второй раз берут курс на Шепелевский маяк, и снова во главе их обер-лейтенант Грандт. Во главе — так думали сами руководители абвера. На самом деле, истинными хозяевами на штурмботах-катерах были члены нашей подпольной организации, которые не только сорвали вторую попытку абвера взорвать Шепелевский маяк, но и запаслись в ходе этой операции оружием. Причем все это было сделано так умело, что Грандт и на сей раз не обнаружил ничего подозрительного. Это потому, что подпольщики, настоящие морские волки, снова сумели

блестяще провести свой «маневр». Маневр, и на этот раз спасший Шепелевский маяк.

— А теперь об оружии, — продолжает свой рассказ Андрей Макарович Добрянский. — Ребята припрятали его, когда вернулись с моря в Кейла-Йоа. Фашистам доложили, что все автоматы и пистолеты пошли ко дну в Финском заливе, когда во время операции некоторые штурмботы в результате «сильного волнения» перевернулись и люди бросились спасаться кто как мог. Все это верно. Но ко дну пошли не автоматы и пистолеты, а несколько предателей, агентов Грандта, которые «случайно» оказались в штурмботах, основательнее других подвергшихся «сильному волнению»...

Итак, потеряв несколько штурмботов и лишившись многих своих верных агентов, Грандт вынужден был вернуться не солоно хлебавши и доложить Цеппариусу, что первая серьезная операция абвера, задуманная им в Финском заливе, провалилась. Провалилась с треском.

Шепелевский маяк продолжал служить Кронштадту, продолжал служить Ленинграду...

Командир «Феры»

Обо всем этом Добрянскому доложил Алексей Митрофанович Малинин, его заместитель по руководству подпольной организацией в диверсионно-шпионской школе фашистского абвера, когда Андрей Макарович вернулся из Берлина. Он доложил коротко, по-военному:

— Товарищ капитан-лейтенант, диверсия по подрыву Шепелевского маяка сорвана!

Андрей Макарович обнял старшину второй статьи и расцеловал его по-отцовски.

— Но это еще не все, товарищ капитан-лейтенант, — сказал Малинин, освобождаясь из могучих объятий Добрянского. — Фашисты расстреляли Андрея Семенова и Семена Фоменко...

Неужели они что-то разнюхали, — растерянно, будто про себя, проговорил Андрей Макарович. — Жаль ребят. Ведь вместе с ними, коммунистами-торпедниками, я начал войну... Они были в нашем боевом ядре здесь, в Кейла-Йоа...

— Вместе с Семеном Фоменко и Андреем Семеновым эти гады расстреляли Ивана Дитяченко, Владимира Руденко, Николая Тихонова и еще несколько человек, — продолжал свой грустный рапорт Малинин.

— А до этого они убили лейтенанта Николая Климова, командира торпедного катера... Какой души был человек и как рвался он в бой! И не только у острова Соммерс, но и здесь, в Кейла-Йоа. Помню, особенно в первые дни Николай предлагал один вариант за другим... Но мы не должны быть опрометчивыми. Смерть друзей зовет к отомщению... Нам нужно еще теснее сплотиться, и — бдительность соблюдать... Тогда мы сможем принести наибольшую пользу нашим на фронте. Это тем более важно, что Целлариус готовит, как мне кажется, новую операцию...

Тогда, когда им были сказаны эти слова, Андрей Макарович не знал еще, какую именно операцию готовит фашистский абвер. К тому же, Целлариус перевел его, после возвращения из Берлина, на улицу Тоомкунинга, где находилась главная база диверсионно-шпионских школ «Абвернебенштелле Ревал».

— Это было то самое двухэтажное здание, расположенное недалеко от Тынисмяги, где раньше находилось посольство фашистской Германии в буржуазной Эстонии, — говорит Андрей Макарович. — Но я так и не смог узнать, какие комнаты занимал в этом доме «помощник военно-морского атташе» корвет-капитан Александр Целлариус. Помню, что при мне там на первом этаже находилась мастерская, где изготовлялась форменная одежда Советской Армии — для забрасываемых в наш тыл диверсантов и шпионов. Здесь же были кладовые с разного рода оборудованием и инвентарем, характерным для «хозяйства» Целлариуса.

Период нахождения в Таллине я использовал для установления связей с верными людьми, готовыми помогать нам, членам подпольной организации. Регулярную правдивую информацию о положении дел на фронте мы получали от Ольги Зиновьевны Колпаковой, которая очень много сделала для нас. Рискуя собственной жизнью, Ольга Зиновьевна превратила свою комнату на улице Виру, 14, по сути дела, в конспиративную квартиру для нашей организации. Там она скрывала, когда это было необходимо, наших людей.

Снабжала нас сводками о ходе боев, принимая их ночью, когда лучше всего был слышен голос Москвы... Ольга Зиновьевна работала парикмахершей на Вана-Виру, 3, это было удобное место для организации встреч моих людей с ней. Другую квартиру, куда мы смогли свободно приходить, мы нашли у Зинаиды Эдуардовны Хаммер, она проживала тогда на улице Татари, недалеко от площади. Ей, Зинаиде Эдуардовне Хаммер, я обязан своей жизнью. Именно жизнью — эта смелая женщина надежно спрятала меня в ту ночь, когда мы, сломя голову, выпрыгнули из машины, мчавшей нас к готовой могиле на Лесном кладбище. Зинаида Эдуардовна, конечно, сильно испугалась, когда я, почти голый, расцарапанный до крови и грязный, ночью постучался в дверь ее квартиры... В доме, где она жила, было много немцев. Жили они в комнатах и над и под квартирой Зинаиды Эдуардовны. Кроме того, с чердака дома, где она устроила меня, был хорошо виден главный морской штаб оккупантов, располагавшийся в то время на нынешней площади Победы, в высоком темно-красном административном здании. Я знал, что там был штаб фашистского адмирала Бурхарди. Я видел над домом антенны радиостанции «Абвернебенштелле Ревал»... Признаюсь, было страшновато, особенно после только что пережитого по дороге на Лесное кладбище...

Но я забежал несколько вперед. К тому времени, к которому относятся описываемые здесь события, — когда меня перевели на главную базу разведчиков абвера, у меня были еще впереди встречи как с Целлариусом, так и с адмиралом Бурхарди. Словом, дуэль наша продолжалась.

Из Таллина я был вскоре переведен в Лээтсе, где находилась одна из диверсионно-шпионских школ абвера. Здесь мне было легче поддерживать связь с членами подпольной организации, созданной нами в Кейла-Йоа. К тому же многих из них перевели потом в Лээтсе, что, конечно же, способствовало нашей деятельности, направленной на срыв планов Целлариуса.

Где-то в конце апреля в Лээтсе приехал заместитель начальника «Абвернебенштелле Ревал» Бруно Линнеберг. Он вызвал Андрея Макаровича Добрянского и сразу же приступил к делу.

— Дубровский, вы хотите быть настоящим агентом немецкой разведки?

— Рад служить! — коротко ответил Андрей.

— Даем вам возможность доказать это на деле. Мы сняли с Чудского озера две самоходные баржи, они снабжены мощными авиационными моторами типа «Фера». Вы — отличный моряк, основательно знающий свое дело — академия за плечами... Вопрос согласован с фрегат-капитаном Целлариусом. Соберите самоходную баржу... Будет дело — и Бруно Линнеберг сделал многозначительную паузу.

— Разрешите приступить к комплектованию экипажа!

— Действуйте, господин Дубровский! Но имейте в виду, что за ходом подготовки будут следить сам Целлариус и адмирал Бурхарди, командующий немецкими военно-морскими силами в нашем Ревеле.

По случаю нового задания Андрей Макарович был вызван еще лично к Целлариусу. В кабинете его на Койдула, 3 Добрянский застал еще Грандта и Линнеберга. Разговор был короткий. Говорил только Целлариус.

— Итак, господин Дубровский, задание абвера: полностью подготовить личный состав «Л-55», людей подберите из наших школ, обер-лейтенант Грандт поможет вам. Мы хотим узнать, что делает противник, нам предстоит разведывательно-диверсионная операция... Я надеюсь на ваше благородство...

Итак — новый план Целлариуса. Спрашивать о подробностях, о месте и времени предполагаемой диверсии нельзя — Андрей отлично знает это. Можно вызвать подозрение. Но он знает — задумано что-то серьезное. Значит, надо готовить людей, сделать так, чтобы члены подпольной организации в возможно большем количестве были бы представлены на «Фере», или как ее называл Целлариус — «Л-55». Это была сейчас главная задача, и за нее взялись патриоты.

— Ну, во-первых, мне удалось при комплектовании экипажа, — говорит Андрей Макарович Добрянский, — перевести на «Феру» всех своих основных помощников по подпольной организации. И, что не менее важно, расставить их на решающих участках. Так, своему заместителю по подполью старшине второй статьи Алек-

сею Митрофановичу Малинину я поручил выполнять приказания организации по моторной группе. Хочу сказать, что «Фера» — «Л-55» — была смонтирована из двух железных понтонов, соединенных друг с другом с помощью кронштейнов. Это была плавбаза штурмботов, матка их, длиной 32 метра, ширина между двумя килями-понтонами достигала, если мне память не изменяет, четырех метров.

Как видите, это была довольно большая самоходная плавбаза, кстати, рассчитанная на двадцать штурмботов. «Фера» имела двенадцатицилиндровые авиационные моторы и развивала довольно большую для плавбазы скорость. Ну, а поскольку скорость и маневры зависят от моторов, то этот участок я считал одним из важнейших на всей плавбазе. В помощь Малинину был придан другой моторист — смелый и решительный подпольщик Аркадий Степанович Салмин, тот самый, который позже, в машине смерти, развязал мне руки, и не только мне, но и еще пятерым товарищам. Чего греха таить, не прояви Аркадий в самый ответственный момент столь большой выдержки, кто знает, беседовал бы я сейчас с вами или нет... Никогда не забуду, как Аркадий в Центральной тюрьме, за несколько минут до вывода нас на расстрел, первым запел песню. Душевную и страстную. Песню о Родине... Быть может, и песня эта сыграла свою роль в том, что наш путь к вырытой на Лесном кладбище могиле счастливо прервался прыжком узников из крытых брезентом автомашин. И прыжок в ночь, полную неожиданностей и опасностей, равный по цене жизни, первым совершил именно старший сержант авиации Аркадий Степанович Салмин, один из активнейших моих помощников по подполью. События, о которых я только что рассказывал, еще раз подтверждают, как правильно поступила наша организация, направив Аркадия мотористом на плавбазу штурмботов «Фера».

Второй узловой пункт на плавбазе, который был в центре нашего внимания, — это два орудия «Феры». Диаметр их стволов был по 155 миллиметров, и были они, если не ошибаюсь, типа «Кано». Словом, это был военный корабль фашистского абвера.

— И вы, коммунист, капитан-лейтенант Краснознаменного Балтийского флота, были его командиром?

— Да, так случилось... Уж и не знаю, почему Целлариус, Линнеберг и Грандт остановили свой выбор именно на мне.

— Что ж, это был самый счастливый и правильный выбор.

— Так-то оно так. Но если бы вы знали, как трудно, неимоверно тяжело было порою спокойно выслушивать высокомерные философские тирады руководителей фашистского абвера или ядовитую клевету прихвостней-предателей, переметнувшихся к ним. И не только выслушивать, а, в зависимости от обстановки, и поддакивать, соглашаться. К ежеминутной возможности быть расстрелянными мы в конце концов привыкли, но вот это «поддакивание» так и не освоили. Хотя здорово старались. Впрочем, на «Фере» положение чуть изменилось. Почти полным хозяином плавучей базы «Абвернебенштелле Ревал» были советские люди. Я уже говорил о мотористах и артиллеристах. Такого же положения подпольная организация добилась и в укомплектовании экипажей штурмботов фашитского абвера: на каждом из них или моторист или подрывник был нашим человеком. Кроме того, нам удалось также расставить своих людей на должности командиров штурмботов. Были экипажи, где все три члена являлись активными участниками подполья. Один из них возглавлял лейтенант Щапов, моряк-балтиец, попавший раненым и тяжело контуженным в плен спустя примерно полгода после боя, который вели мои торпедные катера. Встретился я с ним в Кейла-Йоа, и мы сразу же нашли общий язык. На «Фере» Дмитрий Иннокентьевич был не только командиром штурмбота, но и был назначен мною начальником штаба по уводу плавбазы фашистской разведки «Л-55» вместе со всеми штурмботами к нашим. Таково было решение подпольной организации.

В те летние дни 1943 года «Фера» стояла в Таллине, в Минной гавани, капитан ее максимально использовал время, чтобы лучше подготовить людей к продолжению дуэли с Целлариусом.

— Мы стали регулярно проводить на «Фере» политзанятия, — вспоминает Андрей Макарович. — Да, да, настоящие политзанятия. По группам. Как это делалось и на торпедных катерах, до плена. Это возымело отлич-

ное действие. Люди почувствовали свою силу еще больше. Я заметил, как воспрянули духом даже те, которых плен в какой-то степени сломил. Если хотите, только в те дни я по-настоящему понял, какова цена политзанятия. Конечно, занятия мы проводили в группах, состоявших исключительно из членов организации. Это было железным законом. Со временем стали проводить занятия ежедневно. Я познакомил Алексея Митрофановича, своего заместителя по подпольной организации, и некоторых других товарищей с Ольгой Зиновьевной Колпаковой и Зинаидой Эдуардовной Хаммер. Через них мы получали нужную информацию. Особенно активно снабжала нас сводками Совинформбюро Ольга Зиновьевна. Благодаря ее мужеству мы на «Фере» точно знали, как идут наши дела на передовой. Через нее же мы получали другие данные, столь необходимые нам в те тревожные дни.

Ольга Зиновьевна, дочь муствээского рыбака, стала членом нашей подпольной организации, и мы во многом обязаны ей.

Были у нас свои люди и на быстроходном офицерском катере «Клаус», приданном Целлариусом плавбазе «Фера». Это был отличный катер, развивавший скорость до семидесяти километров в час, недаром на нем был установлен восьмицилиндровый авиационный мотор. Этот катер чаще всего использовал сам Целлариус, непосредственно следивший за подготовкой «Феры», а также Бруно Линнеберг и Грандт. Так вот, мотористом на «Клаусе» был член нашей организации Петр Собченко, отважный моряк, помните, из числа тех, кто составил первоначальное ядро подпольной организации советских моряков в диверсионно-шпионской школе фашистского абвера в Кейла-Йоа. А машинистом на «Клаусе» был Владимир Павлов, старшина первой статьи из бригады торпедных катеров, рубаха-парень, не терявший головы даже в самых сложных и непредвиденных обстоятельствах. По плану было предусмотрено, что Петр Собченко и Владимир Павлов при выходе «Клауса» из Таллинского порта — вместе с «Ферой» — должны взять в плен начальника школ абвера обер-лейтенанта Грандта и доставить его вместе с катером «Абвернебенштелле Ревал» в расположение наших войск. А на самой «Фере» член нашей органи-

зации радист Новиков должен был, при приближении ее к нашим берегам, обезвредить радиста-немца и дать знать своим, чтобы не стреляли по «Фере».

Шло время, и Цеплариусу доложили, что «Л-55» и флотилия штурмботов готовы к выполнению задания абвера.

— Проведем испытания, — сказал Цеплариус. — Район учебных стрельб и высадки десанта, а также проверки взаимодействия плавбазы и штурмботов, — между Таллином и Палдиски.

— Яволь, господин фрегат-капитан, — недовольно ответил обер-лейтенант Грандт, которому не терпелось пустить «Л-55» быстрее в дело. В настоящее, как он считал, дело...

И вот плавбаза «Фера» в море.

На капитанском мостике военного корабля фашистской разведки коммунист Добрянский.

— Но на корабле в тот период постоянно находился и Грандт, — говорит Андрей Макарович. — Кроме того, еще ряд фашистов, плюс агенты Цеплариуса, некоторые из них пытались, мы это чувствовали, выяснить взгляды и настроения членов экипажа «Феры». Из Таллина мы взяли курс на Палдиски. Во время перехода провели учебную стрельбу. Я был очень рад, что снаряды наших орудий ложились точно в цель. Значит, артиллеристы выполнят свое задание. И не подведут, если им будет дан приказ навести пушки на фашистов. К этому мы их готовили, упорно и тщательно. Четко работали мощные моторы «Феры». Алексей Митрофанович Малинин и Аркадий Степанович Салмин говорили мне, что, если надо, они выжмут из них еще больше... Довольны остались мы и действиями экипажей штурмботов, когда в районе Палдиски провели, с ходу, высадку десанта. Я наблюдал, с какой ловкостью матросы-десантники спускали штурмботы с «Феры» в море, как быстро и слаженно вскакивали на них и как целеустремленно, под прикрытием пушек «Феры», ринулась армада штурмботов к берегу. Кстати, артиллерийским огнем руководил Дмитрий Иннокентьевич Щапов, а высадкой десанта с штурмботов Георгий Владыкин, флотский старший лейтенант, значившийся у Цеплариуса под фамилией Чацкий. Это были наши верные люди, командиры, имевшие основательную

военно-морскую подготовку и потому особенно нужные для организации.

Доволен был подготовкой «Феры» и обер-лейтенант Грандт. Словом, довольны были обе стороны. С той, однако, разницей, что причина в обоих случаях была прямо противоположная.

Грандту особенно понравилось то, что, высадив десант, люди с «Феры» очень четко провели операцию по возвращению на плавбазу. Надо сказать, что «Фера» была в полной боевой готовности. Но мы пока не знали, какую именно операцию готовил Целлариус. Догадывались, что готовится что-то серьезное. Недаром перед выходом из Таллина в район Палдиски Грандт приказал принять на борт солидный боезапас, одних снарядов к орудиям «Феры» было свыше тысячи, кроме того около двух тонн взрывчатки, запас горючего, изрядное количество продуктов питания плюс НЗ.

На обратном пути в Таллин, в море, Грандт, довольный отработкой деталей операции, подошел к Андрею Макаровичу Добрянскому и, стремясь придать моменту как можно больше секретности и в то же время важности, сказал капитану «Феры»:

— Господин Дубровский, до сих пор мы говорили вам лишь в общем о предстоящей операции. По понятным вам причинам абвер не мог раскрыть всех карт. Таково было решение господина фрегат-капитана. Впрочем, я с ним не совсем согласен... Слишком уж тянет он. Лично я благодарен за то, что вы так отлично подготовили «Л-55» к предстоящему делу. Мне известно, что довольно осталось и наше военно-морское начальство, которое инспектировало «Феру» в Палдиски и наблюдало за взаимодействием плавбазы и штурмботов. Линнеберг сказал, что и адмирал Бурхарди дает высокую оценку вашей работе. В общем... Я решил раскрыть вам свои карты. Подошло время. Скоро мы прибудем в Таллин и сразу же выйдем на операцию. Вам, господин Дубровский, и команде «Феры» абвер поручает уничтожение мощной дальнобойной батареи противника на берегу Копорского залива. Она мешает войскам фюрера нанести решающий удар по плацдарму на берегу Финского залива, который противник старается удержать любой ценой. Любой ценой

потому, что плацдарм этот — важнейший компонент в его обороне Ленинграда. Батарея на мысе Устинском надежно защищает правый фланг русских, и вообще — всю занимаемую ими территорию оперативного плацдарма в районе Ораниенбаума с моря. Теперь вы понимаете, господин Дубровский, всю ответственность задачи. Надеюсь, что вам также ясно, почему выполнение ее поручено абверу, то есть нам с вами.

— Значит, Устинская дальнобойная батарея на берегу Копорского залива, — эта мысль молнией пронеслась в голове Андрея Макаровича. Вообще-то говоря, Добрянскому не надо было принимать никакого решения — оно было заложено в существовании и действиях самой подпольной организации. Канарис и Целлариус решили уничтожить стратегически важную дальнобойную батарею на берегу Копорского залива. Добрянский, Щапов, Малинин и их боевые друзья постановили: «Устинская батарея должна продолжать бить врага, откуда бы он ни пытался наброситься на наш Ораниенбаумский плацдарм». Словом, патриоты решили сделать все, чтоб Устинская дальнобойная продолжала служить городу на Неве. Так, как это делал и Шепелевский маяк, также расположенный на берегу Финского залива, на территории того же Ораниенбаумского плацдарма.

...В тот день, когда «Фера», приняв на борт армаду штурмботов, полный запас боеприпасов, взрывчатки и пресной воды, должна была выйти, в сопровождении быстроходного «Клауса», из Минной гавани и взять курс на Копорский залив, в тот самый день случилось нечто непредвиденное, спутавшее карты патриотов. Незадолго до намеченного выхода в море прибыли Целлариус, Линнеберг и еще группа каких-то чинов абвера. Обер-лейтенант Грандт, как и полагается, доложил Целлариусу, что плавбаза «Л-55» готова к выходу на диверсионную операцию. Целлариус, выслушав рапорт начальника диверсионно-шпионских школ абвера, сказал, выделяя каждое слово:

— «Л-55» останется в Ревельском порту. Штурмботы будут доставлены в район диверсии по железной дороге и потом по реке спущены в море. Люди Дубровского должны пока оставаться на «Л-55». Погрузка

штурмботов на платформы начнется завтра. Завтра же — выезд из Ревеля. Все.

Хитер и предусмотрителен был начальник «КО-Финляндия» и руководитель «Абвернебенштелле Ревал»: до самой последней минуты он скрывал свои истинные планы даже перед такими своими приближенными людьми, каким, бесспорно, являлся обер-лейтенант Грандт. А может быть, так было заранее условлено между Целлариусом и Грандтом, чтобы еще раз подстраховать успешный ход предстоящей диверсии.

— Трудно об этом судить сейчас, — говорит Андрей Макарович. — Быть может, Целлариус хотел перед самым выходом еще раз переставить, на всякий случай, людей, намеченных для участия в диверсии. И с этой целью им был разработан другой вариант диверсии — без «Феры», а значит — без той расстановки людей, которая сложилась в ходе подготовки плавбазы к задуманной Целлариусом операции в Копорском заливе. Доверять-то он нам доверял. Ребята отлично вели двойную игру. Но, видимо, где-то все же были у него и сомнения. — Черт их знает, этих русских — лучше я все же еще раз перетасую, — так мог рассуждать фрегат-капитан.

— Что в этих условиях предприняла подпольная организация, руководимая капитаном «Феры»?

— При первой же возможности, почти сразу после моего возвращения на плавбазу, мы провели заседание штаба подпольщиков, — вспоминает Андрей Макарович. — На нем присутствовали мой заместитель Алексей Митрофанович Малинин, начальник штаба организации Дмитрий Иннокентьевич Щапов, старший лейтенант Георгий Владыкин, радист «Феры» Новиков и еще несколько товарищей. К тому времени нам уже стало известно, что в операции примут участие в качестве командиров штурмботов Дмитрий Иннокентьевич Щапов, Георгий Владыкин, Павел Демин, Качалов и еще ряд верных людей из нашей организации.

Словом, подготовительная работа на «Фере» не пропала даром: как ни перетасовывал Целлариус людей, назначенных им для участия в диверсии в Копорском заливе, организации удалось все же включить нужных товарищей в экипажи штурмботов. У Щапова, напри-

мер, весь экипаж был из верных людей. Но мы узнали также, что одним из руководителей операции Целлариус и Грандт назначили провокатора Чарского, мерзкого предателя, выслуживавшегося перед фашистами. Кроме того, нам стало известно, что некоторые экипажи штурмботов укомплектованы большей частью провокаторами.

Но несмотря на эти непредвиденные осложнения и трудности штаб решил: десант, задуманный абвером, отменяется, а штурмботы-катера должны быть уведены к нашим. С Щаповым, который был главным нашим представителем в диверсионной группе абвера, тут же договорились, что помощниками его будут Павел Демин и Качалов. Это уже три штурмбота из десяти, намеченных к операции. Было также решено, что моторы тех штурмботов, в экипажи которых входят фашистские холуи, будут в нужное время выведены из строя. Все это было возложено на Дмитрия Иннокентьевича Щапова и других наших верных людей.

— Как же завершилась операция в Копорском заливе, столь тщательно и долго готовившаяся фашистским абвером?

— Не все прошло так, как нам того хотелось бы, — говорит Андрей Макарович. — Но главная задача была выполнена, оказался сорванным план абвера — уничтожить Устинскую батарею дальнобойных орудий. Иными словами, оказалась сорванной еще одна диверсия Целлариуса против Ленинграда. Правда, не удалось полностью выполнить вторую часть плана — увести штурмботы к нашим. Благополучно достиг советского берега лишь штурмбот, на котором был экипаж Дмитрия Иннокентьевича Щапова. Надо было видеть, какой злой ходил после этого обер-лейтенант Грандт, как ругался Линнеберг, как еле сдерживал свой гнев всегда такой спокойный шеф «Абвернебенштелле Ревал».

Воспользовавшись удобным моментом, я однажды заметил Целлариусу, что абвер, видимо, допустил ошибку, не послав в Копорский залив плавбазу «Л-55» с армадой ее штурмботов.

— Вы, господин Дубровский, пожалуй, правы, — ответил мне фрегат-капитан. — Я всегда считал вас благородным человеком, недаром происходите вы из дво-

рянской семьи, где считается само собой разумеющимся держать раз данное слово...

— Слушал я Целлариуса, — говорит Андрей Макарович, — а сам думал:

— Не видать бы тебе, фашистская гадина, ни «Феры», ни всех ее двадцати штурмботов, коли послал бы ты нас тогда в Копорский залив. Жаль только, что удалось уйти лишь одному экипажу штурмбота Щапова...

— Где сейчас Дмитрий Иннокентьевич? — спрашиваю я Андрея Макаровича после того, как записал в свой блокнот его рассказ о тех памятных днях.

— Друг мой и боевой товарищ проживает сейчас в Воркуте, — говорит Добрянский. — Коммунист Дмитрий Иннокентьевич Щапов окончил после войны вуз и работает главным механиком треста «Воркутауголь».

Андрей Макарович говорит, а я ловлю себя на мысли о том, что есть что-то общее между этими двумя людьми. Оба — советские офицеры. Воспитанники комсомола и партии. Оба пережили трагедию плена. Оба не сдались, не сломились. И продолжали неравную схватку с врагом. Оба с честью несли звание советского офицера. Оба окончили после войны заочно институты. И Щапов и Добрянский — уважаемые люди. Один — на Севере, где удостоен «Шахтерской славы» трех степеней. Другой — на берегу Азовского моря, в Таганроге, где работает инженером на строительстве трубопрокатного цеха Таганрогского металлургического завода.

Первая группа улетает в тыл

Недели через три после краха диверсии Целлариуса в Копорском заливе начальник «КО-Финляндия» и глава «Абвернебенштелле Ревал» в очередной раз вызвал к себе Андрея Макаровича Добрянского.

— Господин Дубровский, как идут ваши дела? — спросил Целлариус, не спуская пристального взгляда с капитана «Феры».

— Хорошо, господин фрегат-капитан, — ответил Добрянский. И добавил после небольшой паузы:

— Рад служить великой Германии, рад служить абверу...

— Я так и полагал. Я так и полагал, господин Дубровский, — проговорил Целлариус. — Мы, немцы, благородные, мы ценим в не меньшей мере и благородство других по отношению к нам. Мы это ценим. Отныне я доверяю вам, господин Дубровский, ответственную должность инструктора по выброске агентуры абвера в русский тыл. Имейте ввиду, что это задание — наиболее секретное и одновременно наиболее тонкое. Адмирал Канарис называет ее филигранной. Я с ним полностью согласен.

Так для подпольной организации советских патриотов, действовавшей в логове фашистского абвера, наступили новые напряженные, очень опасные дни. Опасные потому, что Целлариус и остальное руководство абвера резко усилили контрразведывательную работу среди военнопленных, отобранных для прохождения курса в диверсионно-шпионских школах абвера. Руководители подпольной организации, накопившие к тому времени уже немалый опыт в борьбе с абвером, чувствовали это. Они знали, что в школах фашистской разведки усилена сеть провокаторов, они видели, что время от времени в том же Кейла-Йоа появлялись типы, не внушавшие доверия. Эти типы старались пролезть в доверие, все вынюхивали, все разузнавали.

Словом, опасность возросла. Но в то же время у организации Добрянского появились реальные возможности наладить связь с советской контрразведкой. Иными словами, добиться того, к чему с самого начала стремилась организация.

— Вот над решением этой задачи мы и стали трудиться, — говорит Андрей Макарович. — Снова, в который уже раз, в самый начальный период подготовки к операции мы ставили главной задачей перед организацией: добиться, чтоб уже в первой же забрасываемой в наш тыл группе было, по возможности, больше проверенных членов организации. Как видите, у нас уже выработалась своя тактика. Она оправдала себя и в стратегическом плане, когда мы сорвали две так тщательно готовившиеся абвером диверсии в Финском заливе.

И вот теперь подпольщикам предстояло сорвать очередной план Целлариуса. Как мы потом узнаем, и на сей раз абвер предусмотрел целую систему перепровер-

ки людей, которых Андрей Макарович готовил для заброски.

Занятия проводились тщательно. Забрасываемых готовили по всем правилам шпионской науки. Они должны были безупречно владеть радиотехникой, уметь прыгать с парашютом, отлично стрелять из пистолета, быстро ориентироваться на местности, уметь вести разведку в наших войсках, особенно на линии Ленинград — Нарва. Именно такую задачу поставил перед ними Целлариус. Этот участок всегда больше всего интересовал Целлариуса. Вот почему вся деятельность людей, которых абвер готовил к заброске, должна была проходить именно здесь. Агенты должны были сообщать в штаб «Абвернебенштелле Ревал», сколько и какая техника продвигается по железной дороге Ленинград — Нарва, по шоссе, соединяющему эти два города. Эти сведения нужны были командованию фашистской армейской группы «Норд», которую советские войска к тому времени уже порядком оттеснили от Ленинграда на запад. Еще за год до описываемых здесь событий, в январе 1943 года, наши войска прорвали блокаду Ленинграда и освободили Шлиссельбург. Это была большая победа, трудная. Тогда, в зимние месяцы сорок третьего, никто не знал, что свою долю в победу внесли и советские патриоты, действовавшие в невероятно трудных и сложных условиях фашистского тыла под руководством капитан-лейтенанта Добрянского. Здесь нам хочется особо отметить, что организация патриотов, созданная нашими людьми в фашистском абвере, сорвала две серьезные операции, которые были прямо направлены против защитников Ленинграда. Если вы посмотрите на схему военных действий того периода, то легко убедитесь, что и Шепелевский маяк, и мощные дальнобойные орудия в районе Устье находились все на том же стратегически важном плацдарме, который так и не смог взять враг и который сыграл такую исключительную роль в обороне Ленинграда и Кронштадта.

В схватке за Ораниенбаумский плацдарм, а значит, в ожесточенной схватке за Ленинград, организация капитан-лейтенанта Добрянского нанесла организации фрегат-капитана Целлариуса два серьезных поражения.

Теперь Целлариус готовил третью операцию, участники которой должны были по его приказу действовать где-то в том же районе. Но подпольная организация дала забрасываемым другой приказ, для них единственно обязательный:

1. Немедленно явиться в контрразведку Краснознаменного Балтийского флота и доложить о существовании и действиях подпольной организации в фашистском абвере.

2. Передать органам контрразведки подробнейшие данные о личном составе диверсионно-шпионских школ фашистского абвера, особо указав имена и приметы предателей.

3. Дать обстоятельную характеристику и описание руководителей «Абвернебенштелле Ревал» и начальствующего состава школ абвера.

4. Договориться об организации радиоигры с абвером.

Так, по двум направлениям и проводили Добрянский и его люди подготовку к заброске в наш тыл первой группы. Два направления. Одно — официальное, по программе Целлариуса. Другое — глубоко законспирированное, тщательно скрываемое от всех — всех, кого это прямо не касалось.

Шла невидимая дуэль. Дуэль не на жизнь, а на смерть...

И вот подготовка первой группы завершена. Она отлично прошла испытания по специальным дисциплинам. Это был приказ организации — в совершенстве изучить все то, что требовал Целлариус. Кстати, в ходе подготовки сама организация не раз проверяла качества того или иного человека. И лишь после того, как были отметены все подозрения, было принято решение раскрыть карты отдельно перед каждым забрасываемым. Благодаря неустанной работе командира подпольной организации и комиссара Андрея Макаровича Добрянского, его заместителя Алексея Митрофановича Малинина, секретаря комсомольской организации подпольщиков Валентина Чекалина патриотам удалось так сформировать группу забрасываемых абвером в наш тыл «шпионов», что все они, за исключением одного, являлись членами самой организации.

— Ты, Коля, будешь старшим, — сказал Андрей Макарович, дружески похлопывая по плечу сержанта, с

которым познакомился в Кейла-Йоа и которого вовлек в опасную и рискованную дуэль с фашистским абвером.

Николай Григорьев был одним из смелых подпольщиков. Хороший спортсмен, красивый брюнет, совсем еще юноша, Николай всегда находился там, где было труднее всего. Под стать ему были Евгений Лавренюк, Иван Травкин, Иван Смык и Иван Попов, члены организации, заброшенные в то же время в наш тыл.

Группу должным образом экипировали. Всех одели в форму солдат Советской Армии. Кирзовые сапоги, шапки-ушанки, зеленые бушлаты и... погоны на них. Подпольщики впервые увидели тогда погоны, введенные в нашей армии...

Настал час расставания с первой группой забрасываемых в тыл. При этой церемонии присутствовали высшие чины абвера, сказать уже ничего нельзя было. Да и не требовались слова. Добрянский встретился глазами с каждым из своих друзей, а потом, подойдя ближе, строго сказал, чтобы слышали и другие:

— Повторяю: в плен не сдаваться! Это, надеюсь, всем ясно!

— Так точно, господин инструктор!

Из оккупированного Таллина группу отправили в оккупированную Ригу. Ее сопровождали незнакомые Добрянскому люди. Так было задумано Целлариусом, который еще и еще раз проверял тех, кто должен был, по его мысли, дать абверу ценнейшую информацию, столь нужную командованию фашистской армейской группы «Норд».

Почему, однако, группу Николая Григорьева перед выброской отправили именно в Ригу? А потому, что здесь находилось «Абверштелле Остланд» — иными словами, главное управление фашистской военной разведки и контрразведки, действовавшей на обширном участке, занимаемом группой армии «Норд». Главный штаб «Абверштелле Остланд» находился в Риге, по улице Андрея Пумпура 2/5, в здании бывшего японского посольства. Это закономерно — в Таллине абвер занимал здание бывшего германского посольства, а в Риге — здание бывшего японского посольства. Словом, теперь все встало на свое место.

В Риге, в служебном здании «Абверштелле Остланд»

помещалась мощная радиостанция для связи с подчиненными органами, для связи с Берлином и радиостанцией «Валли» близ Варшавы. Разведывательная и диверсионная деятельность «Абверштелле Остланд» была направлена главным образом против северных участков советского фронта.

По своей структуре «Абверштелле Остланд» разделялось на три основных отдела: разведка, диверсия и контрразведка. «Абверштелле Остланд» имело подчиненные ему «Абвернебенштелле» в Каунасе и Таллине, оперативные пункты и резидентуры в Даугавпилсе, Елгаве, Лудзе, Цесисе и других городах Прибалтики. С «Абвернебенштелле Ревал» и его главарем Целлариусом мы уже достаточно знакомы. Кроме «Абвернебенштелле Ревал» на территории оккупированной Эстонии действовал еще ряд органов абвера. Так, в местечке Вихула располагалась абвергруппа 212, во главе которой был гауптман Курт Рейнхардт, один из ближайших помощников начальника «КО-Финляндия» Целлариуса в начальный период войны, когда фашистская военная разведка и контрразведка осуществила заброску из Финляндии в тыл советских войск в Эстонии диверсионно-террористической группы «Эрна». В оккупированном Тарту находилась абвергруппа 326, во главе которой был гауптман Хельмут Дамерау.

Раз уже речь зашла о структуре фашистского абвера на территории оккупированной Эстонии, то отметим здесь еще, что кроме школ абвера в мызе Кумна, Лээтсе и Кейла-Йоа абвер имел еще диверсионно-шпионские школы в Вана-Нурси, недалеко от Выру, в Валге, а также в Вихула, там же, где располагалась и абвергруппа 212. Характерно, что под диверсионно-шпионские школы были отведены, как правило, бывшие баронские имения.

Общим руководителем всех названных здесь органов абвера и было «Абверштелле Остланд» в Риге, куда теперь и попали патриоты из подпольной организации, руководимой Андреем Добрянским. Здесь, в Риге, по улице Свободы, 81, в специальной лаборатории абвера им изготовили фиктивные документы. Отметим еще, что в Межапарке находился дом, огороженный колючей проволокой и строго охраняемый часовыми, в котором находился пункт временного содержания аген-

тов перед отправлением их в школы абвера. А в Пскове, в отдельных домах по Крестовскому шоссе, агенты абвера находились в ожидании заброски их в советский тыл.

В подвале бывшего японского посольства в Риге, в здании, где помещался главный штаб «Абверштелле Остланд», содержались арестованные советские партизаны, военнопленные и арестованные гражданские лица. Здесь их пытали, избивали, применяя весь арсенал зверств, изобретенных фашистами.

Чуть-чуть было не попал в подвал бывшего японского посольства и Николай Григорьев со своими друзьями Евгением Лавренюком и Иваном Травкиным.

А было это так. В Таллине, перед отправкой своих друзей, Андрей Макарович передал Николаю Григорьеву список, в который были занесены имена и клички 147 агентов, обучавшихся в школе абвера в Кейла-Йоа. Этот список Григорьев должен был передать нашей контрразведке в Ленинграде. Таков был приказ организации.

— А где мне спрятать этот список? — спросил Николай у Андрея Макаровича.

— Это очень важный документ, он составлен нами в результате долгой и кропотливой работы, связанной с большим риском, — пояснил руководитель организации. — Его нужно доставить нашим во что бы то ни стало. Вы лучше меня понимаете, что если он попадет в руки абвера... Словом — зашьем его поглубже в бушлат.

Так и сделали. И пока все шло хорошо. Но вот в Риге Николай вдруг узнал, что перед заброской фашисты тщательнейшим образом обыскивают каждого агента. Обыскивают все, до ниточки...

— Что делать? — молнией пронеслось в голове Николая. — Ведь если обнаружат — значит, провал всего того, к чему так упорно и долго готовилась организация, арест и расстрел друзей, вместе с которыми так много уже сделано для победы над врагом. Николай знает: он не выдаст никого. Нет такой силы, что заставила бы говорить его то, чего нельзя. Николай знает это. Но он знает и другое: связь с нашей контрразведкой должна быть установлена во что бы то ни стало. А для этого нужно, чтобы немцы забросили их в наш тыл.

Но этот список... Что делать? Ведь могут вызвать на

обыск в любую секунду. Могут нагрянуть и сюда, вот в эту комнату... Быстрее... Быстрее... Николай отыскивает нужное место в бушлате, слегка распарывает подкладку и осторожно достает список. Он еще и еще раз перечитывает его, стараясь запомнить каждое имя, каждую кличку. У Николая отличная память. Он повторяет теперь список, не глядя в тонкую папиросную бумагу. Так... Еще раз... Для верности. Теперь — мигом, незаметно для других уничтожить список и замести все следы в бушлате...

— Господин Николай Виноградов — к дежурному офицеру! — сонно проговорил дневальный, появившись в дверях комнаты.

— Есть, к дежурному офицеру! — рявкнул Николай Григорьев, довольный тем, что успел все сделать, как было задумано в эту последнюю, столь тревожную и опасную минуту...

...Оказавшись на родной земле, среди своих, члены подпольной организации сразу же попросили доставить их в советскую контрразведку.

Не обошлось и без курьезов. Об одном из них нам поведал Александр Михайлович Емельянов, офицер «Смерш», первым беседовавший в Ленинграде, в контрразведке, находившейся в здании бывшего артиллерийского училища, с переброшенными Целлариусом в наш тыл «шпионами» — членами подпольной организации.

Николай Григорьев, благополучно приземлившись в лесу, быстро разыскал нашу часть и, явившись в форме к дежурному офицеру, попросил немедленно связать его с контрразведкой.

— Зачем тебе, юноша, нужна эта контрразведка, да так быстро? — поинтересовался офицер, окруженный несколькими солдатами и сержантами.

— Нужно — и все! — настаивал на своем Николай Григорьев. — Предупреждаю, каждый час дорог...

— Ну, браток, ты, бога ради, не пугай, сами кого угодно можем напугать! — пронеслось в ответ.

Тут Николай, так много переживший за последние годы и взволнованный тем, что оказался среди своих, не выдержал и выпалил то, чего не имел права говорить:

— Я агент фашистской разведки, недавно приземлился на парашюте и требую, чтобы меня немедленно отвезли в штаб контрразведки!

— Ба, ребята, да этот парень просто свихнулся, его надо показать врачу! — захохотали воины, с любопытством рассматривая Николая.

Вскоре, однако, все выяснилось, и Николай Григорьев вместе со своими друзьями, заброшенными в наш тыл, — Евгением Лавренюком, Иваном Травкиным, Иваном Смыкой, Иваном Поповым, передали «Смерш» весьма и весьма ценные сведения об организации и структуре фашистской военной разведки и контрразведки в оккупированной Эстонии, подробный отчет о деятельности подпольной организации, членами которой они являлись.

Николай Григорьев, приземлившись где-то в зимнем снегу, первым делом достал блокнот и стал записывать имена и клички агентов абвера, обучавшихся в диверсионно-шпионской школе в Кейла-Йоа. Через некоторое время, к первой встрече с нашими, в голенище кирзового сапога Николая Григорьева был уже список на 147 человек.

Точь в точь такой, какой он получил в Таллине от Андрея Макаровича Добрянского. Только, быть может, порядок людей, внесенных в этот список, был немного другой.

Надо ли говорить о том, что Николай Григорьев и его друзья дали чекистам все сведения, касающиеся главарей «КО-Финляндия» и «Абвернебенштелле Ревал», составили подробнейшие планы зданий в мызах Кумна, Лээтсе и Кейла-Йоа, где располагались диверсионно-шпионские школы фашистской разведки и контрразведки. Особо следует отметить, что члены подпольной организации сообщили «Смерш» данные об укреплениях немцев на берегу Финского залива, о количестве их военных кораблей в Таллине и Палдиски.

Словом, подпольная организация отлично выполнила свое очередное задание. Закончился полнейшим провалом еще один тщательно разработанный план фашистского абвера.

Заброска зимою 1944 года довольно большой группы людей, связанных с подпольной организацией Андрея Добрянского, в наш тыл, это, по существу, второе подтверждение, полученное «Смерш» о существовании в школе абвера в Кейла-Йоа, в Таллинском порту, на плавбазе штурмботов «Фера» и на главной базе школ

фашистской разведки и контрразведки в Таллине, на Тоомкунинга, 13 сильного и хорошо организованного подполья. Первые сведения о подпольщиках доставил им Дмитрий Иннокентьевич Щапов еще в октябре 1943 года, когда на штурмботе вместе со всем его экипажем, куда входили кроме него еще механик Дмитрий Гридинский и подрывник Станислав Емелин, ушел к нашим.

К сожалению, не поверили тогда работники «Смерш» полностью в то, что говорил им Дмитрий Иннокентьевич Щапов, что говорили другие смелые участники этой операции — Станислав Емелин и Дмитрий Гридинский. Дело осложнялось еще и тем, что Целлариус, узнав о бегстве штурмбота Щапова, послал через линию фронта «перебежчика», солдата фашистской армии, который в числе других сведений сообщил, что где-то здесь, на этом же участке фронта, гитлеровцы перебросили в советский тыл трех шпионов...

Теперь, когда от Добрянского прибыло второе подтверждение, сомнений, конечно, не оставалось. Хотя и здесь не обошлось без осложнений. Причиной их стал список, составленный Андреем Макаровичем Добрянским и переданный Николаю Григорьеву. Тот самый список, который Николай вынужден был, чтобы спасти организацию и все дело, уничтожить в Риге, в «Абверштелле Остланд». Потом, приземлившись, Николай Григорьев, как читатель уже знает, полностью восстановил по памяти весь список. Так вот, передавая список чекистам, Николай сказал, что составлен он руководителем организации Андреем Макаровичем Добрянским, не добавив при этом, что переписан он им самим, Николаем Григорьевым. Работники «Смерш» сличили образцы рукописи Добрянского со списком и, конечно, сразу же установили, что список агентов абвера, в котором 147 человек, написан не рукой капитан-лейтенанта Добрянского...

Как бы то ни было, а через определенное время Николай Григорьев послал из-под Ленинграда, из района Лисьего Носа в эфир радиограмму, в которой сообщил «Абвернебенштелле Ревал», что «приземлился удачно и приступил к выполнению задания».

Все это хорошо. Жаль только, что было потеряно много времени...

В это время, когда работники «Смерш» выясняли, чьей рукой составлен список агентов фашистского абвера, Андрей Макарович готовил новых людей для переброски в наш тыл. Все они были членами подпольной организации, за исключением лишь некоторых. С ними было много возни, особенно по приземлении их в тылу советских войск. Ведь они были хорошо вооружены. К тому же получили основательную подготовку в диверсионно-шпионской школе абвера...

Андрей Макарович готовил людей и с нетерпением ожидал вестей из Ленинграда. А их все не было...

В такой обстановке руководство подпольной организации решило провести партийно-комсомольское собрание. Состоялось оно в условиях строгой конспирации, на главной базе диверсионно-шпионских школ абвера в Таллине, на Тоомкунинга, 13, в бывшем здании посольства фашистской Германии в Эстонии.

На собрании подпольщиков присутствовали Андрей Макарович Добрянский, его заместитель Алексей Митрофанович Малинин, секретарь комсомольской организации подпольщиков Валентин Чекалин и другие, всего свыше 15 человек.

— Товарищи, наша победа близка, — тихо сказал командир, он же комиссар подпольной организации, открывая партийно-комсомольское собрание. — Наша задача сейчас состоит в том, чтобы максимально усилить борьбу против фашистов. Вношу предложение обратиться к кейла-йоасцам с подобным же призывом...

И вот на лист бумаги ложатся слова призыва к последней схватке с врагом. Коротко, ясно, четко. А в конце огненные слова: «Смерть немецким оккупантам!»

Когда обращение к кейла-йоасцам было готово, его подписали комиссар и комсорг подпольщиков. Потом оно было единогласно одобрено и тут же... сожжено в печке. Этого требовала конспирация. Собрание решило, что текст обращения, выученный наизусть, передаст верным людям в Кейла-Йоа Валентин Чекалин.

Шло время. Подпольщики готовились к решающей схватке. Через несколько дней после партийно-комсомольского собрания к Добрянскому пришел человек из Кейла-Йоа.

— Мы познакомились с воззванием, — сказал он. — Люди одобряют то, что надо усилить борьбу, особенно сейчас.

При этих словах человек из Кейла-Йоа, — Добрянский знал его, — назвал имена многих членов организации, жаждущих борьбы.

Потом он спросил:

— Какие будут указания организации по Кейла-Йоа?

— Взорвать комендатуру, взорвать здание школы, взорвать склад с оружием, убрать предателей, — чеканя каждое слово, ответил Добрянский.

Это было 6 марта 1944 года. Через два дня наша бомба угодила в здание главной базы Целлариуса на Тоомкунинга, бывшее многие годы центром фашистской разведки в Эстонии.

Само по себе событие это послужило также и причиной того, что Добрянский и его люди были переведены в Таллинский порт, снова на знакомый им корабль абвера «Л-55», или «Фера», на котором Андрей Макарович был в свое время капитаном.

Основной своей задачей подпольная организация считала и в тот период установление более тесной связи с кейла-йоасцами.

Но случилось так, что дней через пять Андрея Макаровича и его друзей самих перевели с «Феры» в Кейла-Йоа.

Теперь члены подпольной организации снова оказались все вместе. Андрея Добрянского Целлариус снова повысил в должности по линии абвера. Коммунист, капитан-лейтенант Добрянский стал в те дни комендантом диверсионно-шпионской школы абвера в Кейла-Йоа. Случай, не часто встречающийся в истории борьбы двух разведок, в истории дуэли между советской и фашистской разведками, в частности.

Шел март сорок четвертого. На всех фронтах наша армия гнала врага на запад, очищая советскую землю. Грозный гул артиллерийской канонады доносился из-под Нарвы, войска Ленинградского фронта создали плацдарм на западном берегу реки Нарвы.

Словом, началось изгнание фашистской армейской группы «Норд» и с территории Советской Эстонии.

Но до Кейла-Йоа все еще не дошли вести из Ленинграда. Андрей Макарович и его друзья терялись в до-

Андрей Добрянский и Аркадий Салмин у водопада в Кейла-Йоа. Слева здание, в котором полевая жандармерия арестовала Андрея Добрянского.

гадках. Быть может, людей и не забросили? Но где же они? А может, нашли список агентов в бушлате Николая Григорьева. Нет, это — исключено...

Наступил день 18 марта 1944 года. Андрей Макарович почувствовал себя неважно и направился в лазарет, находившийся недалеко от дворца князя Волконского, в котором, как это уже известно читателю, находилась школа абвера. Комендант русской части школы — руководитель подпольщиков Андрей Добрянский проживал в другом здании, недалеко от дворца. Его комнаты были на втором этаже и из них отлично был виден главный вход во дворец.

Был чудесный мартовский день, совсем по-весеннему ласкало солнце, так редко появлявшееся в ту зиму на небосводе.

Андрей шел медленно. Он смотрел вдаль, где за лесом виднелась гладь моря, такого близкого и знако-

мого. Он, бывший шахтер, окончивший морскую академию, очень полюбил море.

Андрей невольно залюбовался неутомимо грохочущим водопадом, в брызгах которого солнечные лучи, будто волшебники, сплели радугу.

Вдруг его окликнули:

— Господин Дубровский! Зайдите, пожалуйста, на минутку ко мне!

Эти слова неслись из окна здания, где был кабинет начальника школы абвера. Дом этот, с толстыми каменными стенами, находился совсем близко от водопада. Андрей часто бывал в этом доме, хорошо знал расположение всех его комнат.

— Что им еще надо от меня, — подумал Андрей, входя в это мрачноватое здание.

— Садитесь, пожалуйста, господин Дубровский. Простите, мы не очень помешали вашей прогулке?

— Не на прогулке был, к врачу...

Андрей не договорил.

— Хэнде хох! — заорали на него офицеры полевой жандармерии, сидевшие тут же, за другим столом, и выхватили пистолеты. Андрей не обратил внимания на них, когда входил — он видел часто этих офицеров в том здании. Ребята звали их бульдогами.

Жандармские офицеры набросились на Андрея, их было много, и вот уже засверкали массивные металлические наручники...

В тот же день в Кейла-Йоа были схвачены заместитель Добрянского Алексей Митрофанович Малинин, комсорг подпольной организации Валентин Чекалин, Павел Демин, Иван Нестеров. На быстроходном офицерском катере абвера «Клаус» были арестованы члены организации Петр Васильевич Собченко и Владимир Павлов...

...Вместе с Андреем Макаровичем Добрянским и Аркадием Степановичем Салминым мы посетили места, связанные с героической деятельностью членов подпольной организации, в течение почти двух лет действовавшей в самом центре фашистской военной разведки и контрразведки в оккупированной Эстонии.

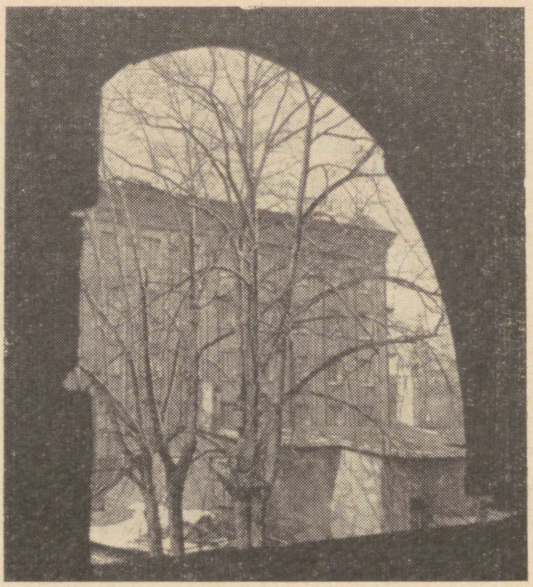
В течение целого дня бродили мы по Кейла-Йоа, побывали у водопада, посетили дом, где жил Андрей Добрянский, комнату во дворце, где была кровать

Дом № 3 по улице Татари в Таллине (справа, деревянный). На чердаке этого дома скрывался от фашистов убежавший из-под расстрела Андрей Добрянский.

Аркадия Салмина и где когда-то находились покои «светлейшего князя» Петра Григорьевича Волконского, князя Михаила Сергеевича Волконского, княжны Елизаветы Григорьевны Волконской, графа Павла Константиновича Бенкендорфа, генерал-адъютанта графа Александра фон Бенкендорфа и так далее.

Посетили мы и то место в Таллине, где раньше была улица Тоомкунинга и где в свое время находилось здание посольства фашистской Германии в буржуазной Эстонии. Сейчас на месте этого дома построен новый. Это радостный и веселый дом — в нем хозяева таллинские мальчики и девочки, здесь детский сад.

Вместе с Андреем Макаровичем и Аркадием Степановичем мы разыскали в Таллине Ольгу Зиновьевну Колпакову, члена подпольной организации, содержавшую конспиративную квартиру патриотов. Я подробно записал рассказ Ольги Зиновьевны о том, как она совместно со своей подругой Идой Кумбергс готовила



С чердака дома № 3 по улице Татари видно здание, где находился штаб адмирала Бурхарди.

побег Андрея Добрянского и его друзей из тюрьмы на Ласнамяэ, куда фашисты водворили Добрянского, Малинина, Чекалина, Салмина, Демина, Собченко, Павлова, Нестерова. Фашисты дважды арестовывали Ольгу Зиновьевну, но сломить ее не смогли.

Эта смелая женщина, разрабатывая план организации побега Андрея Макаровича и его друзей, сумела наладить дело так, что пробралась уже на территорию Ласнамяэской тюрьмы, где ее увидели друзья по подполью. По строгим правилам конспирации они не должны были знать друг друга. Но они встретились глазами, потому что Ольга Зиновьевна Колпакова сумела, через немца-антифашиста, штабс-фельдфебеля, установить письменную связь с камерами смертников Ласнамяэской фашистской военно-политической тюрьмы, где с 18 марта по 12 августа 1944 года содержались

Добрянский и его боевые друзья по подполью. Двоих из них — Николая Григорьева и Евгения Лавренюка фашисты расстреляли в начале июля, то есть за полтора месяца до того дня, когда из Центральной тюрьмы были вывезены на расстрел Добрянский, Малинин, Чекалин, Салмин и другие члены подпольной организации. Это еще раз показывает, что фашисты так и не сумели ничего добиться от Николая Григорьева и Евгения Лавренюка, не сумели связать отважных разведчиков с подпольем, активными борцами которого являлись Николай и Евгений.

Ольга Зиновьевна Колпакова, готовя побег Андрея Макаровича Добрянского и его друзей, уже договорилась со своим клиентом в парикмахерской, владельцем автомашины, когда и куда нужно подать машину, чтоб увезти подпольщиков, которых с помощью немца-антифашиста предполагалось вывести за стены Ласнамяэской тюрьмы. Но осуществить побег не удалось. Ольгу Зиновьевну схватило гестапо и водворило в Харкуский концлагерь. Освободила ее Советская Армия.

— В Ласнамяэской тюрьме я встретился в последний раз и со своими верными друзьями и отличными товарищами по борьбе Николаем Григорьевым и Евгением Лавренюком, — говорит Андрей Макарович, показывая мне камеры, в которых сидел. — Николая Григорьева и Евгения Лавренюка чекисты забросили обратно в немецкий тыл для связи с нашей организацией. Они имели задание связаться со мной, привезли приказ, как действовать дальше. Но к моменту их приземления мы уже были схвачены. В самый последний период нашей деятельности врагу удалось с помощью провокатора нащупать организацию. Николая Григорьева и Евгения Лавренюка схватили вместе с рацией и шифром. Как-то во время непродолжительной прогулки Николай, улучив момент, шепнул мне: «Умрем, но никого не выдадим, товарищ капитан-лейтенант!» Они держались героически. Никого не выдали, не назвали ни одного имени. Их, как и нас, жестоко пытали. Но они выдержали все. Своей героической смертью Николай Григорьев и Евгений Лавренюк еще раз показали, что они сильнее всяких абверов...

Николая Григорьева и Евгения Лавренюка фашисты расстреляли в начале июля 1944 года на кладбище

Метсакальмисту. Здесь же спят вечным сном остальные герои-подпольщики, перед которыми мы все в большом долгу:

Алексей Митрофанович Малинин, заместитель руководителя патриотической организации.

Валентин Чекалин, комсорг подпольщиков, о котором известно, что родом он из Ленинградской области, служил шофером на Сааремаа у какого-то начальника, сражался до последнего, участвуя в героической Моонзундской эпопее.

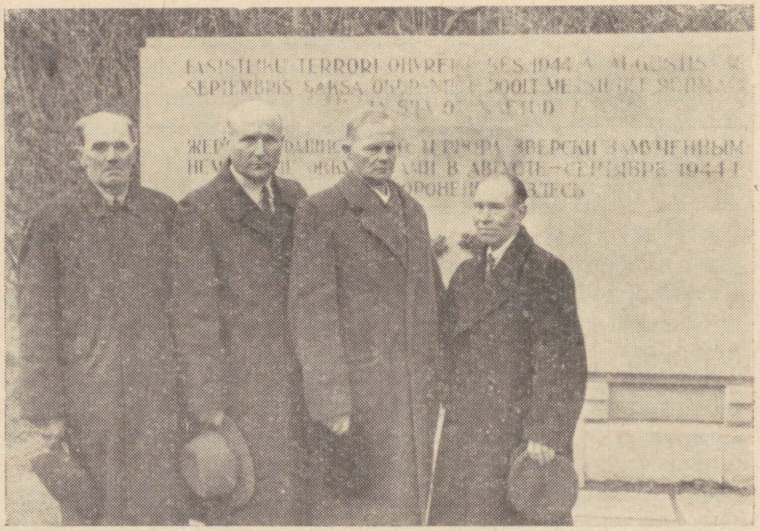
Петр Васильевич Собченко, украинец, активный участник подполья.

Павел Демин, из-под Горького.

Владимир Павлов. Это его псевдоним в школе абвера. Подлинное имя этого бесстрашного старшины первой статьи мы пока еще не знаем.

Иван Нестеров. Это его псевдоним в Кейла-Йоа. Подлинное имя этого героя мы, к сожалению, тоже пока не знаем. Известно, что был он родом с Дальнего Востока,

Здесь, на Метсакальмисту, похоронены их друзья...



Зинаида Эдуардовна Хаммер.

где до войны работал механиком на рыболовецком судне.

Восемь сильных духом... Всего же фашисты убили и сожгли здесь, на Метсакальмисту, свыше тысячи человек... Всех их вывезли из Центральной тюрьмы. Как и Андрея Добрянского, Аугуста Мяги, Аркадия Салмина, Юхана Мягера и их друзей — всего тридцать восемь человек из камеры № 46. Из той же самой камеры, откуда мы начали свою телепередачу о героях-подпольщиках... Но о ней — чуть позже.

Вместе с Добрянским и Салминым мы разыскали в Таллине Зинаиду Эдуардовну Хаммер, отважную женщину, спасшую, рискуя своей жизнью и жизнью своей семьи, жизнь коммуниста, руководителя подпольной организации советских патриотов в фашистском абвере — Андрея Макаровича Добрянского. В течение почти полутора месяцев Зинаида Эдуардовна скрывала от

Карла Килу, житель Харьюского района,
на хуторе которого скрывались в первую ночь после побега
от расстрела Андрей Добрянский и Аркадий Салмин.

верной смерти Андрея. Такое не забывается. Вместе с Зинаидой Эдуардовной Андрей Макарович побывал на могиле Эдгара Августовича Хаммера, мужа Зинаиды Эдуардовны, и возложил цветы. А потом Зинаида Эдуардовна выезжала по приглашению Андрея Макаровича в Таганрог, где гостила почти месяц.

Сейчас Зинаида Эдуардовна Хаммер — одна из лучших продавщиц Таллинского Дома торговли, ударник коммунистического труда, недавно награждена значком «Отличник советской торговли». Мы с ней большие друзья, часто встречаемся, часто звоним друг другу и, как правило, почти всегда разговор заходит о времени, когда само это время полно и ярко показывало подлинное лицо, настоящую душу человека. Каждого человека. Война ведь делит людей не только на живых и мертвых. Она делит их еще и на честных и подлых...

Долго искали мы человека, которому обязан своей жизнью Аркадий Степанович Салмин. Он знал лишь,

что это была эстонская женщина, приютившая Аркадия после его побега из машины смерти, одевшая его во что могла, снабдившая запасом еды. Было это где-то на берегу моря, в районе Маарду. Вместе с Аркадием Степановичем и Андреем Макаровичем мы обошли все побережье, но хутора, хозяйка которого спасла Аркадия, так и не нашли. Лишь позже житель Каллавере Юло Хааван сообщил нам имя этой эстонской патриотки и разъяснил, почему Аркадий Салмин не мог найти хутора, куда явился после побега. Имя этой смелой женщины — Анетте Каллас, проживала она на хуторе Пылендику в полутора-двух километрах от поселка Юлгазе. Хутор Анетте Каллас был на берегу залива. Анетте Каллас была пожилая женщина невысокого роста, очень скромная и трудо-

Аркадий Салмин, Юхан Мягер, Андрей Добрянский и Аугуст Мяги в студии Эстонского телевидения во время передачи «Сильнее смерти».

Жительница Таллина Ольга Зиновьевна Колпакова, помогавшая советским патриотам вести неравную борьбу против фашистского абвера, знала, что Андрей Добрянский и его друзья были расстреляны гестаповцами в июне 1944 года...

любивая. Чтобы прожить, она, кроме работы на хуторе, занималась шитьем. В конце сороковых годов хутор Анетте Каллас сгорел и сама она переехала жить в другое место. Года три тому назад эта добрая и славная эстонская женщина умерла. Мои друзья — красные следопыты Таллинской двадцать третьей средней школы во главе со своим неутомимым руководителем майором запаса Алексеем Александровичем Смолянским принесли мне в редакцию фотографию Анетте Каллас. Они собрали очень интересный и богатый материал об этой эстонской женщине, которая, рискуя собственной жизнью, спасла жизнь русского воина, активного члена подпольной организации Аркадия Степановича Салмина.

Жаль только, что Аркадий так и не встретился больше с Анетте Каллас, не смог обнять ее... Эстонская

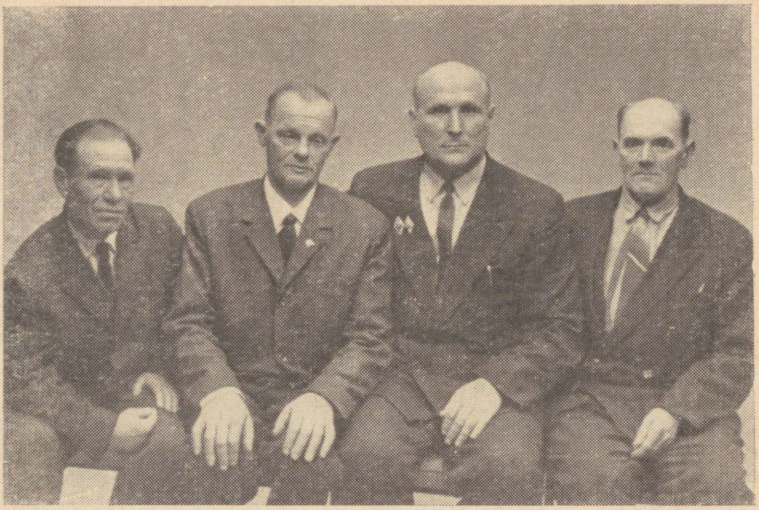
мать — именно так называет Аркадий Степанович эту женщину...

Будучи приглашенными «Актуальной камерой» в Таллин, Андрей Макарович Добрянский и Аркадий Степанович Салмин, конечно, встретились со своими эстонскими друзьями Аугустом Мяги и Юханом Мягером, вместе с которыми выпрыгнули из машины, везшей их на расстрел.

Встреча эта состоялась 21 апреля 1967 года на глазах у телезрителей во время очередного «Рассказа о Сопротивлении», которые ведет Эстонское телевидение. Передача называлась «Сильнее смерти». Я хорошо помню тот момент, когда в студию, во время передачи, где я вел беседу с Аугустом Мяги и Юханом Мягером, ассистент режиссера Эва Тиханэ ввела Андрея Макаровича Добрянского и Аркадия Степановича Салмина. Это было так и предусмотрено режиссером Хилларом Пээпом.

Друзья не видели друг друга двадцать три долгих года, с того дня, когда выпрыгнули из машины смерти.

Да, такие встречи бывают редко...



После передачи «Сильнее смерти».

И теперь встретились. Да еще столь необыкновенно, прямо по ходу телевизионной передачи.

В первые секунды никто не мог сказать ни слова. А потом они крепко обнялись. На глазах у них были слезы. Они не стыдились слез. Я видел, как смахивали слезу даже операторы, ведшие передачу.

А потом, на улице, люди узнавали их, подходили к ним и жали руки. Всем четверым. Андрею Добрянскому из Таганрога, Аугусту Мяги из Валги, Аркадию Салмину из Астрахани, Юхану Мягеру из Вильяндиского района.

СЕМЬЯ ВАННАСОВ

Они встретились в тюрьме. Впервые с тех пор, когда «омакайтчики» увели их с родного хутора.

— Хелье! Сестричка, родная! — крикнула Мээта, и растолкав охранников, бросилась к сестре.

Сестры обнялись, расцеловались. А потом Мээта, озорно рассмеявшись, выпалила:

— А ты знаешь, мне тоже дали четыре года заключения в концлагере! Ничуть не меньше, чем тебе! Так-то!

— Ну, уймись же ты, наконец! — сдерживала Хелье. И еще раз крепко обняв сестру, добавила: — Нашла, дурочка, чему радоваться. Что ребенок малый.

— Маленькая, — передразнила Мээта. — Маленькая, а вот четыре года концлагеря дали. Ровно столько, сколько и тебе... Значит, совсем и не маленькая!

...Их арестовали вскоре после того, как фашисты стали топтать и хийумааскую землю. Их арестовали люди, которые, вытянувшись в струнку, хлебом-солью встречали оккупантов. Именно этим предателям, эстонским буржуазным националистам, фашисты из «рейха» отвели самую гнусную роль в своих планах установления «нового порядка» — роль палачей. Эти людишки из кожи лезли вон, чтобы оправдать свои тридцать сребреников Иуды.

На острове Хийумаа одной из первых жертв предателей стала семья Ваннасов. Виллем Ваннас, всеми уважаемый на острове человек, в июне 1941 года работал заведующим почтовым отделением в деревне Сууремыйза, что входила тогда в состав волости Пюха-

лепа. У него была большая, дружная семья. Чтобы прокормить ее, приходилось много трудиться, и не только взрослым. Человек трудолюбивый, Виллем Ваннас, как и все честные люди на эстонской земле, с радостью встретил восстановление народной власти. Новая жизнь забила ключом. Активное участие в ней приняла и семья Ваннасов. Дочь Хелье стала первой на острове комсомолкой. Ей принадлежит заслуга в создании комсомольских ячеек на Хийумаа. Вскоре она уже возглавляла комсомольскую организацию в родной Пюхалепаской волости. От старшей сестры Хелье, которой исполнилось восемнадцать лет, не захотела отстать и Мээта: едва девушке минуло шестнадцать, как она, сияющая и радостная, прибежала домой, крепко прижав к груди комсомольский билет.

Новая жизнь охватила семью Ваннасов. Виллем Ваннас даже и не заметил, куда делись все эти активные кайтселийтчики, полицейские комиссары и прочая братия из опоры диктатора, который готов был уже отрастить усики «а ля фюрер». Напуганные мощной волной народного подъема, эти люди притихли, вернее притаились. Некоторые из них сделали вид, будто они согласны с тем, что Эстонией стал править тот, кто шагал за плугом, рыл канаву, работал у станка, добывал сланец под землей, ловил рыбу в море. Но были среди людей из опоры эстонского диктатора и такие, которые из тактических соображений прямо сменили окраску. Впоследствии честные люди метко назвали их «редиской».

Но вот нагрянула война. Это было время, когда большая часть Европы уже стонала под гитлеровским игом. Силуэты многих городов и сел дополнили зловещие трубы крематориев. «Сверхчеловеки» с «И Г-Фарбениндустри» уже налаживали промышленное производство особо ядовитого газа для убийства миллионов детей, стариков, женщин. А в оккупированной Польше, в городе на берегу Балтийского моря, другие представители «нового порядка» составляли рецепт для получения мыла из... человеческого мяса. Это было время, когда гитлеровцы уже набивали матрацы волосами, сбритыми с их жертв перед казнью, когда в подвалы рейхсбанка уже поступало золото в виде зубных коронок, обручальных колец, портсигаров, оправы очков, нательных крестов...

Семья Ваннасов.

Это было самое ужасное и чудовищное время за всю историю человечества. Фашизм угрожал уничтожить то, что называется жизнью.

... Отважно боролись на острове Хийумаа советские воины, поддерживаемые местным населением. Превосходящим силам фашистов долго не удавалось сломить сопротивления защитников острова. Здесь, в глубоком тылу гитлеровцев, в пятистах километрах от линии фронта, защитники Хийумаа отвлекли на себя десятки тысяч вражеских солдат. Фашисты к тому времени уже блокировали Ленинград, подошли к подступам Москвы. Но слишком неравны были тогда силы, и гитлеровцам удалось оккупировать остров Хийумаа.

Мрачное время оккупации... Его-то и ждали предатели из числа эстонских буржуазных националистов. Словно по команде, они вылезли из своих тайников и, отбросив фальшивую маску, обнажили свою сущность. Теперь все стало на свои места. Самого активного деятеля «Кайтселийта» в Пюхалепа Александра Реммелькоора Ангелус назначил главарем местного «Омакайт-

се». Фашистским констеблем там же стал Родион Милк. Полицейским комиссаром в Кярдла — бывший слуга Пятса Таммемяги.

Эти люди знали семью Ваннасов. Больше того, Милк даже снимал у них комнату. К нему в первый год народной власти часто заходил Реммелькоор. Виллем Ваннас не обращал на это особого внимания. Беседуя со своим квартирантом и его гостем на политические темы, он, конечно, высказывался за народный строй. Когда началась война, говорил, что надо разгромить фашистов. Посылая в ряды защитников родины своего сына Хельмута, он дал ему наказ крепко бить врага. С этими же напутствиями провожали брата на фронт сестры Хелье и Мээта. Виллем Ваннас заметил, что с тех пор, как началась война, его дочери как-то сразу повзрослели, стали серьезнее. В те дни в семье Ваннасов часто говорили о войне, о том, что фашизм обязательно будет разбит. Как-то вечером Мээта Ваннас сказала отцу:

— Знаешь, папа, я тоже пойду с оружием в руках против врага. Он подходит все ближе и ближе. Да и кайтселийтчики подняли голову...

— Успеешь еще с ними навоеваться, — нежно поглаживая голову любимой дочери, сказал Виллем Ваннас.

Сказал в шутку, ведь девочке только-только исполнилось шестнадцать. А для отца она была совсем еще ребенком.

— А я серьезно, — возразила дочь с чуть заметной обидой в голосе. А потом, глядя отцу прямо в глаза, добавила: — Сегодня с подружками договорились — пойдем добровольно в истребительный батальон. Ведь мы уже комсомольцы. Я должна стать на место Хельмута, пока он лежит в госпитале.

Тут она залилась слезами, вспомнила брата. Вместе с отцом и матерью Мартой, в которой дети души не чаяли, Хелье и Мээта, достав школьный атлас, долго разыскивали на карте город с ранее незнакомым им названием.

— Где же этот Рыбинск, — с нетерпением в голосе говорила Мээта, водя пальцем по карте.

— Рыбинск, Рыбинск, — повторяла Хелье. — Наверное, где-то у воды.

— Почему?

— Думать надо — вчитайся в название!

2

Väljavõte Meta Vannas'e kirjast 22.08.1941.a.
mis adresseeritud vennale Helmut Vannas'ele
aadressil Rõbinski linn, postkast 26, palat 25.

. . . . . .

Ära heida meelt ole tubli. sind vajab meie kommunistlik ühiskond veel.

. . . . . .

Olen ka siin Hävituspataljonis ja kui tarvis haaran püssi ja näitan ka mõnele verejanulisele fasistile kus õieti ta koht on. .....

Jääb soovida veel kiiret ja võidukat sõja lõppu.....

Väljavõte õ i g e: allkiri ... õde Meta (allkiri)

aj. Kärdla jaosk.politseikomissar
Läänemaal.

Väljavõte Villem Vannas'e kirjast 21.08.41
mis saadetud poja Helmut Vannas'ele ülalnimetatud adressil

. . . . . .

..... nüüd on Evald ka kallist kodumaad kaitsmas ja teised niis siis on asja olud siin pool loodame et kõik lõppeb hästi ja mei vihasem vaenlane saab purustud. Nii siis saa terveks ja võtleme viimse vere tilgani oma vihatud vanõase vastu seda teeme ka meie kodused. Viimase võimaluses õnnis on se kis oma suure sotsialistliku isa ma eest sureb. Kui seda vaja aga võib olla et näeme veel äkateist kõige parema lootusega sind tervitates ja sudeltes perekonnaga Isa

Väljavõte õige:

Aj.Kärdla jaosk.Politseikomissar
Läänemaal.

Выдержки из писем Мээты и Виллема Ваннас, адресованных брату и сыну Хельмуту Ваннасу в Рыбинск. Выдержки сделаны фашистским полицейским комиссаром в Кярдла.

И вот на конверт ложатся слова: «Город Рыбинск, почтовый ящик 26, палата 25. Хельмуту Ваннасу».

Не дошло это письмо до раненого воина, лежавшего в госпитале на берегу Волги: Ваннасы не знали, что остров Хийумаа был в то время уже отрезан от остальной советской земли. И вместо Рыбинска письма Ваннасов попали в Пюхалепа, снабжены следующей резолюцией полицейского комиссара в Кярдла Таммемяги, адресованной Пюхалепаскому констеблю: «Для проведения следствия. В качестве свидетеля допросите начальника «Омакайтсе» Александра Реммелькоора».

Что говорилось в письмах, которые Мээта и ее отец Виллем Ваннас отправили Хельмуту Ваннасу и которыми завладели Таммемяги, Милк и Реммелькоор, считавшие своим долгом читать чужие письма? Оригиналы этих писем, видимо, не сохранились. Но в архиве гитлеровской полиции безопасности и СД нам удалось отыскать выдержки, сделанные из этих писем полицейским комиссаром Таммемяги. Вот они:

«Из письма Мээты Ваннас от 22.08. 1961 г., адресованного ее брату Хельмуту Ваннасу в госпиталь города Рыбинска, почтовый ящик № 26, палата 25.

... Не падай духом, будь молодцом. Ты еще понадобишься нашему коммунистическому обществу.

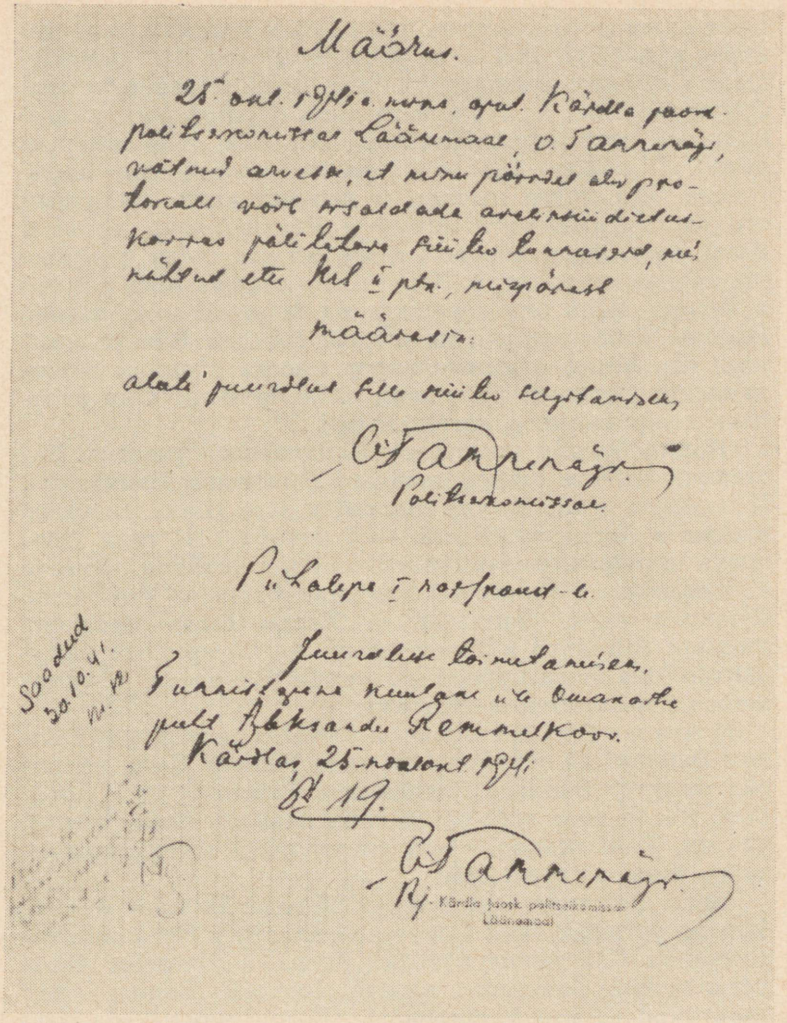
... Я здесь тоже в истребительном батальоне, и если потребуется, возьмусь за оружие и покажу этим кровожадным фашистам, где, по справедливости, их место.

... Остается пожелать еще скорого и победоносного окончания войны...

Сестра Мээта».

А вот «Выдержка из письма Виллема Ваннаса от 21.08. 1941 г., посланного сыну Хельмуту Ваннасу по вышеприведенному адресу»:

«Теперь и Эвальд защищает дорогую Родину... Так, значит, дела в этих краях. Надеемся, что все кончится хорошо и наш злейший враг будет разбит. Так что выздоравливай и будем бороться до последней капли крови против ненавистного врага. Это сделаем и мы, оставшиеся дома. В последней возможности блажен тот, кто отдаст жизнь за свою великую социалистическую Родину. Возможно, что еще увидимся. В наилучших надеждах приветствуем тебя и целуем всей семьей. Отец».



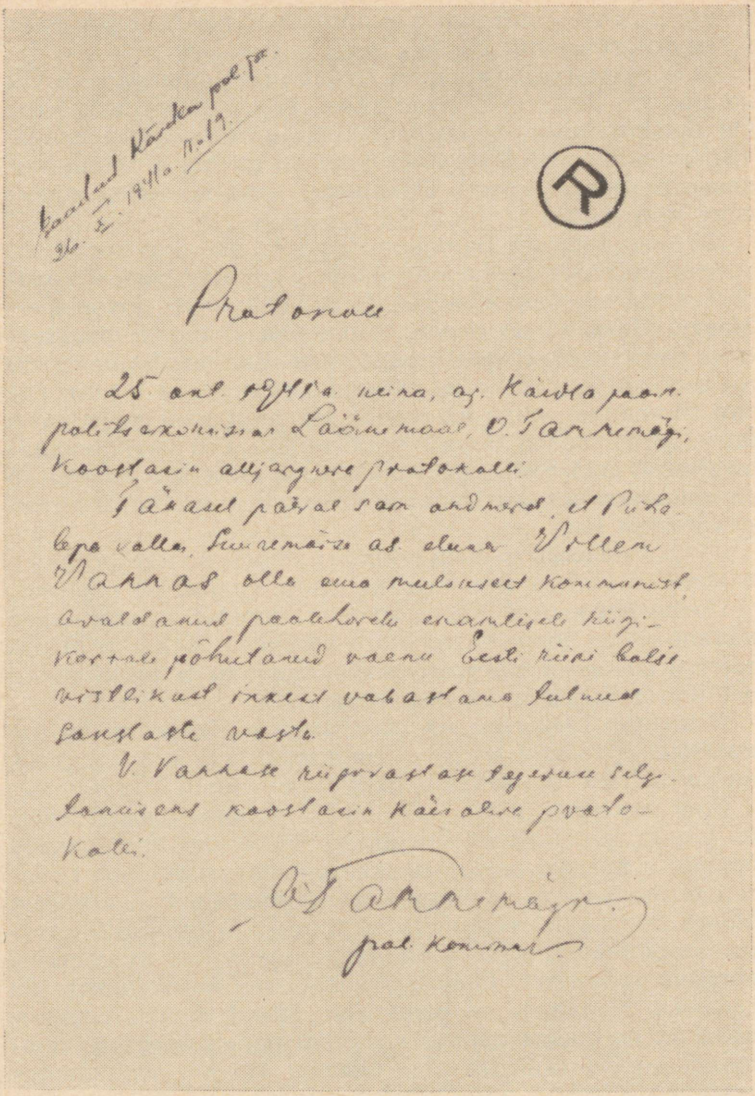
Постановление о начале «следствия» по делу Виллема Ваннаса.

Не суждено было этим пламенным строкам, полным веры в победу, дойти до берегов Волги. Не суждено было Виллему Ваннасу увидеть больше своего сына. Слуги свастики из числа эстонских буржуазных националистов расстреляли Виллема Ваннаса, отца семерых детей, 27 ноября 1941 года, на двадцатый день после ареста. Его долго пытали и допрашивали. Палачами его были Таммемяги, Милк и Реммелькоор. Виллем Ваннас не сразу поверил тому, на что была способна эта тройка предателей. Как-то не укладывалось все это в голове. Ведь они говорили на человеческом языке. Внешне были похожи на людей. Виллем Ваннас помнил, что Милк и Реммелькоор иногда гладили пюхалепаских детишек по голове, забавляли их. Они казались вежливыми, общительными...

«Полицейскому комиссару Кярдлаского участка. Доставляю вместе с арестованным Виллемом Ваннасом». И подпись — Р. Милк, констебль 1-го Пюхалепаского района в Ляэнемаа. Число — 7 ноября 1941 года. Двадцать четвертая годовщина Великого Октября. Вместе с Виллемом Ваннасом была арестована и его жена. Старшая дочь Ваннасов — Хелье была схвачена людьми Ангелуса и Викса сразу же по приходе оккупантов, она была первой из семьи Ваннасов, очутившейся в фашистском застенке.

За что же был арестован, а затем и расстрелян Виллем Ваннас? 30 октября 1941 года Родион Милк допросил по делу Ваннаса Александра Реммелькоора, который, после того, как были записаны его слова о том, что он, Реммелькор, «был энергичным кайтселийтчиком», заявил следующее:

«Знаю Виллема Ваннаса с 1926 года. Виллем Ваннас был до установления Советской власти в Эстонии сторонником Советской власти. Когда в Эстонии была установлена Советская власть, Виллем Ваннас стал энергично за нее агитировать. Когда немец объявил войну Советской России, Виллем Ваннас говорил, что немцы будут разбиты Красной Армией за несколько недель, что Красная Армия непобедима. Немецкие фашисты не должны одержать над нами победу — для этого все граждане Эстонии должны внести свой вклад. Лучшего строя нет, чем коммунистический строй, которого он все время жаждал. Виллем Ваннас говорил,



Протокол фашистского полицейского комиссара в отношении «преступной» деятельности Виллема Ваннаса.

между прочим, что народ в полной мере поддерживает коммунистический строй...»

Из архивных документов полиции безопасности и СД видно, что Виллем Ваннас смело вел себя на допросах. Он бросил прямо в глаза предателям гневные слова: «Временные вы! Наступит час, когда вы и ваши хозяева ответите за все. Слышите — за все! Вам отомстят мои дети!»

Не знал Виллем Ваннас, что через два дня после его ареста местные предатели вновь окружат дом, в котором жила его семья, и уведут младшую из дочерей — Мээту. Четверо из одной семьи оказались в фашистских застенках. Не мог предвидеть Виллем Ваннас, что ни ему, ни его жене не суждено вернуться в дом, где так сплоченно жила их семья. Не знал он и того, что в этом доме главой семьи стал теперь его четырнадцатилетний сын Раймонд, взявший на себя все заботы об одиннадцатилетнем Вильяме, семилетнем Юло и четырехлетнем Иво...

...Оказавшись в фашистской неволе, дочери, а также и жена Виллема Ваннаса, не пали духом, не сдались.

После встречи в Хаапсалуской тюрьме, описанной в начале этого документального рассказа, Хелье и Мээта вместе со своей матерью побывали еще в нескольких фашистских тюрьмах и концлагерях.

В январе 1942 года их погрузили в Хаапсалу на открытый грузовик и при тридцатиградусном морозе, легко одетых, привезли в оккупированный Таллин.

Еще находясь в Кярдла, Мээта Ваннас, самая юная из узниц, решила во что бы то ни стало продолжать борьбу с врагом, который жесточайшим террором пытался превратить узников в послушных рабов. Пример Мээте показали старшие товарищи-коммунисты, которые героически вели себя на допросах, с мужеством встречали смерть. Они доказали, что коммунисты не сдаются. Находясь за решеткой, Мээта всегда сравнивала их со своим отцом, который перед арестом, прощаясь со своими детьми, сказал Мээте, оставшейся старшей в доме: «Не отчаивайтесь, вот посмотрите, прогоним мы врага с советской земли, рано или поздно, а прогоним».

Показания предателя Реммелькоора.

Ülekuulamisprotokoll 3

30 oktoobril 1941 a mina Pühalepa I raj konstaabel Lääneman, R. Milk, kr. 5241 korras kuulasin tunnistajana üle tunnistaja ilukohas

Aleksander Johanni p. Rem-Melkoor i sünd 03.03.1903 a., elek Pühalepa val Pühalepa kül, Mäemi tal. 3 algkooli haridusega Villem Vannas ise võeras, kes seletas:

Olen talukoha pidaja. Besti arg olen energeline Kaitseliitlane. Tunnen Villem Vannas'i 1926 a saadik. Villem Vannas oli enne Nõukogude korra maksma panemist, bestis Nõukogude korra pooldaja. Kui Nõukogude väen besti maksma pandi hakkas Villem Vannas energiliselt kehtus tööd tegema Nõukogude korra kasuks. Kui Sakslane Nõukogude venele sõja kuulutas, rääkis Villem Vannas, et Sakslane purustaksu Punavõe poolt mõne nõdalaga, Punavõgi on võitmatu Saksa fasistid i tohi mitte üle võitu saada, selleks pidame kõik eesti kodanikud kaasa aitama. Pannud korda i ole kui kommulistlik kord on, mida tema

kogu arg on ihkanud. Mun seas rääkis Villem Vannas, et rahvas peaks pooldama täiel määral kommulistliku korda. Noorsugu saab kasvatud kommulistlikus vaimus ja jääb truuviks kommunismile.

...И вот Мээта Ваннас в тюрьме на Ласнамяэ. Ее и многих несовершеннолетних узниц содержали в отдельной камере. Викс и его подручные считали, что находясь в отдельной камере, девушки не смогут попасть под влияние старших товарищей, и их можно будет перевоспитать. Что получилось из этой затеи? Вот что было в день Первого мая 1942 года.

— Девушки, сегодня весенний праздник солидарности, — первой начала разговор Мээта Ваннас.

— Давайте подумаем, как его отметить, — предложила Сальме Синиорг.

— Но как мы отметим этот день, если кругом — толстые стены, а за ними, да и за дверью — охрана, — вступила в беседу Хелье Ваннас.

— Да, единственное, что нас связывает с внешним миром, это — кусочек неба, виднеющийся между толстых решеток, — с грустью в голосе промолвила русская девушка Лида, помещенная в одну камеру с эстонскими подругами по несчастью. — Только кусочек неба...

— Но мы должны найти выход! — отчаянно выпалила самая младшая из узниц, Хельо Витсур.

— В майские праздники мы, бывало, дома, на Хийумаа, пели революционные песни, — и, соскочив с табуретки, Мээта Ваннас кивком головы подозвала к себе подруг. — Давайте, споем. Песня всегда помогает.

И вот полилась песня. Сперва тихо, приглушенно — за дверью в тот день дежурила самая свирепая надзирательница, известная своей жестокостью еще с пятсовских времен. Молодые узницы, крепко взявшись за руки, встали посредине небольшой тюремной камеры. Их юные лица были обращены к окну, откуда в сырой каземат проникали лучи утреннего солнца. Первую песню спели вполголоса, как бы в грустном раздумьи. Девушки посмотрели друг на друга, и ни слова не говоря — все было ясно и так! — запели вторую песню, уже громче. Она полилась широко и задорно. Ее пели восемь молодых девушек. Песня придала юным узницам силы.

Вперед, заре навстречу,
Товарищи, в борьбе...

Песня зазвучала сильнее, мужественнее:

...Смелей вперед и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!

— Прекратите, сволочи, агитацию, — закричала охрипшим голосом надзирательница, — а то живо всем вам карцер устрою!

А из камеры летела песня:

...Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян...

Хелье и Мээта Ваннас со своей матерью.

Дверь камеры со скрипом отворилась, и узницы увидели разъяренное лицо надзирательницы.

— Прекратите, в последний раз говорю!

А девушки, будто забыв, где они находятся, запели во весь голос:

— Мы поднимаем знамя,
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику труда.
Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял, —
В бой молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

Песня-призыв, несшаяся из камеры тех, кого Викс хотел перевоспитать, была услышана другими узниками. И когда Мээту Ваннас и ее подруг вывели из камеры, чтобы заточить в карцер-одиночку, они услышали, что песню, начатую ими, подхватили во многих других камерах...

Настроение молодых узниц было приподнятое, они поняли, что войну с фашизмом можно вести и за колючей проволокой, за многометровыми толстыми стенами. И когда девушек привели в карцер, где их ожидали еще более тяжкие испытания — здесь, между прочим, кормили только через день водой и хлебом, — Мээта Ваннас и ее подруги продолжали петь... Вполголоса. Не петь они просто не могли.

Вскоре после того памятного первомайского утра девушку с Хийумаа и ее подруг перевели в другую тюрьму, что находилась на Тартуском шоссе. Здесь порядок был еще строже, чем в Ласнамяэской тюрьме. И здесь властвовали злые надзирательницы, и тут издевались над узниками, их мучили холод и голод. Долго тянулись однообразные дни. Фашисты и их приспешники говорили им, что Гитлер уже взял Москву, что Паулюс вот-вот перейдет Волгу.

Но Мээта Ваннас и ее подруги, до которых какими-то неведомыми путями все же проникала правда, ответили на провокацию... «Интернационалом».

Случилось это в новогоднюю ночь под тысяча девятьсот сорок третий год. Кто-то из родственников сумел переправить в камеру (через тех узниц, которых

выводили на наружные работы) маленькую елку и несколько свечей. После ужина девушки, поудобнее расположившись в одном углу камеры, установили елку и зажгли свечи. Свечей было пять.

— Девушки, давайте помечтаем, — предложила Мээта Ваннас.

— А как, о чем? — спросили они.

— Погадаем на свечах, — ответила Мээта.

— ???

— Да, да, на свечах, — не угомонилась младшая из семьи Ваннасов. — Допустим, что вот эта свеча — Германия, та, что повыше — наш Советский Союз. Остальные пусть будут обозначать Италию, Соединенные Штаты Америки и Англию. Больше свечей у нас нет. Ну, согласны?

— Зажигай, Мээта!

И вот одна за другой зажглись свечи, в камере стало сразу светло, лица юных узниц озарило пламя свечей. Сперва все они горели одинаково. Но вдруг...

— Ой, девушки, девушки, — смотрите, наша свеча сгорает быстрее других, — с отчаянием вскрикнула одна из узниц.

— Погоди же ты, не паникуй, — успокаивали ее другие. А между тем, «свеча Советского Союза» на самом деле таяла быстрее, чем другие — фитиль ее был, как потом выяснилось, вставлен на определенном участке чуть в сторону от середины стеариновой палочки...

Но так продолжалось недолго. С напряженным вниманием девушки продолжали «гаданье на свечах». В камере воцарилась тишина — узницы будто бы ожидали приговора.

— Сгорела, сгорела! — хором, будто договорившись, отметили девушки конец «итальянской свечи».

На елке в гестаповском застенке уже потухли «свечи союзников». Остались только две. Казалось, каждая из них решила во что бы то ни стало выйти победительницей из этой своеобразной схватки.

Конец этой схватки не заставил себя долго ждать. «Свеча Германии», перегрев ветку елки, к которой была прикреплена, подожгла ее и с треском упала на холодный пол камеры.

— Ура-ура! Она сгорела в собственном огне! — за-

кричали девушки. Радостные возгласы девушек услыхала надзирательница и грубо приказала:

— Уже был «отбой». Требую соблюдать тишину!

Но Мээта Ваннас и ее подруги не обратили никакого внимания на окрик надзирательницы. Их глаза блестели от возбуждения, их сердца учащенно бились. Их взгляд, их мысли были прикованы к единственной оставшейся свече. Сколько сил придала она им, сколько дум навела! Сколько бодрости прибавила юным сердцам! И девушки запели... «Интернационал». Камера наполнилась звуками легендарной песни, звавшей к борьбе за счастье, дорогой каждому честному человеку на земле:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...

Пением «Интернационала» закончился последний день 1942 года для узниц в гестаповской камере. Новый день нового года начался карцером, издевательствами, голодом и холодом одиночных камер...

— Ну, что вы за люди! — бранилась с девушками надзирательница, — распределяя их поодиночке в карцеры. — Совсем еще дети, а «Интернационал» поют. Бунтовщицы — одно слово! Управы на вас, чертей, нет...

Через некоторое время молодые «бунтовщицы» были переведены в один из самых страшных застенков, созданных оккупантами на эстонской земле — в Таллинскую центральную тюрьму. Но как бы ни старались люди Мере и Викса сломить Мээту Ваннас, ее сестру Хелье и их подруг, — им не удалось добиться ровным счетом ничего. Наоборот, в новый застенок Мээта Ваннас и ее подруги прибыли, имея уже солидный опыт «бунтарей». Они с новой силой начали организовывать сопротивление, налаживать связи со своими товарищами по неволе. Теперь их идейными руководителями стали старые коммунисты товарищи Юнман и Вээберман. Эти женщины были уже хорошо знакомы с камерами Таллинской центральной тюрьмы — «знакомство» это произошло еще во времена диктатуры Пятса-Лайдонера. Мало что изменилось с тех пор в огромных тюремных корпусах на улице Калда. Юнман и Вээбер-

ман хорошо знали все тюремное начальство — оно перешло на службу к гестаповцам почти в таком же составе, как служило правителям буржуазной Эстонии. Разница, быть может, была только в том, что бывший при Пятсе старшим надзирателем Юлиус Михкельсоо стал заместителем коменданта тюрьмы, что получил повышение Герхард Изуп, начальник охранной команды. А в остальном все было по-прежнему. Как и при Пятсе, веревку на шею приговоренных к смерти надевал палач Карл Тагасаар, только за каждого казненного он получал теперь вместо эстонских крон немецкие марки. Как и при Пятсе, смертников отправляли в третье отделение камеры (камера, где совершались казни, была разделена железными решетками на три отделения) старшие надзиратели Николай Лейд и Йоханнес Вийтпоом, начальник охраны Герхард Изуп. Как и при Пятсе, узников Центральной тюрьмы пытали Викс и его дружки из отдела Б-IV полиции безопасности и СД оккупированной Эстонии, сплошь укомплектованного из бывших работников политической полиции буржуазной Эстонии. Как и при Пятсе, узников увозили на расстрел под утро, только теперь им связывали руки колючей проволокой, а не веревкой, как раньше...

Обо всем этом знали Юнман и Вээберман. Со временем они рассказали это и девушкам, просили их всячески путями установить, сколько людей ежедневно вывозили из Центральной тюрьмы на расстрел. Лишь потом Мээта, Хелье и их подруги узнали, что это было первое задание, полученное ими от подпольной комсомольской организации Таллинской центральной тюрьмы.

Комсомольская организация в гестаповском застенке оккупированного Таллина? Вы, возможно, впервые узнали об этом. Речь идет о новой, до сих пор неизвестной нам героической странице эстонского комсомола.

...Я сижу вместе с Мээтой Ваннас в ее кабинете, и, сознаюсь, временами забываю про авторучку и журналистский блокнот — так захватил меня рассказ собеседницы. Несколько раз приезжал я потом в Нарву, чтобы собрать по крупице все, относящееся к героическому Сопротивлению узниц из сорок шестой камеры, а также их старших товарищей.

— Встречи членов нашей организации происходили именно у товарищ Вээберман в сорок второй камере, — вспоминает Мээта Ваннас.

— Каким образом? — интересуюсь я.

— Тогда, под конец оккупации, в тюрьме был установлен такой порядок, что узники могли, время от времени, посещать другие камеры — после того, как Таллинская центральная тюрьма была переименована в «Воспитательно-трудовой лагерь». Сами понимаете, что главным средством этого «воспитания» были резиновая дубинка, приклад, веревка, пуля...

— Собирались все одновременно в сорок второй камере?

— Нет, нет. Это сразу же выдало бы нас. Приходили поодиночке, в разное время, даже в разные дни. У нас, у девушек, была своего рода «цепочка», по которой мы и получали указания от старших товарищей — Юнман и Вээберман.

— Какой характер носили эти задания?

— Самый разный. Главное, чем мы занимались, это — добыча правдивой информации о положении на фронте. Эти данные ценились дороже всего, потому, что придавали людям силы, чтобы не пасть духом. А такие люди, к сожалению, встречались среди узников. Некоторые в результате перенесенных ужасов потеряли почти все человеческое, продавали товарища за кусок хлеба. Вы понимаете, за кусок хлеба, и человек стал значиться, как выбывший из тюрьмы по категории «Е» (первая буква от немецкого слова Erschissung — расстрел). Были и такие, которые, не видя выхода, ударились в религию. Надо сказать, что паутины мракобесов были расставлены довольно широко. Правда, таких отчаявшихся было немного. Но они были и своими непродуманными поступками могли дурно повлиять на остальных. Вот мы, члены подпольной комсомольской организации, и стали сообщать узникам правду.

— Но как вы доставали правдивую информацию?

— У нас была связь с коммунистами, находящимися на свободе. Осуществлялась она с помощью узников, которых вывозили на работу в город. Отличной связисткой в нашей подпольной организации была Хельо Витсур. Она не раз показывала пример смелости и находчивости. Однажды Хельо получила задание тайно

вынести из тюрьмы письмо, адресованное нашим друзьям на свободе. Утром узников выстроили для отправки на работу — разгружать дрова на станции Таллин-Вяйке. В колонне стояла и моя подруга Хельо. И вот, когда ей показалось, что опасность миновала, охранники начали обыск. Особенно тщательно обыскивали Хельо. Но у нее письмо... Что делать? Ведь в случае обнаружения письма под удар будет поставлена вся организация, а также товарищи, которым оно адресовано. Времени на размышление не оставалось! Она быстро достала спрятанное письмо, скомкала его и моментально проглотила. Молодец!

— Как распространялась полученная с таким большим риском информация среди узников «Батарейки»?

— Со временем администрации тюрьмы стало, видимо, кое-что известно о существовании организованного подполья, а, может быть, Лаак и его подручные лишь догадывались о его существовании. Точно не знаю, трудно сейчас об этом судить. Но как бы то ни было, а в конце, кажется, 1943 года, товарищи Юнман, Вээберман и Нийдас были изолированы от других — их заточили в одиночные камеры. Начались допросы, сопровождавшиеся пытками и угрозами. Долго тянулось это дело. Несколько раз вызывали на допросы и меня. Злобные в своем бессилии, деятели из отдела Б-IV эстонского сектора полиции безопасности и СД пытались все чаще сбить нас с пути всяческими провокационными заявлениями. Мне они, например, говорили: «Что ты упираешься, ведь подруги тебя уже выдали, они нам все рассказали». Выдали? Нет, в это я не поверила. Хотя я знала, что в тюрьме есть доносчики, которые, возможно, что-то и успели разузнать о нашей организации. Находясь в комнате, где проводились допросы, я перебирала в памяти всех своих подружек, которые имели прямое отношение к нашей деятельности. Нет, никто из них не выдаст своих подруг. Ведь за плечами у нас были годы сопротивления в тюрьме на Ласнамяэ, нас крепко спаял «Интернационал», который мы пели в казематах тюрьмы на Тартуском шоссе.

Так гестаповцы ничего не добились, а мы продолжали свою деятельность. Но по приказу старших товарищей, который они успели передать «по цепочке» перед тем,

как их поместили в одиночки, мы стали более предусмотрительными, прибегали к большей конспирации. Теперь я отвечу на ваш вопрос: «Как распространялась полученная с таким большим риском информация среди узников тюрьмы?» Делали это мы вот каким образом. Члены нашей организации, которых нам удалось включить в списки выводимых на наружные работы, приносили информацию. Чаще всего это были коротенькие записочки на клочке бумаги. Тайно занося эти записочки в «Батарейку», члены организации потом прятали их в «почтовые ящики». Один из таких «ящиков» находился в туалете. Ну, а поскольку я считалась «дипломированной уборщицей туалетов», то мне часто приходилось распространять нашу «Тюремную правду». Почти в каждой камере у нас были особо доверенные люди, которым я передавала содержание очередной весточки с воли. Доверенные, не знавшие о существовании нашей организации, при удобном случае и под благовидным предлогом передавали сведения своим товарищам.

Радостно было сознавать, что «Тюремная правда» быстро распространялась среди невольников, вселяя в них уверенность, они стали активнее разоблачать доносчиков — участились случаи, когда таким типам устраивали «темную». Это был хороший прием. Обыкновенно разоблаченные доносчики не ходили жаловаться людям Викса, знали, что за этим последовала бы еще одна «темная», более серьезная...

— Как долго просуществовала комсомольская организация в Таллинской центральной тюрьме?

— Можно сказать, что до конца августа 1944 года, когда нас из оккупированного Таллина увезли в концентрационный лагерь Штутгоф.

— Кто был организатором подпольной комсомольской организации?

Моя собеседница, весело усмехнувшись, сказала:

— Сами фашисты!

— Что?!

— Да, да. Посудите сами. На Ласнамяэ нас, молодых девушек, большинство из которых составляли эстонские комсомольцы, посадили в отдельную камеру, с тем, чтобы «перевоспитать» нас. Но, находясь вместе, мы создали подпольную комсомольскую организацию.

Правда, мы не платили взносов и не писали протоколов. Но в тюрьме мы оставались комсомольцами. Заточенные в камеры, мы продолжали борьбу. Так было и в тюрьме на Тартуском шоссе, где нас также содержали в одной камере. Испытания и страдания, выпавшие на нашу долю, закалили нас. Годы неволи сблизили девушек. Можно без преувеличения сказать, что узники нашей камеры жили единой семьей. Как-то невольно я сравнила ее даже с нашей семьей, семьей Ваннасов.

Разумеется, больший размах и целеустремленность получила наша деятельность в «Батарейке», где мы сгруппировались вокруг товарищей Вээберман и Юнман, которые, по сути дела, вели всю работу тюремной подпольной комсомольской организации. Здесь наша организация окончательно оформилась и уже выполняла задачи, связанные с риском для жизни. Но люди не боялись, они знали, во имя чего они рискуют жизнью...

Да, Мээта Ваннас и ее подруги знали, на что они идут. Комсомольцы Эстонии и в трудных условиях фашистской неволи не покорились, не пали духом, а продолжали священную борьбу за правое дело. Они знали, что оккупанты и их приспешники рано или поздно будут изгнаны с советской земли и над Эстонией снова взовьется знамя свободы.

Свобода! Какой дорогой ценой была она завоевана! Как ждали ее узницы! Мээта Ваннас встретила свободу в деревне Буркдорф, на западе от Штутгофа. Концлагерь был эвакуирован фашистами. Две недели гнали эсэсовцы на запад колонны обессилевших и голодных узников. Мээта Ваннас вспоминает, что из 1500 узников, вместе с которыми она начала путь из Штутгофа на запад, до немецкой деревни Буркдорф дошло лишь около ста сорока человек. Среди них были Мээта и Хелье Ваннас, их мать Марта Ваннас. Дочери сделали все, чтобы спасти любимую мать. И все же сестры, освобожденные Советской Армией, вернулись из гитлеровской неволи обратно на Хийумаа уже без матери...

Война вырвала из семьи Ваннасов трех ее членов. Отца расстреляли «омакайтчики», мать погибла в фашистских застенках. Геройски погиб, сражаясь в частях Советской Армии, их сын, офицер Хельмут Ваннас.

Вернувшись на родной остров, сестры Ваннас, тяжело

Мээта Янголенко на сессии Верховного Совета Эстонской ССР.

переживая утраты, активно включились в строительство новой жизни. В первый же день по прибытии на остров Мээта достала из тайника, сооруженного отцом в первые дни оккупации в каменной стене дома, комсомольские билеты: свой и сестрин. И вот Мээта Ваннас, бывшая узница, активная участница Сопротивления, становится секретарем волостного комитета комсомола, заведующей отделом, а затем вторым секретарем уездного комитета комсомола. Быстро пролетели годы учебы в партийной школе. Мээту Ваннас избирают первым секретарем Йыхвиского райкома комсомола. С 1954 года ее выдвигают на советскую работу — заместителем председателя Йыхвиского райисполкома, а затем коммунисты того же района избирают ее секретарем райкома партии. Сейчас Мээта Янголенко — депутат Верховного Совета республики, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, член ЦК Коммунистической партии Эстонии, работает председателем Нарвского горисполкома. Мээта Янголенко — заместитель председателя секции бывших

узников фашизма при Республиканском комитете защиты мира.

Все члены семьи Ваннасов — коммунисты. Хелье — бригадир совхоза «Путкасте», брат Раймонд — заведующий отделением совхоза, брат Вильям — колхозный бригадир, брат Юло, которому в день ареста Виллема и Марты Ваннас было всего семь лет, является сейчас председателем колхоза «Сыпрус» на острове Хийумаа.

...Полон творческой деятельности рабочий день мэра города Нарвы, вставшего из руин и пепла. Много самых различных вопросов приходится решать председателю горисполкома. А вечерами Мээта Янголенко часто пишет письма своим подругам по неволе, вместе с которыми она в годы фашистской оккупации, заключенная в сырые казематы гестаповских концлагерей, вела непримиримую борьбу против врага.

Многих своих подруг она уже разыскала. Но имена некоторых стерлись из памяти. Иных из своих подруг и старших товарищей, особенно тех, вокруг которых в Таллинской центральной тюрьме в период оккупации сгруппировались члены подпольной комсомольской организации, так и не удалось разыскать.

Где вы, отважные и смелые люди? Откликнитесь! Дайте знать о себе!

НА ЗЕМЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ

Много раз ездил я в Нарву, чтобы повидать этого человека, послушать его рассказ о тех днях. И каждый раз меня удивляла память Анатолия Абабкова. О событиях, в которых он участвовал более четверти века тому назад, Анатолий Абабков рассказывает так, будто произошли они вчера, вот здесь, в возрожденном из пепла и руин городе на берегах бурной Нарвы, а не в другом конце материка, в чужой стране, куда его забросила вторая мировая война.

Анатолий Абабков хорошо помнит имена людей, да и произносит он их, как мне кажется, именно так, как произносят их в той стране. Он помнит имена представителей непокорившегося гордого народа.

Анатолий Абабков отлично знает географию этой страны, показывает на карте места, которые ему пришлось посетить. Он называет имена людей, бывших тогда вместе с ним. Он, будто по родной Нарве, «водит» меня по карте столицы этой страны. Огромный город, один из старейших на материке, хорошо ему знаком. Он любит город, благодарные жители которого подарили ему после победы отлично сшитый мундир лейтенанта Советской Армии. В этом мундире Анатолий Абабков и вернулся на родину, в этом мундире он — стройный и подтянутый офицер — продолжал служить ей.

В память о нашем знакомстве, о беседах, воскресивших былые дни, Анатолий подарил мне пуговицу с пятиконечной звездой. Такую, как и сейчас носят на мундирах советские офицеры. Только эта пуговица особенная. На обороте ее выгравировано слово: «Париж».

Мы беседуем о Франции, ее людях и городах, садах и парках, в общем, о Франции времен фашистской оккупации, о Франции поверженной и униженной. О временах, когда по стране ползли зловещие танки Гудериана. О предательстве буржуазии, представители которой во Французской академии наук в течение целого дня занимались определением глагола «любить» — в течение того самого дня, когда кто-то «забыл» взорвать мосты на реках, по которым, словно на учениях, вскоре вошли в Париж железные колонны со свастикой. О маршале, собственноручно приписавшем к прокламации, обращенной ко всем французам, слова: «Надо сложить оружие!» О бывшем главнокомандующем, изрекшем в день, когда над Эйфелевой башней был вздернут флаг со свастикой: «Честь наша не затронута».

Собеседник мой хорошо знает Францию.

— Если не всю Францию, то, во всяком случае, один из ее департаментов и, конечно, Париж, — замечает он. — Я хочу сказать, что народ Франции не пошел ни за маршалом-предателем Петэном, ни за генералом Вейганом. Народ Франции не покорился, не смирился. Он продолжал борьбу, особенно же после вероломного нападения бошей (так их называли наши французские друзья, а вместе с ними и мы) на Советскую страну. Продолжал эту борьбу под руководством своей коммунистической партии до тех пор, пока последний оккупант не был изгнан. События сложились так, что мне довелось воевать во Франции за свободу своей родины — Советской Эстонии и всей нашей страны... Давно это было, выросло новое поколение людей. Вспоминая те времена, меня многое волнует...

Анатолий Абабков на минуту задумался. Мне показалось, что по его лицу пробежала едва заметная тревожная тень.

Что волновало его в этот миг?

Может, вспомнил своих боевых друзей-партизан, вместе с которыми он, комсомольский вожак из Вирумаа, встретил на севере Франции армии союзников, так долго не решавшихся открыть второй фронт? Или подумал о реваншистских воззваниях, доносящихся с берегов Рейна, со стороны людей, которые терзали Францию, которые в недавнем прошлом устроили конюшни

для своих лошадей на Елисейских полях? Не берусь судить об этом. Но мне показалось неудобным прерывать раздумья своего собеседника — что-то по-человечески очень понятное было в этом.

— Вы хотите написать о «Ягуаре»?

— О «Ягуаре» и о вас.

— Почему именно обо мне, ведь нас были тысячи?

— Но ведь о «Ягуаре», да и о вас, по моим сведениям, пока не написано ни строки.

— Похоже, что так. Во всяком случае, из журналистов вы первый, которому я это рассказываю...

Анатолий сказал это в порядке констатации факта. Что же касается меня, то я увидел в этих мимоходом сказанных словах именно упрек. Упрек в адрес журналистов. — И в самом деле, — подумал я. — Мы часто ищем героев, но не всегда находим их. А герои, оказывается, рядом с нами.

...Ночь была беспросветная. С вечера зарядил проливной дождь. Небо то и дело прорезывали зигзаги огромных молний. Измученные и голодные, сильно уставшие за долгий рабочий день, узники, быстро выпив похлебку, почему-то называвшуюся супом, спали непробудным сном. В лагере не спали только четверо в полосатых костюмах с номерами на груди и на брюках чуть пониже колен. Не спала еще вооруженная до зубов охрана. Не дремали и их огромные злые собаки. Лагерь охранялся столь тщательно, что, казалось, и мышь не проскочит за колючую проволоку. Но четверо узников готовились к смелому прыжку на свободу. Сколько было шансов на успех? Может быть, один из ста! А провал означал неминуемую гибель. Хотя все четверо хорошо знали это, они все же решили во что бы то ни стало бежать из фашистской неволи. Вот они через небольшие промежутки времени один за другим тихо и незаметно слезли с досчатых нар. Прошли через узкий проход, использовав моменты, когда эсэсовец с автоматом отходил к другому концу этого прохода. Стоило ему лишь на мгновение оглянуться... Но фашист был педантичен. Пятнадцать шагов туда — пятнадцать обратно. Бесконечно длинными казались секунды. Но вот проскочил один, потом второй узник. Затем и остальные двое.

Осторожно, стараясь ничем не выдавать себя, все

Партизанский отряд «Ягуар».

четверо только им самим известными ходами и выходами забрались на крышу двухэтажного барака концлагеря. Нещадно лил дождь и узники сразу же промокли до ниточки. На какое-то мгновение небо озарила молния, напоминавшая гигантский факел, осветила и четверых смелых людей на крыше. Но вот мир снова окунулся в непролазную темноту.

Быстрей!

Беглецы ловко спустились с крыши по водосточной трубе и очутились на земле. Еще один отчаянный прыжок через ров — и вот концлагерь остается позади.

Они на свободе!

Дерзновенный побег, подготавливавшийся в течение месяца, удался блестяще.

Свобода! Как жаждали ее узники-военнопленные: Василий Мешков из-под Минска, Анатолий Абабков из Вирумаа, Михкель Михкельсон из Выру и Федор Неведомский из Печор. Совершив побег из концлагеря, четверо беглецов первым делом постарались побыстрее

уйти как можно дальше от лагеря. Силы покидали их не раз, но они бежали дальше. Падали и снова вставали. Их нещадно мочил дождь. Над головой гремел гром, сверкали молнии. На пути овраги и ямы, густой кустарник, колючие ветки, которые царапали руки, лицо. Кажется, сердце вот-вот выскочит из груди. Бывшие узники бежали по направлению гостеприимного дома смелого гражданина Франции, решившегося, несмотря ни на что, укрыть у себя убежавших из концлагеря. Не только укрыть, но и связать их с нужными людьми. С коммунистами — подпольщиками Франции.

Этот день, вернее ночь с 27 на 28 мая 1944 года, следует, как нам кажется, считать датой рождения еще одного партизанского отряда на земле Франции. Там, вдали от Родины четверо бывших военнопленных, среди которых трое — граждане Советской Эстонии, вошли в состав партизанского отряда «Ягуар» и стали наводить ужас на бошей, терзавших землю Франции.

О партизанском отряде «Ягуар», боевые действия которого развернулись севернее Парижа, в департаменте Уаза, пока что мало известно. Я перелистал несколько книг, посвященных французскому Сопротивлению, наводил справки в архивах. Нигде об этом отряде не говорилось ни слова. А между тем отряд действовал смело и дерзко, на его счету немало славных подвигов.

...Усталые и промокшие, возбужденные и радостные, четверо бывших узников дошли, наконец, до дома своего друга Сержа во французском городке Муй. Встреча эта была заранее подготовлена еще в ходе детальной разработки плана побега. О встрече с Сержем договорился, по согласованности с остальными участниками побега, Федор Неведомский.

Накормив четверых советских людей и собрав им гражданские костюмы, хозяин спросил:

— Друзья, а что же вы намерены делать дальше?

— Бороться, — кратко, по-военному, ответили беглецы. — Бороться до тех пор, пока последний гитлеровец не получит сполна, бороться и на французской земле за землю советскую...

В городке Муй четверка решила долго не останавливаться. Бывшие узники знали, что за помощь партизанам фашисты уже дотла сожгли французскую де-

ревню Орадур. Знали они также и то, что поначалу Серж немного боялся за себя, за свою семью, за свои два дома.

По просьбе четверых советских людей, убежавших из концлагеря, Серж на следующий день пригласил в один из своих домов, где скрывались его друзья, представителя борющихся французских коммунистов. Он был с ними связан.

— Здравствуйте, друзья, — решительно сказал гость. — Будем знакомы. Меня зовут Эдуард.

— Мешков.

— Абабков.

— Михкельсон.

— Неведомский.

Так произошла эта знаменательная встреча советских людей с французским коммунистом, который (об этом друзья узнали немного позднее) оказался политическим комиссаром коммунистических партизанских отрядов во французском департаменте Уаза.

Первая встреча была довольно краткой. Эдуард спешил. Выслушав короткие рассказы товарищей, представитель непокорившейся Франции вскоре ушел из дома Сержа.

— Прошу вас отдохнуть здесь несколько дней, — сказал на прощание Эдуард. — За вами придут мои люди.

Долго тянулись дни. И вот однажды глубокой ночью Серж тихо постучался в дверь комнаты, в которой спали четверо советских людей.

— Выходите, друзья, — сказал Серж, — люди Эдуарда ждут вас.

Это были французские партизаны. Очень просто одетые рабочие парни с автоматами. Поздоровались, обнялись. Оживленно жестикулируя, партизаны что-то говорили по-французски. Серж, владевший русским, переводил. (Лишь потом выяснилось, что под кличкой «Серж» во французском Сопротивлении участвовал Сергей Дмитриевич Любимов, уроженец Украины, бывший солдат царской армии, оказавшийся во Франции в 1916 году в составе экспедиционного корпуса и так и оставшийся в этой стране).

— Спасибо тебе, дружище, пребольшое, что помог найти нужных людей, — сказали четверо на про-

щанье. — Помощь твою никогда не забудем. И крепко обнявшись с Сержем, советские люди вместе со своими французскими друзьями-проводниками, тайком выбравшись из городка, направились в лес...

Анатолий Абабков, отложив в сторону карту Франции и целый ворох различных схем и планов, которые он успел нарисовать по моей просьбе, на секунду прервал свой рассказ о «Ягуаре» и, усмехнувшись, заметил:

— Как только мы вошли в лес, раздались автоматные очереди...

— Кто же стрелял?

— Наши проводники.

— Что, напали фашисты?

— Нет, они сами открыли пальбу, чтобы посмотреть, не испугаемся ли мы, не разбежимся ли в разные стороны — словом, годимся ли в партизаны.

— Что же, это довольно своеобразная проверка.

— Согласен. Времени тогда было мало и все приходилось делать на ходу, в том числе и проверку. Мы ее, конечно, выдержали, потому что в военном деле не были новичками, да и пороху нанюхались до плена изрядно.

— А где вы лично начали свой боевой путь?

— Под Новосокольниками, где участвовал в прорыве обороны противника. В 1941 году, когда началась война, я был слушателем Таллинского военно-пехотного училища в Тонди, вместе с ним эвакуировался сперва в Славгород, потом в Тюмень, где окончил военную школу. А когда стали создаваться эстонские части Советской Армии, меня направили в 921 стрелковый полк, в роту 82-миллиметровых минометов. Помню, заместителем командира роты был у нас молодой политрук Велло Ранне. Политработники часто вели беседы с бойцами, разъясняли им, какую ответственную задачу, какую историческую миссию возложили на нас партия и народ. Я хорошо помню слова политрука Ранне:

— Не забывайте, друзья, где бы вы ни находились, в какое бы положение вы ни попали, вы всегда должны оставаться верными своей Родине, верными воинскому долгу. Всегда, при всех обстоятельствах...

Как часто мне приходилось потом вспоминать эти слова политрука, особенно во время боев. Бои были

тяжелые. У них много танков, самолетов. А у нас — винтовки да гранаты. Помню, бой длился несколько суток. Меня ранило двумя разрывными пулями в правую руку, но из боя я не выходил. Потом пуля пробила мне ногу. Кое-как перевязав раны, я продолжал руководить бойцами. А на третьи сутки в тело вонзилась целая дюжина осколков. Всю ночь пролежал я почти в беспамятном состоянии на поле битвы, истекал кровью. Ныли раны — казалось, нет на мне живого места. Сейчас и самому не верится, как выжил. Спасибо местным крестьянам, наутро вывезли меня на дровнях, спрятали у себя. Лечили, кормили. На участке фронта, где мы с товарищами сражались, наши части немного отступили. А потом нагрянула облава, и полевая жандармерия схватила нас, группу тяжело раненных офицеров и солдат, в плен.

Начались скитания по лагерям военнопленных, по фашистским тюрьмам и концлагерям.

На первых допросах я выдавал себя за Петрова. Под такой фамилией я значился в Невельском и Полоцком лагерях, затем в лагере в Латвии.

Оттуда меня перевезли в Тартускую тюрьму и поместили в одиночную камеру № 5. Почти каждый день выводили на допросы в политическую полицию, где мне приходилось испытать на себе те зверства, которые чинили над узниками эстонские буржуазные националисты.

— На себе?

— Да, именно на себе. В тартуском гестапо работали те же люди, составлявшие ядро пятсовской политической полиции. Я помнил их еще со времен буржуазной Эстонии. Это были холеные, опрятно одетые люди. Хорошо помню один из первых допросов в Тарту. Меня, раненого военнопленного, ввели в кабинет, за столом сидел высокий мужчина. Он вежливо поздоровался со мной, предложил закурить. Я отказался. Тогда допрашивавший, отложив в сторону маникюрный прибор, — когда меня ввели к нему, он приводил в порядок свои ногти, — зло гаркнул:

— Коммунист?

— Комсомолец, — твердо ответил я, а сам подумал: «Сейчас, сволочь, бить начнет».

В следующее мгновение я был сбит со стула, на ко-

тором сидел. Надо сказать, били меня умело, видно, практика была большая. Очутившись в углу, я почувствовал, что к болящим и кровоточащим ранам моим прибавилась еще одна. Ударом кулака гестаповец, бывший комиссар политической полиции буржуазной Эстонии, выбил мне сразу четырнадцать зубов. Почти половину из всех...

Из Тарту меня перевели в Тапа, потом — в Кингисепп, оттуда в Нарву. Сперва посадили в погреб бывшей мельницы на Петровской площади, где были железные сварные камеры, размером примерно два на три метра. Раньше они использовались для складов, а теперь деятели из Нарвской политической полиции помещали в них узников. После допросов меня, избитого, исполосованного дубинками, вталкивали в этот темный и сырой железный гроб. Потом дюжий охранник выплескивал на меня ушат холодной воды. На допросах — гнусные предложения согласиться работать на фашистов. Я, разумеется, отказался, категорически отвергал подлые предложения прислужников Айна Мере. Где бы я ни находился, как бы жестоко меня ни пытали, я всегда твердо верил в то, что фашизм будет сломлен, а вместе с ним будут сметены с лица земли вот эти изверги.

Из мельничного погреба меня перевели в Вестервальскую тюрьму в Нарве, где продержали еще пять месяцев. Потом, прикованного одной рукой к стенке вагона, доставили в Таллин, в Центральную тюрьму. Оттуда — в Вазалемма, где я сидел в режимной камере № 8. Из Вазалемма, скованных по-трое в кандалы, нас снова привезли в «Батарейку». Здесь, в числе большой группы узников, меня посадили под усиленной охраной в вагон и повезли на Запад — через Латвию, Литву, Польшу, Германию и Бельгию во Францию.

Всю северную часть Франции изъездил Анатолий Абабков, закованный в наручники и кандалы. Исходил пешком, до крови натирая ноги. Его били и пытали, морили голодом и холодом. На него натравливали псов, к нему подсылали провокаторов. В свои двадцать два года узник концлагеря под номером 3998 натерпелся столько горя, что кажется просто чудом, как он остался в живых. Комсомолец Анатолий Абабков не только

победил смерть, но, вырвавшись из фашистского ада, стал мстить фашистам, жестоко, самозабвенно. На французской земле он мстил за Нарву и Орадур. Комсомол Эстонии может гордиться тем, что в Нарве живет и работает на литейно-механическом заводе такой человек, как Анатолий Абабков.

... Успешно выдержав проверку, произведенную проводниками-французами, четверка бывших военнопленных очутилась в глубоком лесу, в партизанском отряде, состоявшем из французов и испанцев, русских и немцев, поляков и эстонцев.

— Знаете, кого я первым встретил в том лагере? — чуть щурясь и внимательно смотря на меня, спросил Анатолий Абабков.

— Кого же?

— Своего земляка Алексея Саара, с которым я сидел вместе в Нарве. Он отрастил настоящие казацкие усы и приличную бороду. Сразу как-то трудно было и узнать его. Удивительная вещь, сидели вместе в Нарве, а вот теперь встретились... под Парижем. Радость была, конечно, большой.

Люди разных национальностей собрались в партизанском лагере. Кстати, как мы потом узнали, наш лагерь находился под самым носом у немцев. Примерно в километре от нас стояли зенитные батареи фашистов.

Цель у нас всех была одна — бороться против фашистов.

Через некоторое время после прибытия Анатолия Абабкова и его трех друзей по предложению французских коммунистов — участников Сопротивления — лагерь сменил дислокацию, ушел ближе к Парижу. К тому времени из советских людей, находившихся в этом интернациональном лагере, оформилась самостоятельная боевая единица французского Сопротивления, получившая впоследствии название партизанского отряда «Ягуар». Командиром отряда был назначен майор Василий Мешков, начальником штаба — капитан Сергей Сорокин, командиром одной из боевых групп и одновременно адъютантом командира отряда — младший лейтенант Анатолий Абабков. Вместе с ними места в боевом строю французского Сопротивления заняли Алексей Саар, Михкель Михкельсон и другие

граждане Советской Эстонии — всего свыше десяти человек.

«Ягуар» был не единственным партизанским отрядом, состоявшим из советских людей и действовавшим на земле оккупированной Франции. Что касается северо-восточной ее части, то там общим руководителем этих отрядов был назначен капитан Таскин.

Рамки данного рассказа не позволяют подробнее остановиться на всех операциях, проведенных «Ягуаром». Расскажем только о нескольких из них. Отметим, что отряд наводил ужас на оккупантов в районе французских городов Крелль, Грамази, Клермонт, Компьен, Бове, Монтатер — в департаменте Уаза, в 50—80 километрах к северу от Парижа.

...В поход вышли с позднего вечера — до места назначения было свыше двадцати километров. В первой колонне — боевая группа, возглавляемая комсомольцем Эстонии Анатолием Абабковым. Партизаны вооружены автоматами, гранатами, ножами, шанцевыми инструментами. Идти приходилось осторожно, чтобы ничем не выдавать себя. Всего в операции участвовало сорок два человека. После пятичасового перехода бойцы отряда подошли к пригороду Клермонта — здесь находилась фашистская радиостанция, корректировавшая полеты «фау-1» и «фау-2» на густонаселенные и промышленные кварталы Лондона. Задача — уничтожить радиостанцию, чтобы смертоносные бомбы не приносили гибель англичанам, не испепеляли их города. Незадолго до рассвета партизаны перерезали провода, соединяющие радиостанцию с остальными немецкими частями. Повредив линии связи и свалив столбы, Анатолий Абабков и его боевые друзья, прикрывавшие левый фланг, подошли к двухэтажному особняку, окруженному высоким земляным валом. Фашисты сильно укрепили радиостанцию. Кроме земляного вала, неприступной стеной окружавшего особняк, на углах его были сооружены дзоты, из которых ежесекундно мог нагрянуть рой пуль и снарядов.

Операция готовилась долго. Разведку проводили французы, знавшие местные условия, подходы, да и язык. Предполагалось, что все будет сделано тихо, без выстрела. Еще в ходе подготовки к операции люди, назначенные командованием для участия в ней, тща-

тельно тренировались в бесшумном снятии часовых, в быстрых и решительных действиях, долженствующих обеспечить успех. Это надо было сделать для того, чтобы не всполошить фашистов. А они были рядом, на аэродроме, возле которого и находилась радиостанция, в самом городе, где стоял гитлеровский танковый полк. Ясно, что горсточке храбрых советских людей не под силу принять бой с врагом, который в сотни раз сильнее их.

Но бесшумно не получилось. Разведывательные данные были хотя и точными, но неполными. Не учли французские друзья того, что за толстым земляным валом, кроме спящих фрицев, находились еще и собаки.

Незаметно сняв внешнюю охрану, люди из отряда «Ягуар» стали перебираться через земляной вал. И тут залаяли собаки. Фашисты всполошились.

Что делать? Отступить, уйти? Но тогда не будет выполнен приказ, на смарку пойдет вся длительная подготовка. Да и путь для «фау» не будет прегражден.

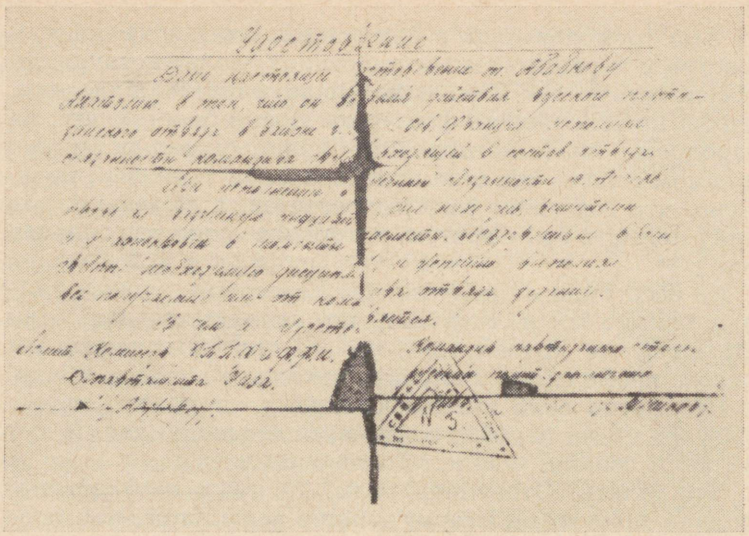
Вперед, на штурм! — решили партизаны, истосковавшиеся по настоящей борьбе.

И вот предрассветную мглу прорезают резкие автоматные очереди, и партизаны, подхваченные неведомой силой, устремляются к цели. Из окон особняка — с первого и второго этажа — в это время стали выпрыгивать перепуганные фашисты, кто в нижнем белье, кто в шинели, накинутой прямо на нижнее белье. Большинство из них настигли партизанская пуля или нож.

Все свершилось буквально в несколько минут. Ягуаровцы, истребив фашистов, которым не удалось убежать, быстро покончили со всем тем, что еще накануне называлось радиостанцией особого назначения...

— Только впоследствии мы узнали, — говорит Анатолий Абабков, — что через несколько часов район, где находилась бывшая радиостанция, сплошным кольцом окружил немецкий танковый полк, поднятый по тревоге, а в лесах рыскали эсэсовские отряды с собаками и рациями. Об этом нам рассказали друзья из французского партизанского отряда, находившиеся в момент проведения операции в резерве в нескольких километрах от радиостанции.

— В каких еще операциях приходилось лично вам участвовать? — спрашиваю я Анатолия Абабкова.

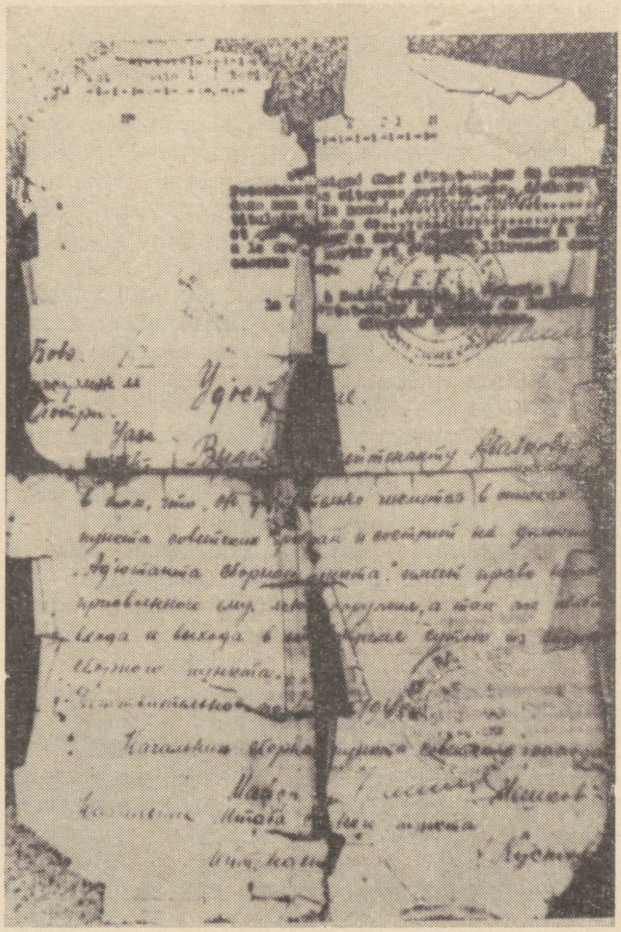


Документ, выданный Анатолию Абабкову
во французском Сопротивлении.

— Случилось так, что я принимал участие почти во всех боевых делах, которые совершал «Ягуар». Всего их было около пятидесяти, а может и больше. Трудно сейчас точно сосчитать. Времени-то много прошло. Давайте лучше посмотрим, что об этом рассказывают документы тех дней.

Пожелтевшие от времени, изрядно потрепанные документы на русском и французском языках.

Вот первый из них: сложенный вчетверо листок нетолстой картонной бумаги. На первой странице вверху священный призыв: «Смерть немецким захватчикам». Чуть пониже слова: «Удостоверение советского партизана, действующего на территории Франции. 1943 — 1944 год». На оборотной стороне — фотография владельца. Открытое лицо, серьезный взгляд. В документе — установочные данные и боевая характеристика: «Абабков А. М. вступил в партизанский отряд 9-го июня 1944 года, как командир группы. На тов. Абабкова была возложена задача: вести наблюдение за по-



Документ, выданный Анатолию Абабкову
во французском Сопротивлении.

литико-моральным состоянием всего личного состава партизанского отряда. Кроме этого, тов. Абабков исполнял должность адъютанта начальника отряда. Лично производил сложные боевые разведки и в трудных условиях для партизанского отряда поддерживал связь со всеми группами партизанского отряда всего депар-

тамента. Принимал личное участие во всех сложных операциях против немцев, как-то: радиостанции, железнодорожные мосты, телефонные линии и т. д. За активную борьбу против немцев представлен к награде перед французскими властями». И подписи: командир партизанского отряда Мешков и командир советских партизанских отрядов на северо-востоке Франции Таскин. Документ выдан в Париже, 15 декабря 1944 года.

— Как это буднично звучит: радиостанции, железнодорожные мосты, телефонные линии...

— Трудно сейчас вспомнить, сколько мостов мы взорвали, сколько километров испортили железнодорожного полотна, сколько повалили столбов с телефонными проводами высокого напряжения, — говорит о тех днях Анатолий Абабков. — Это была очень важная задача особенно потому, что действовали мы на артериях врага, питавших фашистский т. н. «атлантический вал». На целые дни и недели мы парализовывали переброску гитлеровских войск, танков и прочего вооружения в Нормандию, на весь северный берег Франции, куда союзники наконец-то совершили высадку экспедиционных войск. Особенно часто действовали мы тогда на линиях Лиль — Париж и Бове — Париж. Выходили, как правило, ночью, группами по 3—4 человека. Я был всегда старшим группы. Напихаем повсюду головых шашек, запасемся специальными пилами, и идем. Участки выбирали наиболее важные. Не счесть тех темных ночей, когда я со своей группой незаметно подкравшись к коммуникациям противника, разрушал их. Мы, бывало, всю ночь, как истинные лесорубы, спиливали столбы, на которые были натянуты линии связи и электропередач. А то взрывали железнодорожное полотно — тут на помощь приходил тол. Да, любимым нашим занятием была еще охота на колонны тяжело нагруженных фашистских автомашин, которые везли смерть к берегам Нормандии. Делали мы это так. Оккупанты, опасаясь налетов англо-американской авиации, вырыли в непосредственной близости от обочины шоссе довольно большие траншеи, чтобы можно было в них укрыться при налетах. Партизаны «Ягуара» по-своему использовали это. Они тайком забирались в эти ямы и ждали подхода фашистских колонн. Я сам сидел в таких ямах по меньшей мере десять ночей. Вот

«Смерть немецким захватчикам»

УДОСТОВЕРЕНИЕ

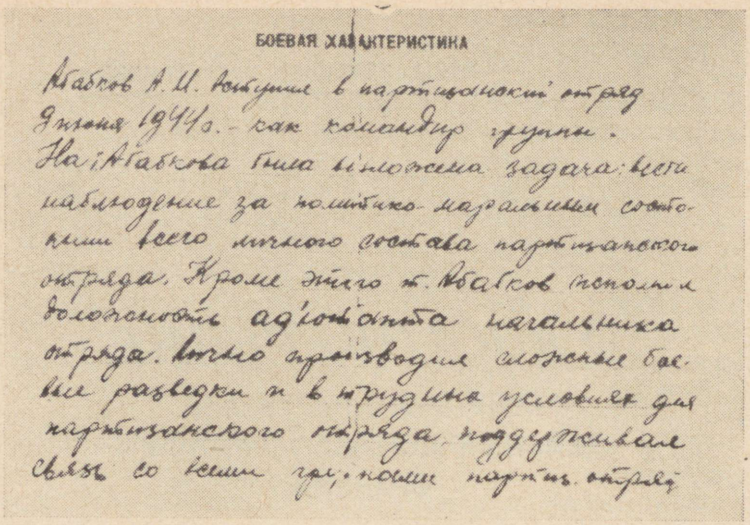
СОВЕТСКОГО ПАРТИЗАНА ДЕЙСТВУЮЩЕГО НА ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ

1943-1944-ый год

1. Фамилия Абабков
2. Имя, отчество Анатолий Матвеевич
3. Число, месяц, год рождения 13. января 1922 г.
4. Национальность русский
5. Военное звание мл. лейтенант
6. Когда бежал и из какого лагеря 2 июня 1944 г. гор. Муй деп. Уаза.
7. Когда вступил в партизаны 9/6 – 1944 года
8. Название отряда „Жагар"
9. Выполняемые обязанности при партизанском отряде „командир – группы"

„15 декабря" 1944 г.
г. Париж.

КОМАНДИР СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ НА [illegible] ФРАНЦИИ
[illegible]



БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Абабков А. И. вступил в партизанский отряд 9 июня 1944 г. - как командир группы. На Абабкова была возложена задача: вести наблюдение за политико-моральным состоянием всего личного состава партизанского отряда. Кроме этого т. Абабков исполнял должность ад'ютанта начальника отряда. Лично производил сложные боевые разведки и в трудных условиях для партизанского отряда, поддерживал связь со всеми группами партиз. отряд

всего департамента. Принимал личное участие в всех сложных операциях против немцев, как то радиостанции, ж. д. мосты, телефонные линии и т. д. За активную борьбу, против немцев представлен к награде перед французскими властями.

ПРИМЕЧАНИЯ:

КОМАНДИР ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

Майор. [illegible]

15 декабря 1944 г.

Фотокопии «Удостоверения советского партизана, действующего на территории Франции».

слышу, приближаются немцы. Договорились, что подпустим их как можно ближе, чтобы бить наверняка. Первую машину обыкновенно пропускали. А потом, по моему, заранее точно установленному сигналу, мы открывали огонь из всего имевшегося у нас оружия. Среди этого оружия были и наполеоновские винтовки. Де Голль и английский генеральный штаб не баловали коммунистические отряды оружием. Они сбрасывали его только «своим» партизанам, которые, в основном, создавали из этого оружия склады. Они чаще выжидали, вместо того чтобы бить врага. Но случалось и так, что оружие, сбрасываемое ночью для «своих» партизан, попадало именно к нам. Несомненно, что это было самое справедливое его распределение — ведь всем известно, что именно французские коммунисты и руководимые ими партизанские отряды, а в их число входил и наш «Ягуар», вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с оккупантами. Да, я немного отвлекся, — замечает мой собеседник, — так вот когда по ночному шоссе подъезжали немецкие машины с оружием и боеприпасами, то после наших залпов всегда, как правило, получался хороший фейерверк. Оккупанты в панике бежали, они-то не знали, сколько человек напало на них. А мы уходили, тяжело нагруженные новейшим оружием и прочими боеприпасами.

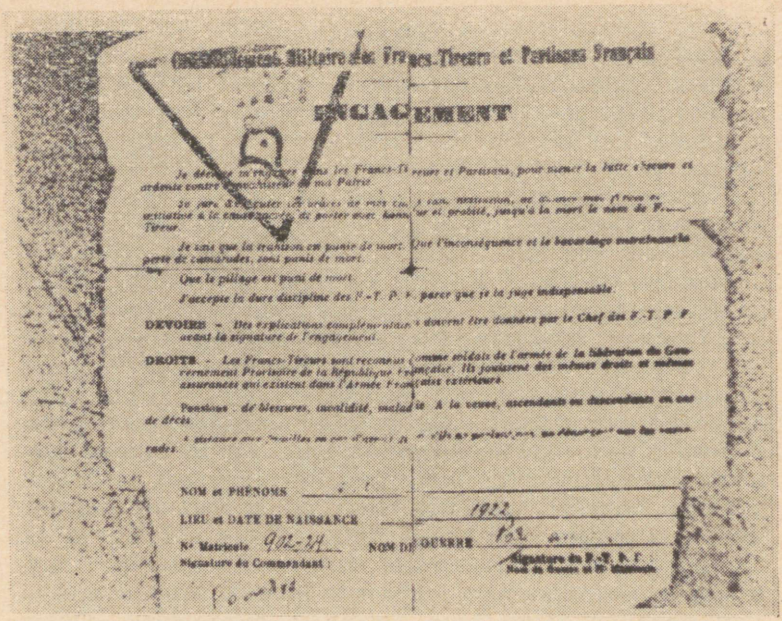
Увлекшись воспоминаниями, мой собеседник достает из своей «французской папки» еще один документ на французском языке, отпечатанный на листке бумаги. Вот, что там написано:

«Военное командование французских вольных стрелков и партизан.

Добровольное обязательство. Я заявляю о добровольном вступлении в вольные стрелки и партизаны, чтобы вести яростную и ожесточенную борьбу с захватчиками моей Родины.

Я клянусь исполнять без колебаний приказания моих командиров, отдавать свои силы и инициативу священному делу, носить с честью до самой смерти имя вольного стрелка.

Я знаю, что измена карается смертью, что непоследовательность и болтовня, повлекшие потерю товарищей, караются смертью, что грабеж карается смертью.



Партизанская клятва Анатолия Абабкова, данная им, как участником французского Сопротивления.

Я принимаю суровую дисциплину вольных стрелков и партизан, так как считаю, что она необходима.

Обязанности: дополнительные объяснения должны быть даны командиром вольных стрелков и партизан до подписания обязательства.

Права: вольные стрелки признаются как солдаты армии освобождения временного правительства Французской республики. Они пользуются всеми правами и обеспечением, существующими во французской регулярной армии.

Пенсии: от ран, инвалидности, по болезни. В случае смерти — вдове и родным по восходящей и нисходящей линиям.

Помощь семье в случае ареста — если не будет доноса на товарищей.

Фамилия и имя — Абабков Анатолий
Место и дата рождения — 13.1.1922
№ матрикула — 902-27
Военное имя — Розе Анатоль
Подпись командира — Эдуард
Подпись вольного стрелка и партизана, военное имя и № матрикула. Анатолий Абабков».

— Эдуард, — это тот самый, которого привел в свой дом Серж? — интересуюсь я.

— Он самый, — довольный, отвечает Анатолий Абабков — Анатоль Розе.

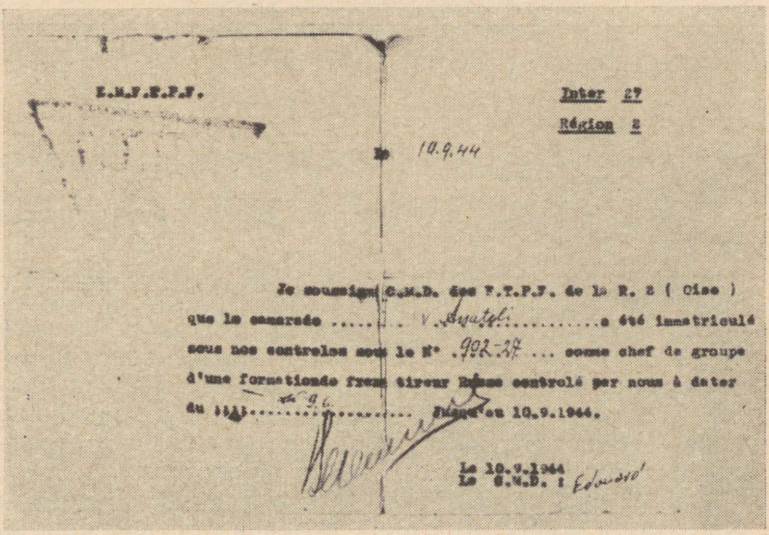
— Что стало с ним позже, где он сейчас?

— Знаю, что мой французский друг дождался дня освобождения Франции, а где он сейчас, я, к сожалению, не знаю.

— А Серж, ваш первый помощник из числа граждан Франции?

— Он вступил позже в наш отряд и отлично сражал-

Удостоверение Анатолия Абабкова (Анатоля Розе) за подписью «Эдуарда» и Мешкова.



Юные француженки — активные помощницы партизан «Ягуара».

ся в нем, а после освобождения Франции остался жить в городке Муй.

— Кого вы еще помните из своих французских друзей?

— Отлично зарекомендовала себя мадам Дюкафи, владелица аптеки в деревне Монтатер, где некоторое время находился штаб ягуаровцев. Всегда с любовью будут вспоминать наши партизаны также мадам Дорес из городка Муй. Она снабжала наш отряд продуктами — сыром, маслом. К нам в лес часто приходила также сестра лейтенанта Жана, командовавшего французским партизанским отрядом в Монтатере.

Наш рассказ об отважном сыне эстонского комсомола подходит к концу. Анатолий Абабков отвечает еще на

несколько вопросов, относящихся к самому последнему периоду деятельности «Ягуара».

— За три дня до подхода американских войск наш отряд освободил от оккупантов французский город Муй, — вспоминает Анатоль Розе. — А потом мы внезапным налетом принесли свободу узникам того самого концлагеря, из которого наша четверка совершила побег. Ворвавшись в концлагерь, я как-то сразу обратил внимание и на то место на деревянных нарах, где когда-то спал. К удивлению своему и, если хотите, большой радости, я увидел свою истрепанную серую шинель, висевшую на том самом месте, где я ее оставил в ночь побега.

— Как сложилась ваша дальнейшая судьба?

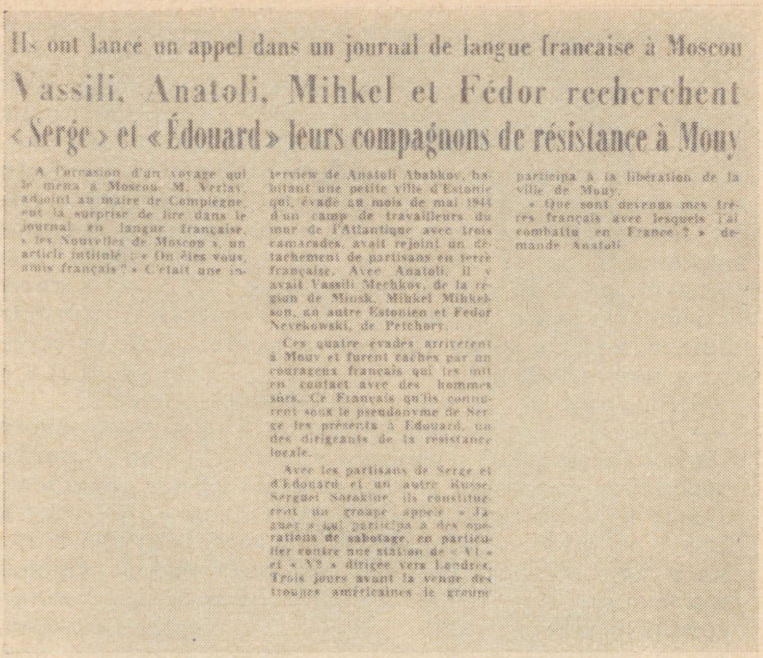
— После освобождения Франции я некоторое время работал в Советской военной миссии в Париже, а потом продолжал, вплоть до демобилизации по инвалидности, службу в Советской Армии. Вернувшись в 1947 году в Нарву, работал на Кренгольмской мануфактуре, вступил в партию, два года был членом бюро партийной организации Йоальской фабрики, потом возглавлял партийную организацию в одном из цехов Кренгольма. Сейчас работаю на Нарвском литейно-механическом заводе. Окончил вечернюю партийную школу. В 1950 году был награжден орденом Красной Звезды за бои под Новосокольниками. Женился. Имею двоих детей. Живу в хорошей квартире. Работой, друзьями доволен.

*

Готовя к печати материал об участии граждан Эстонской ССР во французском Сопротивлении, я одновременно вел поиски тех людей, о которых идет речь в документальном рассказе «На земле французской».

Откликов долго не было. Кто знает, как сложилась судьба людей «Ягуара», ведь прошло столько времени. Я уже потерял, было, надежду. И вдруг пришли отклики из Франции.

3 сентября 1964 года во французской газете «Паризьен Либере» была опубликована следующая корреспонденция: «Московская газета на французском языке публикует обращение к французским товарищам. Василий, Анатолий, Михкель и Федор разыскивают «Сер-



Ils ont lancé un appel dans un journal de langue française à Moscou

Vassili, Anatoli, Mihkel et Fédor recherchent «Serge» et «Édouard» leurs compagnons de résistance à Mouy

A l'occasion d'un voyage qui le mena à Moscou, M. Verlay, adjoint au maire de Compiègne, eut la surprise de lire dans le journal en langue française « les Nouvelles de Moscou » un article intitulé : « Où êtes vous, amis français ? » C'était une interview de Anatoli Abakkov, habitant une petite ville d'Estonie qui, évadé au mois de mai 1944 d'un camp de travailleurs du mur de l'Atlantique avec trois camarades, avait rejoint un détachement de partisans en terre française. Avec Anatoli, il y avait Vassili Mechkov, de la région de Minsk, Mihkel Mihkelson, un autre Estonien et Fedor Nevekowski, de Petchory.

Ces quatre évadés arrivèrent à Mouy et furent cachés par un courageux français qui les mit en contact avec des hommes sûrs. Ce Français qu'ils connurent sous le pseudonyme de Serge les présenta à Édouard, un des dirigeants de la résistance locale.

Avec les partisans de Serge et d'Édouard, et un autre Russe, Serguei Sarokine, ils constituèrent un groupe appelé « Jaguar » qui participa à des opérations de sabotage, en particulier contre une station de « V1 » et « V2 » dirigée vers Londres. Trois jours avant la venue des troupes américaines le groupe participa à la libération de la ville de Mouy.

« Que sont devenus mes frères français avec lesquels j'ai combattu en France ? » demande Anatoli.

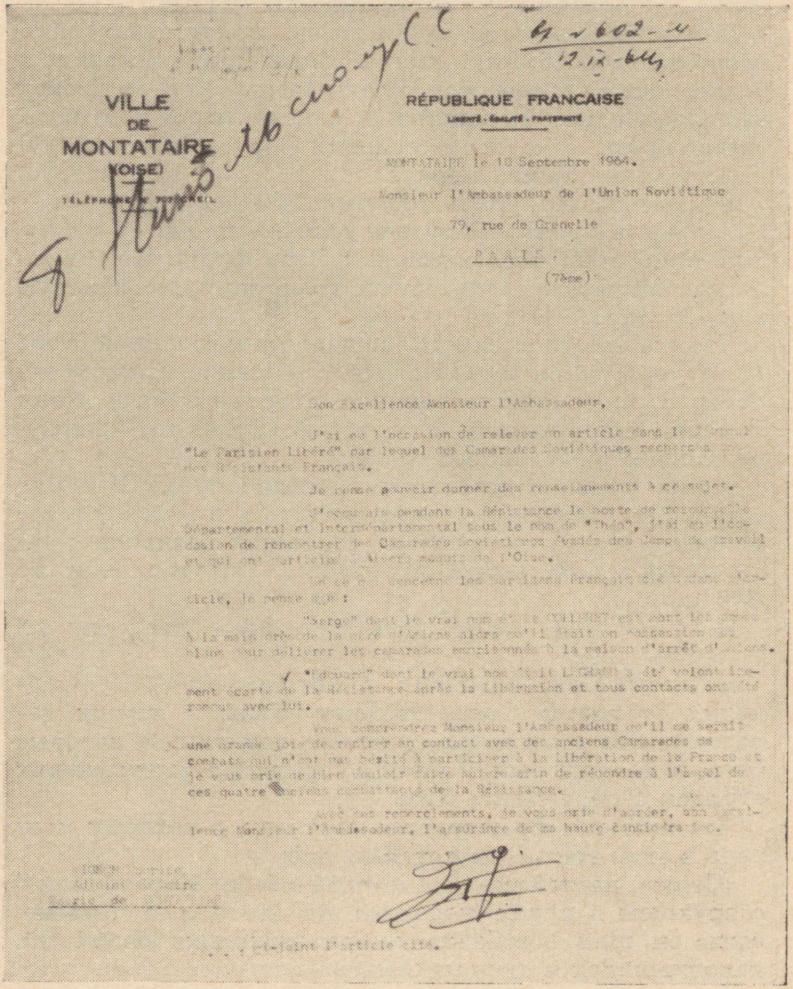
Поиски партизан «Ягуара» ведет парижская газета.

жа» и «Эдуарда», товарищей по Сопротивлению в Муй».

Во время своей поездки в Москву господин Верле, помощник мера Компьена, с удивлением прочел в газете «Московские новости», выходящей на французском языке, статью, озаглавленную: «Где вы, французские друзья?» Это интервью с Анатолием Абабковым, жителем маленького эстонского городка. Бежав в мае 1944 года из трудового лагеря, находившегося на «атлантическом валу», вместе с тремя товарищами Анатолий вступил в партизанский отряд во Франции. Вместе с ним сражались Василий Мешков из Минской области, Михкель Михкельсон из Эстонии и Федор Неведомский из Печор. Четверо бежавших из лагеря очутились в Муй и были спрятаны одним мужественным францу-

зом, который познакомил их с верными людьми. Этот француз, известный им под именем Сержа, представил их Эдуарду, одному из руководителей местного движения Сопротивления.

Письмо Миньона Мореса послу Советского Союза во Франции.



VILLE
DE
MONTATAIRE
(OISE)
TÉLÉPHONE [illegible]

RÉPUBLIQUE FRANCAISE
LIBERTÉ - ÉGALITÉ - FRATERNITÉ

MONTATAIRE le 10 Septembre 1964.

Monsieur l'Ambassadeur de l'Union Soviétique

79, rue de Grenelle

PARIS

(7ème)

Son Excellence Monsieur l'Ambassadeur,

J'ai eu l'occasion de relever un article dans le [illegible] "Le Parisien Libéré" par lequel des Camarades Soviétiques recherchent des Résistants Français.

Je pense pouvoir donner des renseignements à ce sujet.

J'occupais pendant la Résistance le poste de [illegible] Départemental et Intercdépartemental sous le nom de "Théo", j'ai eu l'occasion de rencontrer des Camarades Soviétiques évadés des Camps de travail et qui ont participé à divers maquis de l'Oise.

Ce [illegible] les Partisans Français [illegible] dans l'article, je pense que :

"Serge" dont le vrai nom était COLLEGNY est mort les armes à la main près de la gare d'Amiens alors qu'il était en possession des biens pour délivrer les camarades emprisonnés à la maison d'arrêt d'Amiens.

"Edouard" dont le vrai nom était LEGRAND a été volontairement écarté de la Résistance après la Libération et tous contacts ont été rompus avec lui.

Vous comprendrez Monsieur l'Ambassadeur qu'il me serait une grande joie de rentrer en contact avec des anciens Camarades de combats qui n'ont pas hésité à participer à la Libération de la France et je vous prie de bien vouloir faire suivre afin de répondre à l'appel de ces quatre anciens combattants de la Résistance.

Avec mes remerciements, je vous prie d'agréer, son Excellence Monsieur l'Ambassadeur, l'assurance de ma haute considération.

[illegible]
Adjoint du Maire
Maire de [illegible]

[illegible] ci-joint l'article cité.

Вместе с партизанами Сержа и Эдуарда и еще одним русским, Сергеем Сорокиным, они образовали группу «Ягуар», которая участвовала в актах саботажа, в частности, на площадках для запуска «фау-1» и «фау-2», применявшихся для разрушения Лондона. За три дня до прихода американских войск группа участвовала в освобождении города Муй. «Где теперь мои французские братья, вместе с которыми я сражался во Франции?» — спрашивает Анатолий в этой статье.

Помощник мэра города Компьена, прочитавший корреспонденцию об Анатолии Абабкове, рассказал о нем журналистам парижской газеты, ведь «Ягуар» провел немало смелых операций и в районе этого французского города, в котором господин Верле занимает сейчас пост помощника мэра.

Как же развернулись события дальше?

Статью в газете «Паризьен либере» прочитал господин Миньон Морес, помощник мэра французского городка Монтатера, того самого, возле которого действовал «Ягуар».

Что же касается самого нынешнего помощника мэра Монтатера, то он имел прямое отношение к партизанским отрядам, действовавшим в департаменте Уаза. В своем письме послу Советского Союза во Франции господин Миньон Морес писал:

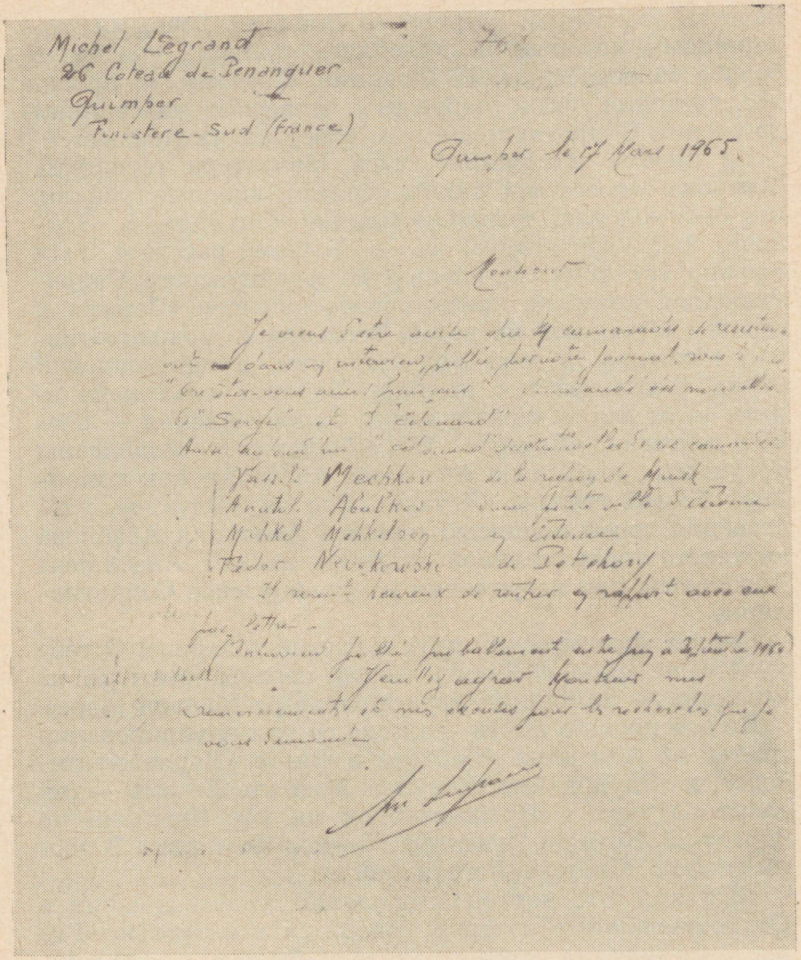
«Ваше превосходительство господин посол. В газете «Паризьен либере» я прочитал статью, в которой говорилось о том, что несколько советских товарищей разыскивают участников движения Сопротивления во Франции.

Я думаю, что смогу дать некоторые сведения по этому вопросу.

Во время Сопротивления я под именем «Тео» руководил отрядами Сопротивления Уазы и других департаментов и встречал советских товарищей, которые бежали из трудовых лагерей и боролись в партизанских отрядах департамента Уаза.

Что касается французских партизан, о которых идет речь в этой статье, то я думаю, что:

«Серж», настоящее имя которого было Колере, погиб с оружием в руках недалеко от вокзала в Амьене, когда он шел освобождать арестованных товарищей, находившихся в тюрьме Амьена.



Письмо Мишеля Леграна в газету
«Московские новости», выходящую на французском языке.

«Эдуард», настоящее имя которого Легран, после освобождения отошел от движения Сопротивления, и никаких данных о нем я не имею».

В заключение письма господин Миньон Морес отмечает: «Вы поймете, господин посол, мою большую

радость возможной встречи со старыми боевыми товарищами, которые, не колеблясь, приняли участие в борьбе за освобождение Франции. Поэтому я прошу вас, господин посол, переслать четверым участникам движения Сопротивления мой ответ на их призыв».

Из письма помощника мэра Монтатера господина Миньона Мореса мы, таким образом, впервые узнали, кто был человек, носивший кличку «Эдуард». А «Эдуард», как уже отмечалось в нашем рассказе, был именно тот старший офицер из французского Сопротивления, который, придя поздно ночью к «Сержу» в городке Муй, увел четверых беглецов из конспиративной квартиры в леса под Парижем, в партизанский отряд. В дальнейшем именно «Эдуард» стал направлять — от имени французского Сопротивления — боевые действия «Ягуара». Им, «Эдуардом», подписаны документы, выданные Анатолию Абабкову как командиру боевой группы «Ягуара». Это он, «Эдуард», удостоверил своей подписью подпись Анатолия Абабкова на тексте торжественной клятвы, данной Анатолием Абабковым при вступлении во французское Сопротивление.

Где ты, французский друг и боевой товарищ? О тебе ничего не смог сообщить автор первого отклика из Франции — помощник мэра Монтатера Миньон Морес.

Но вот прошло почти полгода со дня опубликования статьи об Анатолии Абабкове в газете «Паризьен либере», и «Эдуард» откликнулся. Мишель Легран — так зовут «Эдуарда». Проживает он на юге Франции по адресу 26, Кото де Пенангер, Кимпер Финистер. В своем письме Мишель Легран пишет:

«Я узнал, что четверо товарищей, участвовавших в Сопротивлении, о которых говорится в интервью «Где вы, французские друзья?» хотели бы знать, что случилось с «Сержем» и «Эдуардом».

В свою очередь, «Эдуард» хотел бы получить сведения об этих товарищах: Василий Мешков (из Минского района), Анатолий Абабков (из маленького города в Эстонии), Михкель Михкельсон (из Эстонии), Федор

Письмо «Эдуарда» — Мишеля Леграна из Франции Анатолию Абабкову в Нарву.

FOLKLORE DE FRANCE
38 LA BRETAGNE
PONT-L'ABBE (Finistère)
Sur les Rochers

... et on commence à sentir la vieillesse, surtout quand on est en retraite comme nous le sommes moi-même et moi. Souvent avec les amis nous parlons de ce qui fut les 4 années passées sous la botte nazi et je reparle souvent de ces maquis russes qui m'ont fait apprécier de bons et braves amis, et je regrette de n'avoir pu être davantage en rapport avec vous. Excuse-moi d'avoir tardé à te répondre mais les traducteurs russes sont rares ici, et j'ai ces jours ci réussi à te faire traduire.

Bien amicalement en espérant que nous ne resterons pas 20 ans sans avoir des nouvelles réciproques

M. Legrand dit Edouard

Collectionnez les Cartes Postales

MARCHROME
Editions GABY

Michel Legrand 26 Coteau de Penanguer Quimper
le 5 7bre 1965

FOLKLORE DE FRANCE
4 5 — LA BRETAGNE
Groupe « Danserien Glazik »
QUIMPER (Finistère)
Après les vêpres

PHOTO VERITABLE

Mon cher camarade

Merci pour le message d'amitié et de souvenir — 21 ans ces jours ci que nous libérions l'Oise et qu'enfin nous étions débarrassés du fascisme nazi 20 ans écoulés depuis l'armistice et malgré ce nombre d'années si les souvenirs restent peut, il reste celui des bons camarades. J'ai été peiné d'apprendre que Mochkow avait disparu. Après la victoire j'ai quitté l'Oise pour venir m'installer dans ce Finistère pays de moi-même, pays celtique et de résistants par excellence où j'ai trouvé de bons amis. Comme tu me le dis les cheveux blanchissent

Marque Déposée
ROMACOLOR

Неведомский (из Печор). «Эдуард» желал бы связаться с ними.

Интервью было опубликовано приблизительно между июнем и сентябрем 1964 года».

Итак, нашелся еще один из французских друзей Анатолия Абабкова — «Эдуард» — Мишель Легран.

Мишель Легран ничего не написал о «Серже», на чьей квартире в первые дни после побега из концентрационного лагеря скрывались люди, составившие затем ядро партизанского отряда «Ягуар».

Помощник мэра Монтатера Миньон Морес писал, что под подпольной кличкой «Серж» скрывался гражданин Франции Колере, погибший при попытке «освободить арестованных товарищей, находившихся в тюрьме Амьена».

Неужели «Серж», так много сделавший для Анатолия Абабкова и его боевых друзей, погиб? Возможно, Миньон Морес ошибается. Возможно, во французском Сопротивлении в департаменте Уаза был еще один «Серж». «Серж» — Колере. Ведь по сведениям, которы-

Анатолий Абабков (первый слева) вместе со своими друзьями — бывшими узниками фашизма.

Анатолий Абабков и Леонид Лашков —
участники Сопротивления во Франции, во время передачи
Эстонского телевидения «На земле французской —
за землю советскую».

ми мы располагаем, «Серж», у которого скрывались Анатолий Абабков и его друзья, был на самом деле Сергеем Дмитриевичем Любимовым.

Ну, а участники боевых действий «Ягуара», советские люди, о которых шла речь в документальном рассказе? К сожалению, о них нам до сих пор, несмотря на продолжительные поиски, ничего нового узнать не удалось.

Поиски героев «Ягуара» продолжаются...

УЗНИК № 32856

Работать приходилось тайно. Стоило только кому-нибудь из охранников застать узника на месте «преступления», и разговор был бы коротким. Но этот человек был неутомим, временами даже казалось, что он позабыл, где находится. Работал с упоением. Видно было, что труд этот приносил ему радость. Он волновался, когда друзья не могли своевременно принести кость из кухни, и в его работе получался вынужденный перерыв. Радовался, как мальчик, когда друг-поляк, также узник, сумел где-то заточить кусок железа, который только потому, что один край его был острым, назывался ножом. С тех пор работа пошла слаженнее, через каждые два дня Эвальд Таммлаан показывал друзьям великолепную рыбку, вырезанную им из кости. Все знали, что рыбки — это талисманы. А талисман — это жизнь. Так считали датчане, норвежцы, голландцы, бельгийцы и другие товарищи Таммлаана по неволе. Любой художник мог бы позавидовать мастерству этого узника Штутгофа...

В это же время в другом концлагере томился коллега Таммлаана по перу, писатель-немец. Он хорошо знал город, возле которого был создан Бухенвальд. Еще бы, ведь в Веймаре жили и создавали свои бессмертные произведения люди, которыми гордится человечество. Здесь закончил «Марию Стюарт» Фридрих Шиллер. Здесь творили Иоганн Себастьян Бах и Ференц Лист. Здесь родилось «Зимнее стихотворение» Готтфрида Гердера. В местах, где гитлеровцы создали Бухенвальд, — на склонах горы Эттерсберг, часто любил гулять Гёте. «Здесь чувствуешь себя большим и свобод-

ным, подобно великой природе, которую видишь, чувствуешь себя таким, каким, собственно, нужно быть всегда» — с горечью и болью в сердце вспоминал эти слова Гёте узник Бухенвальда немец Бруно Апиц. Он знал, что на территории, которую занимал Бухенвальд, недалеко от виселицы, установленной на главном плацу, должен быть «бук Гёте». И вот Бруно Апиц, изнуренный и изможденный узник в полосатой тюремной одежде с пятизначным номером на груди, стоит под деревом, возле которого любил предаваться философским раздумьям Гёте, и на котором угадывалось вырезанное когда-то поэтом свое имя. Мог ли предположить великий немец, что будет время, когда вот эти чудесные склоны величественной горы станут местом мучений двухсот пятидесяти тысяч человек, что здесь найдут свою смерть от руки эсэсовцев пятьдесят шесть тысяч человек из всех стран Европы?

Бруно Апиц подошел к «буку Гёте» — его не могут обхватить и три человека — и тайно, чтоб никто не видел, отделил от векового дерева кусок оттопыренной коры. Позже, в своем блоке, он долго обрабатывал ее. Работал, как и штутгофский узник, с увлечением. Бруно Апиц вырезал из древесины «бука Гёте» голову узника, который, не выдержав чудовищных пыток и издевательств, холода и голода, умирает в фашистском концлагере. Работа так и называется: «Последний вздох».

Последний вздох... Сколько раз были его свидетелями Апиц и Таммлаан. Один в Бухенвальде, другой — в Штутгофе. Бруно Апиц вернулся из концлагеря. Эвальд Таммлаан не вернулся...

...Одиннадцатого марта 1944 года из Центральной тюрьмы Таллина вывели большую колонну узников — около двухсот человек. Перед этим всех поставили лицом к стене в коридоре тюрьмы. Александр Лаак и его помощники вывели на спине каждого узника большой номер. В том строю стоял и писатель Эвальд Таммлаан. Колонну выстроили и окружили со всех сторон многочисленной охраной, основу которой составляли ассистенты отдела Б-IV — таллинского гестапо, во главе которого стоял обер-штурмфюрер СС Викс. Охранники говорили по-эстонски, нервничали, торопили узников. Часто сбивались на язык своих хозяев. И тогда слыша-

лось «Schneller! Schneller!». Среди ассистентов таллинского гестапо, охранявших колонну, большинство составляли бывшие полицейские буржуазной Эстонии, были среди них также сынки таллинских фабрикантов и владельцев мясных лавок, вапсовцы и уголовники.

Колонна прошла по улице Патарей через бульвар Пыхья и Тоомпуйестээ на Тынисмяги, дошла до угла улицы Вяйке-Амээрика и остановилась. Кто-то из охраны заорал:

— Не туда ведете, надо не на Таллин-Вяйке, а в Копли!

И снова колонна узников идет по улицам: Тоомпуйестээ, Техника, Роху, Теллискиви. Станция Копли-товарная. «Быстрей! Быстрей!» — не переставая прикрикивали охранники. И вот уже поезд в пути. Узники из Эстонии в шести вагонах с решетками на окнах, с колючей проволокой, натянутой на двери... Четыре вагона металлических, два — деревянных. Таммлаан в металлическом. В вагоне тесно, нетоплено. Узники голодные.

Куда их везут? Что ожидает их впереди? Хотя об этом узники не должны были ничего знать, кто-то из них сумел определить, что после Тапа состав повернул на юг, прошел Тарту, Валга и ночью прибыл в Ригу. Потом Каунас, Вирбалис... Где-то в незнакомом месте их отправили в холодную баню. Потом оказалось, что это было около прусской границы — как-никак, это был уже собственно «третий рейх», а не какие-то там восточные области. Сюда пускали только «чистых» рабов... На четвертые сутки впервые за всю дорогу дали горячую пищу — баланду. На какой-то станции отцепили вагоны, в которых были эстонские женщины-узницы.

Вот и конечная станция широкой колеи — Тигенгоф. Здесь узников из Эстонии выгнали из вагонов и приказали им забраться на открытые платформы, стоявшие уже на ветке узкой колеи. Так прибыл 16 марта 1944 года в концлагерь Штутгоф эстонский писатель Эвальд Таммлаан вместе со своими товарищами по фашистской неволе.

За спиной Таммлаана были уже два с половиной года знакомства с «новым порядком», который насаждали в

оккупированной Эстонии гитлеровцы и их приспешники — эстонские буржуазные националисты. Его арестовали в начале сентября 1941 года в лесу где-то в районе Козе—Пирита. «Омакайтчики» Оскара Ангелуса под охраной доставили его во второй полицейский участок на улице Койдула. До этого Эвальд Таммлаан целыми днями где-то пропадал, захватив с собой бутерброды, которых хватило бы человек на пять—шесть. По-видимому, он скрывался в лесах под Таллином, доставляя еду и своим товарищам. Только поздно вечером он возвращался домой, а рано утром вновь отправлялся. В эти дни, скрываясь в окрестностях Таллина, Эвальд Таммлаан забрел как-то на хутор Аугуста Мялка. Хозяин явно опешил, увидев на пороге знакомого писателя.

— Ты прости, — нервно теребя пальцами, сказал хозяин хутора, подаренного ему Пятсом, — но я не могу тебя скрывать... Понимаешь, не могу...

— А я этого и не прошу, — ответил Эвальд Таммлаан. — Я хотел только окончательно убедиться в том, что ты за человек... Я ведь в этих краях по делу — грибы собираю...

Супруга писателя Анне Таммлаан, поведавшая мне эту историю, добавила еще, что после объяснений Таммлаана Аугуст Мялк почувствовал себя весьма неловко, он стал даже предлагать гостю кофе. Таммлаан отказался и, не простившись, ушел...

Через несколько дней Таммлаан был арестован. Вечером того же дня на квартиру писателя явились трое полицейских в гражданском. Все они говорили по-эстонски, были злые и нахальные. Произвели обыск, разбросали по квартире рукописи Эвальда Таммлаана, выкинули из шкафа книги. Перерыли все, что можно. Напоследок один из них прихватил с собой пишущую машинку. Видя это, другой «гость» потянулся за фотоаппаратом, принадлежащим писателю... Чуть позже Анне Таммлаан узнала, что эти трое были от Викса, начальника Таллинского гестапо.

Во втором полицейском участке Таммлаана держали несколько дней и ни разу за это время не дали ему есть. Аппарат сыщиков Ангелуса и Викса в те дни усиленно искал свидетелей, готовых дать о Таммлаане угодные фашистам показания. Он нашел их

среди людей, которые хлебом-солью встретили вандалов XX века. Одним из таких свидетелей оказался Лео Калмет, успевший к тому времени сочинить и преподнести оккупантам грязный пасквиль на деятельность коллектива Таллинского драмтеатра за год народной власти. Фашисты оценили «заслуги» этого человека: Калмет получил пост руководителя театра.

А писателя Эвальда Таммлаана Викс распорядился перевести в Центральную тюрьму Таллина. Здесь, в переполненных людьми камерах, томились еще писатели Йоханнес Рувен, Рудольф Сирге, поэт Юхан Сютисте, карикатурист Ромулус Тийтус, художники Аркадий Лайго и Николай Куммитс.

Война, как известно, делит людей на живых и мертвых. Но она делит их еще на честных и подлых. Большинство представителей эстонской творческой интеллигенции, не успевших эвакуироваться в тыл, оказалось в тюрьмах и концлагерях, где свирепствовали гестаповцы и эсэсовцы. И лишь незначительная часть оказалась в одном лагере с врагом, стала сообщником его преступлений. Так, эсэсовцам помогали писатели Гайлит и Мялк, они даже создали — совместно с обер-фюрером СС Соодла — «Общество друзей СС». Воспевали оккупантов писатели Виснапуу и Кивикас, Адсон и Уйбопуу.

Эвальд Таммлаан и в гестаповских застенках оставался борцом.

Таллинец Виктор Симмадо, который в камере Центральной тюрьмы спал на полу рядом с Таммлааном (на нарах не хватало мест) рассказывает, что писатель ни на минуту не сомневался в том, что фашистов и их приспешников выгонят с эстонской земли, что народы сломают хребет фашизму. Виктор Симмадо помнит, что вместе с Йоханнесом Рувеном (он спал рядом с Таммлааном с другой стороны) Таммлаан горячо и вдохновенно обсуждал вопросы литературы, они спорили о Достоевском, оба любили Горького и Байрона.

Таммлаан видел, как в камеру приводили эстонских новоземельцев, избитых до крови только за то, что народная власть дала им землю.

— Земля, столь обильно омытая потом этих людей, теперь становится влажной от их крови, — с гневом и болью в сердце сказал как-то Таммлаан Рувену.

2/2

4. VI 42

Kallid kodused!

Otsus minu asjas on ühtlasi see annab minule kirjutamisõiguse ja tee võite kah kirjutada. Käesolevast töölt turbarabas ja vajan töörõivastust. Rüdeid võtakse siin erakordselt vastu iga päev kell 11. Aga katsu täpselt tuua, kuna ½ 12 söidame juba tööle. Too mulle need rohkesti tunkipüksid ja rohkesti trikipidega särk, milliseid tarvitasin troopikaks ja laevas. Mõnest vanast rüdetüksist õmble paarid lühikesed, sest kummised alus-püksid (spordipüksid) kemmun vöö paelaga. Sõs vot üks lühikesti varukatega särk ja soliva sees on vist vaja musti kingi, milliseid saaks siin ühe paari tarvitamiseks remontida. Hea oleks ka vana vaip (linnu vahta). Sokke ja mind pesu esialgu jätkule. Nõela ja vuti niite võiksid saata.

Tingimata saada kirjapaberit umbrikke, marke ja uus pliiats (mitte kiemiline). Maitseainetest on lubatud sibul, muurelauk, küüslauk, kuivatatud marjadest tee, kohv. Aga ega [illegible] suurt hädä praegu ole. Ja üldse-

Как ни старались оккупанты изолировать заключенных, до узников доходили почти все новости. От тартусцев, привезенных в «Батарейку», Таммлаан узнал правду о кровавой трагедии у противотанкового рва в деревне Лемматси. Вместе с Ромулусом Тийтусом они, казалось, ко всему уже привыкшие узники, оцепенели от ужаса, когда в тюремном складе увидели на полках детскую одежду, снятую с детей в Калеви-Лийва.

Почти каждую ночь Таммлаан слышал, как открывались двери камеры и сонный голос охранника называл имена людей, которых Зандбергер, Мяэ, Ангелус, Мере, Викс и К° внесли в списки «особо опасных» для «нового порядка»...

Так был вызван однажды и друг Таммлаана Йоханнес Рувен. Писателям больше не пришлось встретиться...

Чем ожесточеннее и утонченнее становился террор фашистов и их приспешников из числа эстонских буржуазных националистов, тем активнее боролся против них узник Таммлаан. Среди архивных документов полиции безопасности и СД мне удалось найти протокол допроса Таммлаана, из которого явствует, как смело вступил брошенный в тюрьму писатель в борьбу за жизнь русского моряка, оказавшегося с ним в одной камере. Если бы гестаповцам удалось тогда установить, что Таммлаан, стремясь во что бы то ни стало спасти моряка, ловко обманывал их, разговор с ним был бы коротким. А сколько было случаев, когда Таммлаан, рискуя быть расстрелянным, решительно и смело разоблачал провокаторов, сеть которых создавали в Центральной тюрьме начальник Таллинского гестапо Викс и его подручные. Узнаем ли мы когда-нибудь, скольким своим товарищам по неволе спас жизнь Эвальд Таммлаан, выкрав однажды схему и покамерный список провокаторов?

Что только ни делали тюремщики, чтобы сломить писателя! Они загоняли его в торфяное болото, где исхудавший и больной Таммлаан вынужден был целыми

Письмо Эвальда Таммлаана из Таллинской центральной тюрьмы, адресованное жене.

днями, иногда по колено в холодной воде, выполнять непосильную работу. А когда ноги распухли и он не мог так быстро ходить, как хотелось фашистам, один из них исхлестал Таммлаана кнутом.

— Этого я им не прощу, никогда, — сказал Эвальд Таммлаан своей жене, когда немного позже встретился с ней в Таллинском порту, куда узников вывозили на работу.

— Скажи мне, пожалуйста, как ты узнала, что мы здесь? — поинтересовался писатель тогда у своей жены, отложив в сторону тяжелый мешок, который должен был затащить в вагон.

— Добрые люди сказали мне: если ты хочешь увидеть мужа, беги в порт, — ответила Анне Таммлаан.

Писатель нежно посмотрел на свою исстрадавшуюся жену, стряхнул пыль со своей тюремной одежды и тихо сказал:

— Добрые люди... Как хорошо, что они есть. И их большинство. Ты знаешь, встречаются они, редко, правда, но встречаются и среди вот этих, которые нас охраняют. Взять хотя бы этого, что разрешил тебе подойти ко мне... Я беседовал с ним. И ты знаешь, он сам страдает, видя страдания узников. Но трус он... А тот, помнишь, был смелее...

— Кто?

— Разве ты моего подарка к Новому году не получила?

Подарок к Новому году! Как обрадовались Анне Таммлаан и ее дети, когда вдруг накануне Нового, 1942 года, пришла посылка от мужа. Но что это? Адрес чужой и написан не рукой мужа? Не знала тогда Анне Таммлаан, что посылку из тюрьмы тайно вынес один из охранников, чтобы переправить по адресу, данному писателем. Кто именно был этот человек, рисковавший быть посаженным в одну камеру с Таммлааном? И рисковал только потому, что хотел сделать приятное человеку, чьи книги, возможно, читал.

Что же было в той посылке? Во-первых, небольшой альбом для рисования, изготовленный, возможно, в тюремной типографии, где некоторое время работал Таммлаан. На обложке альбома типографским способом напечатан снимок, на котором изображен Дед-Мороз на лыжах, с мешком за спиной.

В альбоме — шесть рисунков Эвальда Таммлаана. Они сделаны в сырой и темной камере, в которую поместили в три раза больше людей, чем было мест на нарах. Их нарисовал больной и голодный узник, который до того, как стать писателем, довольно успешно овладел кистью и карандашом художника. Шесть рисунков. Дочь и сын писателя наряжают елку. Семья, за исключением Эвальда Таммлаана, на лыжной прогулке. Втроем на финских санках. Втроем готовят обед. Предпоследний рисунок нельзя смотреть без содрогания и боли: высокая мрачная стена тюрьмы, выходящая к морю. Колючая проволока, густо натянутая в несколько рядов. Рядом с нею... семья писателя: жена и двое детей. А высоко вверху, из маленького зарешеченного тюремного окошка видна рука, приветливо машущая в сторону троих, стоящих у самой воды... И последний рисунок — уже вчетвером, вся семья вместе. Эвальд Таммлаан и дети в лодке увлеченно следят за поплавками: «Не клюет ли?», а супруга писателя на берегу готовит уху...

И еще были в той новогодней посылке, которую вынес из Центральной тюрьмы неизвестный пока человек, чудесные броши-рыбки, любовно вырезанные Таммлааном из кости, точь в точь такие, какие писатель вырезал потом и в Штутгофе...

Штутгоф... Один из крупнейших концлагерей на карте «эсэсовской Европы». Черный кружок, обозначающий на этой карте Штутгоф, по величине равен черному кружку, выведенному на том месте горы Эттерсберг, где Бруно Апиц вырезал из древесины «бука Гёте» фигуру «Последний вздох»...

Штутгоф был концлагерем, через который прошли почти все узники, которых из оккупированной Эстонии по разнарядке работорговца Заукеля отправляли в рабство его уполномоченные, местные квислинговцы типа Мяэ и Ангелуса. Этот концлагерь стал местом гибели для многих узников, доставленных сюда и из оккупированной Эстонии. Скольким людям, вывезенным из Эстонии, приходилось мучиться здесь? Точного ответа мы, пожалуй, не получим никогда. В архивах фашистской полиции безопасности и СД я обнаружил несколько списков («Транспортлисте») людей, отправленных из оккупированной Эстонии в Штутгоф. Но

кто скажет, что сохранились все списки? Вот список — 51 человек. Отвечает за доставку Лехари. Список — 99 человек. Отвечает за доставку Мярди. Список — 64 человека. Обвинение — «антигосударственная деятельность». Еще список, 100 человек: эстонцы, поляки, русские, голландцы. И еще 102 человека. Список — 985 человек. В «Транспортлисте» значится: «отгружены в Штутгоф». И вот, наконец список — 176 человек. Под номером 73: «Таммлаан Эвальд, родился 15.2—1904 в Хальяла. Писатель».

Этот список был первый гестаповский документ, в котором упоминалось имя писателя Эвальда Таммлаана. Натолкнулся я на него в дни, когда работал над документальными очерками о писателе Йоханнесе Рувене, вывезенном по приказу Мере и Викса на расстрел из Таллинской центральной тюрьмы, и художнике Андрусе Йохани, убитом гитлеровцами и их пособниками-националистами у противотанкового рва под Тарту. Первый документ, касающийся Таммлаана... А есть ли еще? Поиски продолжались свыше двух лет. Найдены и опрошены почти все узники, отправленные из оккупированной Эстонии в Штутгоф и чудом спасшиеся. Их оказалось немного... Свою помощь в поисках материалов о Таммлаане любезно предложили польские товарищи, писатель Игорь Шенефельд, историк Януш Гумковский, автор книги «Польша во время гитлеровской оккупации». В поиски материалов об эстонском писателе и его борьбе в концлагерях включились и некоторые польские газеты, которым я выслал фотографию Таммлаана. Близко к сердцу приняли выяснение судьбы Эвальда Таммлаана члены польской делегации на третьем Международном конгрессе по истории Сопротивления фашизму, с которыми я встретился в Карловых Варах, где проходила работа конгресса.

...На конечной станции широкой колеи Тигенгоф прибывшую из Эстонии колонну, в которой стоял и Таммлаан, выстроили для того, чтобы произвести пересадку на платформы узкой колеи. Первые, кого узники встретили, были, помимо эсэсовцев, накрашенные дамы, прогуливавшиеся по привокзальной аллее со своими детьми и собаками. Увидев узников, женщины приблизились к колонне и стали натравливать собак

на людей. Они не мешали и своим детям, кидавшим комья мерзлой земли в прибывших...

На станции Штутгоф узники из Эстонии увидели, как издевались эсэсовцы над американскими и английскими военнопленными, таскавшими большие тяжелые мешки на высокую платформу. Если кто-либо из пленных чуть замедлял движения, эсэсовец подгонял его палкой и кричал «Шнеллер! Шнеллер!».

О чем думал Таммлаан? Быть может, о том, как его за такое же «преступление» — не мог идти так быстро, как хотел эсэсовец — били кнутом в Таллине?

Наконец прибыли в концлагерь Штутгоф, обнесенный колючей проволокой и охраняемый злыми собаками. Поместили в холодный и грязный барак. Разъяренные эсэсовцы, среди которых Таммлаан узнал немца, всю свою жизнь прожившего в Эстонии. В марте 1940 года Ангелус внес его в списки тех, кто по призыву фюрера устремился в «рейх». Этот прибалтийский немец также узнал Таммлаана. Живя в Таллине, он изучил эстонский язык, читал, по его словам, произведения писателя.

Георгий Лойк, присутствовавший при этой встрече, рассказывает, что в этом прибалтийском немце, когда он встретил Таммлаана, мелькнуло что-то человеческое...

— Всем раздеться догола! — раздалась тут же команда эсэсовца. — Быстрей, быстрей!

— Но ведь холодно, — пытался возразить кто-то.

— На улице будет еще холодней, — ехидно улыбнулся фашист. — Выходи!

Они стояли на холоде в снегу. Совершенно голые, только на ногах деревянные башмаки. Их погнали в другой барак, находившийся примерно в двухстах метрах...

— Дезинфекция! — объяснил один из эсэсовцев.

На следующее утро всех прибывших, одетых в полосатую одежду узника, вновь выстроили. Имена и фамилии заменял номер узника фашистского концлагеря — на груди и на штанах около колена. Номер Таммлаана — тридцать две тысячи восемьсот пятьдесят шесть.

Александр Ээк, стоявший в том же строю, видел, как Эвальда Таммлаана, чуть отставшего от других — у него болели ноги — «погладил» палкой эсэсовец.

Потянулись тяжелые дни бесправного узника. На первых порах в Штутгофе «нажимали» на строевую подготовку.

Таммлаана, как и других узников, заставляли бесконечное множество разходить и стоять по стойке «Смирно!», долгими часами «отрабатывали» эсэсовцы команду «Равняйсь!». Им доставляло большое удовольствие гонять узников бегом на далекие расстояния, а потом заставлять их бесконечно выполнять бессмысленные команды: «Ложись!», «Вставай!». Бессмысленные? Нет, это была система. Эсэсовская система, по которой из узников хотели сделать послушных, исполнительных рабов, лишенных инициативы. Такой должен был знать, что если он в строю идет не в ногу, то его ударят по спине палкой. Если он не умеет держать равнения, его могут ударить ногой в живот. Если он не поднимется с земли так быстро, как того требует «новый порядок», на него могут натравить собаку. Если он не успеет вовремя снять шапку даже перед самым маленьким фюрером, его могут ударить кулаком в лицо.

Это была система, целью которой было добиться того, чтобы узникам даже сама мысль о сопротивлении показалась, по крайней мере, фантастической.

Решив, что строевая подготовка уже возымела свое действие, эсэсовцы стали использовать Таммлаана и его друзей на тяжелых работах. Целыми днями узники выкорчевывали огромные пни и таскали их в лагерь. Выравнивали землю, чтобы расширить территорию концлагеря Штутгоф. Но сдавались ли люди, изнуренные непосильным трудом, доведенные до отчаяния голодом и издевательствами, потеряли ли веру в победу? Да, были и такие, которые сдавались. Среди них оказывались провокаторы, готовые за порцию кислого хлеба предать человека, отправить его в крематорий.

Как важно было в таких условиях поддержать человека, внушить ему, что надо во что бы то ни стало выстоять.

... Изнемогая под тяжестью огромных пней, колонна узников, в которой находился и Таммлаан, тянулась, подгоняемая эсэсовцами, к лагерю. Маленькие пни люди боялись брать — хозяева посчитали бы это за «саботаж». Худые и оборванные, в деревянных башмаках, они шли, обливаясь потом. Но до лагеря еще около

KL/18.4.43 8.000.000

Meine genaue Anschrift: Schutzhäftling Tammlaan Ewald

Nr. 32856 Block 13

Konz-Lager

Stutthof bei Danzig

5a

Sauge'algkool

Pärnu

[illegible]

STUTTHOF a 30.6.44 8-9N DANZIG

STUTTHOF a 30.6.44 8-9N DANZIG

Dort Maidla

(genauer Lager)

Bahnhof Kiisa

Reval

Estland

675c

Der Tag der Entlassung kann jetzt noch nicht angegeben werden. Besuche im Lager sind verboten. Anfragen sind zwecklos.

Auszug aus der Lagerordnung:

Jeder Häftling darf im Monat 2 Briefe oder Postkarten empfangen und abschreiben. Eingehende Briefe dürfen nicht mehr als 4 Seiten à 12 Zeilen enthalten und müssen deutlich und gut lesbar sein. Geldsendungen sind nur durch Postanweisung zulässig, deren Abschnitt nur Vor- Zuname, Geburtstag, Häftlingsnummer trägt, jedoch keinerlei Mitteilungen. Geld, Fotos und Wertgegenstände in Briefen sind verboten. Die Annahme von Postsendungen, die den gestellten Anforderungen nicht entsprechen, wird verweigert. Unleserliche, schlecht lesbare Briefe werden vernichtet. Im Lager kann alles gekauft werden. Rationalisierte Lebensmittelpakete dürfen zu jeder Zeit und in jeder Menge empfangen werden.

Der Lagerkommandant

Lieber Rudolf! Ich habe an meine Frau geschrieben - kein Antwort. Wahrscheinlich hat sie Reval verlassen - versuche du sie finden und gib ihr meine genaue adresse und inhalt dieses Briefes. Weiter. Vielleicht hat sie aufenthalt in Kärsa bei Mutter oder bei Bruder Nikolai in Narva, Herman oder bei Boris in Kiiminki. Gib meine adresse auch Herrn R. Tiiles. Ich bin gesund und ruhig wie immer. Bitte nur - wenn etwas essbares übrig bleibt - schickt mir Pakete wie in Reval. Hier werden auch Konserven in Dosen oder Fläschchen zugelassen. Man kann auch [illegible] als ein Paket wöchentlich erhalten. Brot, Zucker, Butter, gebraten oder gebraten, Butter, Konzentrate, Konserven, Fleisch, Speck, Wurst, Zwiebeln, Knoblauch, Salz, Pfeffer, Senf, Zucker, Tee, Kaffee, Schokolade, Kakao, Milch, Käse, Zigaretten, Tabak, Streichhölzer, Feuerzeug, Seife, Waschpulver, Zahnpasta, Zahnbürste, Kamm, Spiegel, Nähzeug, Schere, Messer, Löffel, Gabel, Teller, Tasse, Schüssel, Topf, Pfanne, Ofen, Kohle, Holz, Kerzen, Lampe, Petroleum, Benzin

километра. И вот, когда казалось, что еще несколько шагов и узник, идущий рядом с тобой, рухнет наземь вместе со своей непосильной ношей, зазвучала песня... Запел ее Таммлаан. Тихо, протяжно, как бы в раздумье. Его поддержали еще несколько голосов. И вот раздаются приглушенные голоса почти всех узников, плетущихся вместе с Таммлааном. Люди поют о родине, что так далеко. Знакомые с творчеством Таммлаана могли заметить, что писатель и они сами стали одними из действующих лиц «Железного дома»... Песня звучит громче, бодрее... Она зовет, поднимает на борьбу.

Вечером в бараке снова разговоры.

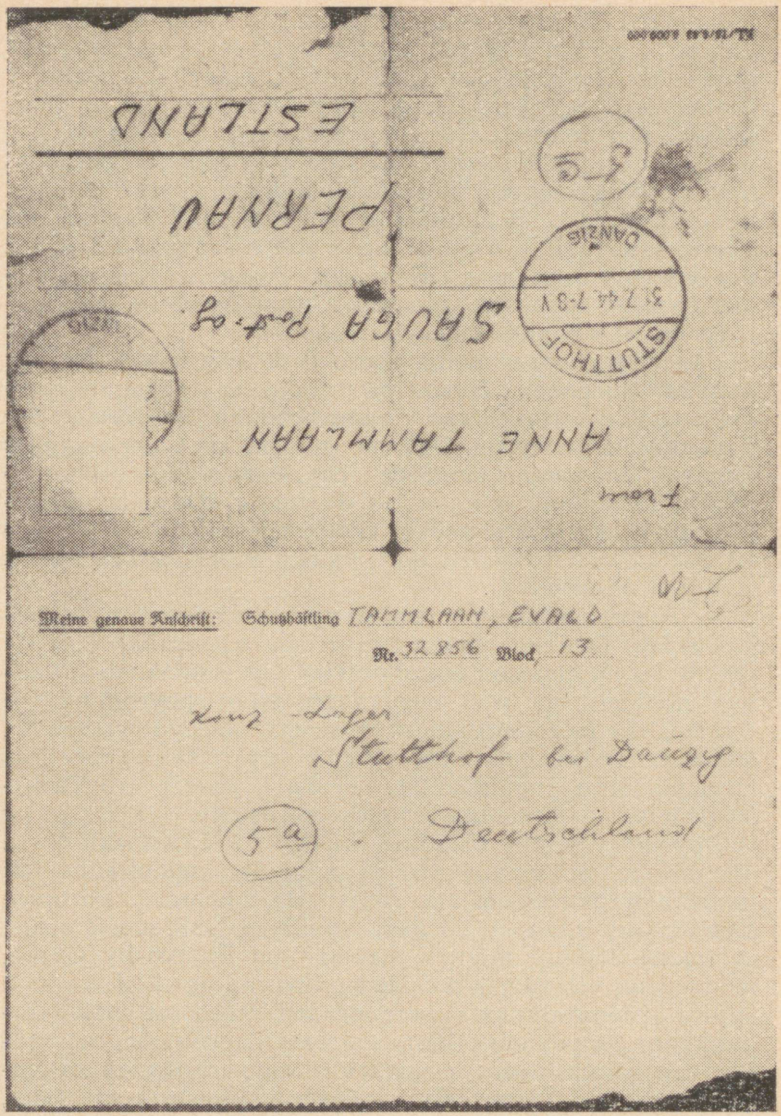
«Информатором» чаще всего был Таммлаан. Где он получал сведения? Некоторые товарищи, бывшие вместе с ним, полагают, что у врача-узника, работавшего в больнице концлагеря. Это был парень из Соединенных Штатов Америки, кажется, студент-медик старшего курса, попавший в плен во Франции. Очутившись в Штутгофе, он стал лечить своих друзей по несчастью не только лекарствами, но и правдивыми сообщениями о делах на фронте.

— Таммлаан познакомил меня с этим врачом, — рассказывает бывший узник Штутгофа Александр Ээк. — Он же был и переводчиком при беседе. Американец указал пальцем на мой нагрудный знак-треугольник с буквой «Е» (эстонец) в центре — и, к моему изумлению, произнес по-эстонски, весело сверкая глазами: «See ilus maa on minu kodumaa...». Потом я узнал, что Таммлаан учил американца эстонскому языку.

Другие узники, бывшие вместе с Таммлааном в Штутгофе, полагают, что правдивую информацию он черпал из гитлеровских газет. На письмах, которые Таммлаану удалось послать из Штутгофа своей жене, а также своему другу — писателю Рудольфу Сирге, приведена «Выписка из распорядка лагеря», в которой после отпечатанных типографским способом слов «Посещения запрещены. Запросы бессмысленны», значится, что узники «могут читать национал-социалистические газеты». Таммлаан, владевший многими языками,

---

Письмо Эвальда Таммлаана из Штутгофа писателю Рудольфу Сирге.



Последнее письмо Эзальда Таммлаана из концентрационного лагеря Штутгоф своей жене Анне в Таллин.

Konzentrationslager Stutthof

23. VII. 44

Der Tag der Entlassung kann jetzt noch nicht angegeben werden. Besuche im Lager sind verboten. Anfragen sind zwecklos.

Auszug aus der Lagerordnung:

Jeder Häftling darf im Monat 2 Briefe oder Postkarten empfangen und absenden. Eingehende Briefe dürfen nicht mehr als 2 Seiten à 12 Zeilen enthalten und müssen übersichtlich und gut lesbar sein. Geldsendungen sind nur durch Postanweisung zulässig, deren Abschnitt nur Vor-, Zuname, Geburtstag, Häftlingsnummer trägt, jedoch keinerlei Mitteilungen. Geld, Zutrieb und Bahnfreiheit in Briefen sind verboten. Die Annahme von Postsendungen, die den gestellten Anforderungen nicht entsprechen, wird verweigert. Unübersichtliche, schlecht lesbare Briefe werden vernichtet. Im Lager kann alles gekauft werden. Nationalsozialistische Zeitungen sind zugelassen, müssen aber vom Häftling selbst im Konzentrationslager bestellt werden. Lebensmittelpakete dürfen zu jeder Zeit und in jeder Menge empfangen werden.

Der Lagerkommandant

Liebe Anne! Habe von dir schon 3 Pakete erhalten – herzlichste Dank, schade nur kein Brief. Grösste Freude machte mir dein erstes Paket – da war ja auch Butter drin. Bitte, schreibe sofort zu Mutter und Schwester Alice – die können wahrscheinlich kleines stückchen Speck, paar hundert gr. Butter oder wenigstens paar Zwiebeln und Salz für mich schicken – deine Möglichkeiten kenne ich ja nicht und du sollst zuerst für Kinder besorgen. Bisher sind alle Pakete – grosse und kleine – für uns schnell und sicher angetroffen. Wichtigsten sind fettenthaltende Sachen oder rohes Speck. Grüsse und umarme dich und Kinder

[illegible]

со временем научился «читать» геббельсовские издания. Как потом выяснилось, он почти никогда не ошибался в своих выводах, сделанных после чтения национал-социалистических газет.

Товарищи Таммлаана по Штутгофу помнят, что он часто беседовал также с узниками из Дании и Норвегии, вселяя в них уверенность в победу союзников. В их числе были датские и норвежские военные моряки, попавшие в плен в ходе боевых действий. Было время, когда узники из Эстонии жили в одном блоке с датчанами и норвежцами. Те получали посылки через Красный Крест, не очень часто, конечно. А в дни получения посылок отдавали свой суп друзьям. Во время праздников — 1 мая, 7 ноября, а также и под рождество рядом с порциями хлеба эстонцам доставался то кусочек шоколада, то немного яичного порошка, то еще что-нибудь из содержимого посылок Красного Креста...

Таммлаан радовался, видя, как растет чувство интернационализма среди узников Штутгофа, крепнет дружба между людьми разных национальностей.

Моряки, в основном норвежцы и датчане, восхищались мастерством Таммлаана, в руках которого простая кость превращалась в фантастическую рыбку. Писатель дарил им свои фигурки на память. Со временем среди моряков распространилось мнение, что рыбки эстонского писателя обладают чудодейственной силой: являются своего рода талисманами. В этом мнении они еще больше укрепились после того, как из рассказов друзей Эвальда Таммлаана узнали, что писатель чуть не утонул в волнах Бискайского залива...

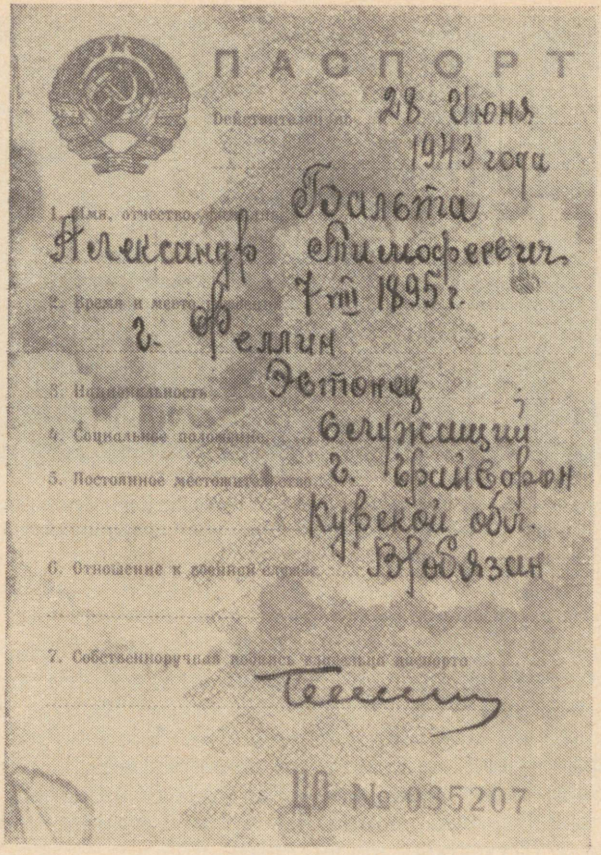
Со временем Таммлаан стал душой барака, помогал всем. Несмотря на плохое здоровье, он неустанно вел агитацию среди узников, подымал людей на борьбу, вселял в них веру в скорое освобождение. А это было самое главное. Таммлаан, сам едва передвигаясь по бараку — опухли ноги — умел метким словом, во-время оказанной поддержкой спасти отчаявшихся людей.

В январе 1945 года по приказу из Берлина фашисты в срочном порядке стали эвакуировать концлагерь Штутгоф. Людей построили в колонны — до тысячи человек в каждой — и погнали на запад. С этого времени разошлись пути узников, прибывших из Эстонии, с Таммлааном. Известно было только, что он остался

Агу Мурдвээ (брат Героя Советского Союза Лээн Кульман), участник Сопротивления в Штутгофе (стоит четвертый слева).

в лагерной больнице, где и умер. Есть ли хоть один человек на свете, который был свидетелем смерти эстонского писателя в фашистском концлагере? На этот вопрос я долго не мог найти ответа. Все бывшие узники Штутгофа, чудом спасшиеся и вернувшиеся в Эстонию, в один голос заявляют: «Нас угнали на запад, и с тех пор мы Эвальда, одного из организаторов Сопротивления в Штутгофе, не видели».

Неужели мы так и не узнаем ничего о последних днях Таммлаана? Поиски не прекращались. И вот, находясь в командировке в Пярну, я узнал, что вместе с Таммлааном в Штутгофе оставался капитан Бальта, член подпольной группы, в которую, помимо Таммлаана, входили еще Агу Мурдвээ — брат героя Советского Союза Лээн Кульман, — а также узники Мурре, Тагапере и Ведлер. О капитане Бальта я узнал, что он — эстонец, кадровый офицер, попавший в плен в 1941 году при защите Таллина. Начались поиски капитана Бальты. Но его я не нашел. Мне удалось лишь найти личные документы капитана Бальты — паспорт, удостоверение к медали и повестку, в которой «капи-



ПАСПОРТ

Действителен до 28 Июня 1943 года

1. Имя, отчество, фамилия Бальта Александр Тимофеевич

2. Время и место рождения 7 VIII 1895 г. г. Феллин

3. Национальность Эстонец

4. Социальное положение служащий

5. Постоянное местожительство г. Грайворон Курской обл.

6. Отношение к военной службе Вробязан

7. Собственноручная подпись владельца паспорта

ЦО № 035207

Фотокопия паспорта капитана Александра Бальты, участника Сопротивления в Штутгофе.

тану запаса Бальте Александру Тимофеевичу» приказывалось... «явиться в Вильяндиский уездвоенкомат для выполнения срочного задания». Документы все это время хранились в доме неподалеку от Таллина, где Бальта их оставил, когда 29 августа 1941 года он, один из руководителей таллинского рабочего полка, пытался прорваться к своим из только что захваченного фашис-

тами Таллина. Дом, в котором Бальта накануне скрывался со своими товарищами, был тщательно обыскан фашистами. Но документов советского офицера они не нашли — их надежно спрятала и хранила весь период оккупации эстонская женщина.

Капитана Бальту я не нашел, но в ходе этих поисков мне удалось установить, что в Штутгофе, после эвакуации лагеря на запад, остался, кроме Таммлаана и Бальты, еще третий эстонец.

И вот я в гостях у Рейна Ярвине. Много пришлось пережить этому человеку. В Таллине «комиссия» гестапо приговорила его к расстрелу. Он чудом спасся — фашисты посчитали, что наиболее сильных и здоровых надо оставить для работы на фюрера. И вот Рейна Ярвине заставляют рыть огромную яму в Калеви-Лийва. А впоследствии ему предстоит испытать самое ужасное — сжигать тела убитых или умерших от голода товарищей в крематории Штутгофа. В концлагере Ярвине тяжело заболел и к моменту эвакуации оказался, как и Таммлаан, в лазарете. Сперва они были в

Фотокопия удостоверения Александра Бальты.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 037883

Предъявитель настоящего удостоверения КАПИТАН (звание) БАЛЬТА Александр Тимофеевич (фамилия, имя и отчество)

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1938 г. награжден юбилейной медалью „XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии".

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

„21" Апреля 1941 г.

Подпись владельца удостоверения

разных местах: Таммлаан в старом лагере, Ярвине — в новом.

— Таммлаана перевели в наш лагерь в начале марта 1945 года, — рассказывает Рейн Ярвине, поминутно переводя дух, ему тяжело говорить. — Во втором блоке, где до эвакуации лагеря содержали до тысячи узников, осталось к этому времени не больше пятнадцати человек.

Рейн Ярвине берет мой блокнот и рисует схему блока № 2. «Мы спали в первом проходе. Я рядом с Бальта — вот здесь. А Таммлаан — головой к нам, вот здесь — на другой стороне нар. Когда немцы эвакуировали Штутгоф, они ничего не оставили, кроме эсэсовской охраны. Почти два месяца мы не получали ни куска хлеба, только суп из прокисшей капусты, да кусочек конины, тоже не первой свежести. У нас опухли ноги. Эвальд жаловался на сердце. Иногда, когда чувствовали себя чуть лучше, мы втроем выходили из блока. Наша Советская Эстония была тогда уже свободна, и мы много говорили о том, что скоро фашизм будет разбит совсем. Помню, Эвальд говорил, что надо написать обо всем том, что мы пережили, как боролись в концлагере. Надо рассказать всем, что такое фашизм, нельзя никогда, никогда прекращать борьбы с фашизмом, — повторял он свою мысль.

Однажды, когда мы были в блоке, Эвальд завел речь о том, что в случае, если кто-нибудь из нас не дождется освобождения, то пусть выжившие сообщат об этом родным. Потом задумался. Возможно, он вспомнил семью, которая жила в освобожденном Таллине. Тяжело вздохнул и добавил: «Чтобы напрасно не ждали и не искали бы... Правда, какая она ни есть, все же лучше... Я за горькую правду...» Он попросил у меня брючный ремень и вырезал на нем свой таллинский адрес и имя «Эвальд Таммлаан»... Так прошло еще несколько дней. Здоровье Эвальда между тем ухудшалось, но он не хотел сдаваться, пытался шутить, гадал о том, что могут делать его жена и дети на родине, чем заняты друзья-писатели... И вот наступил роковой день... Это было во второй половине марта 1945 года... Мы только что поели так называемого супа и все втроем прилегли на нары. Я только что заснул, слышу, меня будит Бальта. «Вставай скорее», — сильно вол-

нуясь, проговорил он. Я вскочил, и обогнув конец нар, подбежал к месту, где лежал Эвальд. Писатель умирал. Тут я вспомнил, что в другом конце блока должен находиться врач-узник, профессор из Литвы... Когда мы вернулись, Эвальда уже не стало... Я закрыл ему глаза... Бальта, едва державшийся на ногах, — у него была парализована нога, сказал несколько прощальных слов... В тот же день труп Эвальда Таммлаана был сожжен в крематории Штутгофа...»

Собеседник мой не мог больше говорить, его душили слезы.

*

В дни накануне шестидесятилетия со дня рождения Эвальда Таммлаана я вновь беседовал со многими бывшими узниками Штутгофа, оказавшимися вместе с Таммлааном в гитлеровских застенках. Эти люди свято чтят память своего товарища, они не забыли предсмертных слов писателя: «Надо рассказать всем, что такое фашизм, и никогда не прекращать борьбы с фашизмом». Приятно сознавать, что именно люди, бывшие в тяжелые дни гестаповской неволи ближе всего к Таммлаану, выступили инициаторами создания в республике секции бывших узников фашизма.

Честные люди никогда не забудут ужасов, принесенных человечеству фашизмом. Они всегда будут бороться с фашизмом, где бы он ни стремился поднять голову, в какую бы одежду он ни рядился. Они сделают это хотя бы потому, что в Западной Германии выпустили на свободу одного из убийц Эвальда Таммлаана — бывшего коменданта концлагеря Штутгоф, палача Хоппе. Они сделают это потому, что в той же самой стране заключили в тюрьму бывшего узника Бухенвальда Бруно Апица, автора правдивой книги о коричневой чуме.

РОБЕРТ ЭРУСТЕ

Война

На советско-германскую границу слушатель военно-инженерной академии Роберт Эрусте прибыл на преддипломную практику в апреле 1941 года. Планировалось, что практика продлится всего лишь несколько месяцев. Его назначили начальником отделения полевого оборонительного строительства восьмой армии. Участок, который инспектировал капитан Эрусте, находился где-то в районе Тильзита. Прибывший не чувствовал себя «временным» на границе. Все свои знания, всю энергию молодой капитан отдавал тому, чтобы как можно лучше укрепить границу, сделать ее неприступной. Ведь в воздухе уже пахло войной.

И все-таки война нагрянула неожиданно.

В первый же день войны были сметены пограничные укрепления и армии противника продвинулись вглубь советской земли на несколько десятков километров. Тяжело переживал все это капитан Эрусте, с началом войны назначенный помощником начальника инженерной службы восьмой армии. Восьмая армия вела тяжелые бои с превосходящими силами врага, руководимыми гитлеровским фельдмаршалом Вильгельмом фон Леебом, имевшим приказ фюрера захватить Ленинград. Наши войска дрались мужественно, хотя и были плохо вооружены. Против танков имелись бутылки с горючей смесью, а против самолетов — нередко лишь винтовки. Случалось, что советские войска не успевали так быстро отступать, как наступал враг... Уже оставлены Шауляй, Рига, в неимоверно тяжелых оборонитель-

Роберт Эрусте.

ных боях части восьмой армии отступили до Тарту. На рубеже Эмайыги враг был временно приостановлен. Здесь, быть может, впервые с начала войны установилась линия фронта, но лишь на две недели. А потом снова отступление, теперь уже гораздо медленнее, чем от прусской границы. . . В тот день, когда штаб восьмой армии был где-то в районе города Раквере, где родился и жил отец Роберта Эрусте, была получена телеграмма командования, в которой капитану Эрусте приказывалось немедленно вернуться в Москву, в академию. Преддипломная практика, затянувшаяся почти на полгода, закончилась. Роберт Эрусте остается в академии только на две недели, хотя ему, отличнику боевой и политической подготовки, и предлагают в академии место на кафедре. Но капитан Эрусте просит отправить его немедленно на фронт.

— Только там место коммуниста! — решительно заявил он генералу, который уговаривал его остаться и пытался доказать, как пригодился бы в академии его боевой опыт.

Роберт Эрусте (в центре, бородатый) вместе со своими друзьями по Сопротивлению на встрече бывших узников фашизма в Москве, в июле 1958 года.

И вот Роберт Эрусте на юго-западном фронте, в шестой армии генерала Малиновского. Вначале он — помощник начальника штаба инженерных войск, а через некоторое время — начальник штаба инженерных войск шестой армии. Шли тяжелые, изнурительные бои с превосходящими силами врага. Особенно яростные — в районе Изюм-Барвенково. В первом успешном контрнаступлении была освобождена станция Лозовая — крупный железнодорожный узел. Капитан Эрусте видел, какой подъем охватил войска, когда враг впервые повернулся к ним спиной. Как ждали они этого дня! Как жаждали его офицеры и генералы, проделавшие весь путь отступления от самых границ вглубь страны. Подъему морального духа во многом способствовал и разгром фашистов под Москвой.

Шло время. Тяжело было Эрусте, жизнерадостному офицеру, учить подчас совсем еще зеленых юнцов тому, как убивать людей. Но суровы законы войны, они

закаляют характер и волю людей, дают каждому свою беспристрастную характеристику.

Эрусте воевал хорошо, и зимой 1942 года генерал Малиновский прикрепил к груди капитана орден Красной Звезды. А еще через некоторое время начальника штаба инженерных войск срочно вызвали в штаб армии. Эрусте, по-военному четко отрапортовав о своем прибытии, стал докладывать обстановку в инженерных войсках. Его внимательно слушал командующий армией, докладом остался доволен. Когда Эрусте собрался уходить, к нему вдруг с вопросом обратился Малиновский:

— Скажите, товарищ капитан, какой вы национальности?

— Эстонец, товарищ командующий!

— А почему вы не в Эстонском корпусе? — по-военному коротко спросил генерал.

— Оставлен на фронте, — отрапортовал Эрусте и добавил: — По личной просьбе.

Вскоре после памятного доклада в штабе шестой армии, стоявшей тогда в Изюме, в этом районе развернулись тяжелейшие бои. Стальной лавиной на наши позиции нагрянули танки Гудериана, из Африки на советско-германский фронт были срочно переброшены части авиационной армии «Герман Геринг». Бои шли уже несколько суток. Враг, пользуясь отсутствием второго фронта, бросил против нас все свои войска. Отчаянно дрались наши войска в районе Харькова. Но фашистам, сосредоточившим на этом участке мощные огневые силы, удалось прорвать оборону, а вскоре и зайти в тыл нашим войскам. Окруженные врагом, советские воины продолжали упорное сопротивление. Вот уже несколько суток не смыкает глаз майор Эрусте. Он водит людей почти в беспрерывные контратаки, чтобы прорвать кольцо окружения. Но вражеский огонь все усиливается, танки клиньями разрезают наши войска на отдельные изолированные части. С неба непрестанно сыпятся бомбы. Словом, это был кромешный ад, разыгравшийся в майские дни 1942 года на харьковской земле. Уже шестые сутки майор Эрусте и его бойцы голодали. Только по два кусочка сахара на целый день. А бои днем и ночью, утром и вечером. Голодные и измученные, с запавшими от усталости глазами, они

продолжали неравную схватку. Не было воды, пересыхало в горле. Эрусте учил бойцов слизывать росу с травы в овраге, в котором они оборонялись. А фашисты подкрадывались все ближе к оврагу. У Эрусте и его бойцов кончились патроны. Большая часть наших бойцов была ранена, солдаты истекали кровью, но продолжали сопротивляться.

«Что делать?» — спрашивает у бойцов и офицеров Эрусте, старший по званию и занимаемой должности, и сам же отвечает:

— Под покровом ночи во что бы то ни стало прорваться через кольцо, которое сжимается вокруг нашего оврага.

И вот люди в овраге, напрягая последние силы, превозмогая нестерпимую боль ран, стали незаметно пробираться сквозь вражеские цепи, готовившиеся наутро к решительному штурму позиции горсточки смелых советских людей. Ползком, стараясь ничем не выдать своего существования, группа оставшихся в живых бойцов во главе с майором Эрусте ночью благополучно вышла из оврага. Они стали пробираться дальше, но силы уже покидали людей, ведь они не смыкали глаз уже в течение целой недели. Из запасов оставалась только махорка. Голодные и измученные, они решили немного передохнуть. Неизвестно, сколько времени они спали. Разбудил их грубый окрик и удары фашистских автоматчиков.

Плен

Нарушая все международные правила по обращению с военнопленными, фашисты поступали с попавшими в плен, как им хотелось. Повсюду царили произвол и террор. Целыми днями пленным вовсе не выдавали еды. Раненым не оказывали никакой помощи.

На первом допросе надменный фашист, кинув незрительный взгляд в сторону пленного советского майора, стал не спеша рассматривать бумаги, лежащие перед ним на столе. А потом коротко бросил:

— Обыскать!

Переводчик, через которого велся допрос, стал шарить по карманам пленного. Он вытащил оттуда бумаги, нашел кусочек карандаша, обрывки фронтовой

газеты, кусочек окровавленного бинта. И вдруг... Глаза его на секунду встретились с глазами Эрусте. Оба поняли, в чем дело... Подойдя вплотную к пленному, он, сильно волнуясь, тихо сказал:

— Спрячьте эту опасную книжицу подальше... Она может стоить вам жизни... И переводчик быстро сунул обратно в карман Эрусте партийный билет...

Потянулись дни плена. Пленных наших тогда было много. Но в большинстве своем эти люди продолжали борьбу за колючей проволокой.

Эрусте рассказывает:

— Первую попытку к бегству мы предприняли в селе Петровском, близ Изюма. Там был наш первый пересыльный лагерь для пленных советских офицеров. В группе нас было шестеро. Под покровом ночи мы незаметно выползли за колючую проволоку, но не успели мы отползти и тридцати метров, как охрана на вышке заметила нас и открыла стрельбу из автоматов. Троих товарищей сразу же уложили фашистские пули. Остальных схватили. Начались снова допросы, побои и истязания. Мне в течение четырех дней не давали никакой пищи. Только били...

Из Петровского колонну пленных советских офицеров, многие из которых были тяжело ранены, погнали пешком на станцию Лозовую, где находился большой лагерь. По пути следования колонны эсэсовцы производили «отбор» пленных. Почти на каждой стоянке особые команды врывались в колонны и выталкивали людей, которые по законам «нового порядка» подлежали немедленному уничтожению. Кого «отбирали»? В первую очередь, лиц, на которых распространялись нацистские расистские законы, политических работников Советской Армии, работников особых отделов. Этих людей выводили из строя, отводили в сторону метров на сто и на глазах у всех расстреливали... Сколько человек осталось лежать на этой «дороге смерти» длиною в шестьдесят километров? Этого мы никогда уже не узнаем.

В лагере на Лозовой... за колючей проволокой. Вместо нар — грязная солома на грязном полу, которая кишела паразитами. Люди умирали от голода и болезней, от пуль эсэсовцев. «Я никогда не смогу забыть страшной трагедии, разыгравшейся в лагере на Лозо-

вой, — рассказывает Роберт Эрусте. — Наш лагерь примыкал к высокому зданию, от которого осталась лишь одна стена. На верху той стены хорошо сохранилась выведенная масляными красками пятиконечная звезда. Она светила нам, как путеводитель. Эсэсовцы, конечно, не могли не заметить, что пленные советские офицеры, многие из которых превратились в живые скелеты, подолгу смотрели на эту звезду. Эсэсовцы решили уничтожить ее. Но как? Ведь звезда была на высоте семи-восьми метров, а лестницы в лагере не было. Эсэсовцы приказали построить «живую лестницу» из военнопленных офицеров. Они заставляли людей забираться друг другу на плечи. И вот у стены стали расти ступеньки этой лестницы. На плечи пленного, стоявшего на земле, забирался другой пленный, потом третий. Четвертому было уже труднее, потому что изголодавшиеся люди еле держались на ногах. Внизу стояли эсэсовцы с автоматами и громко смеялись. Стреляли из автоматов, когда «лестница» разваливалась. У стены под пятиконечной звездой образовалась гора трупов, а эсэсовцы все гнали людей на стену... Пятиконечную звезду им так и не удалось уничтожить. Во всяком случае, этого не случилось в мое пребывание в лагере на Лозовой...

Один лагерь был ужаснее другого. Чем дальше от линии фронта, тем больший садизм выказывали эсэсовцы и гестаповцы. Во Владимире-Волынском майора Эрусте и его товарищей — военнопленных офицеров кормили так плохо, что они вынуждены были для утоления голода есть траву, росшую на территории лагеря, у колючей проволоки. Здесь же пленных офицеров часами заставляли сидеть на корточках — для потехи эсэсовцев. «В этом лагере, вспоминает Эрусте, из каждых ста пленных в живых оставалось лишь шесть-семь человек».

В лагере в Ровно, куда вскоре перевели Эрусте и его товарищей по неволе, пленных двое суток содержали в... огромном холодильнике.

Лагерь в тогдашнем Кенигсберге... Вместе с советскими офицерами здесь находились пленные офицеры — французы и поляки, чехи и испанцы. Где бы ни находился Эрусте, в каких бы нечеловеческих условиях его ни содержали, как бы голоден он ни был, как бы избит

он ни был, его мозг неотступно сверлила мысль о побеге. В Кенигсберге он посвятил в свои планы польского капитана, летчика. Вдвоем они стали готовиться к побегу. С помощью военнопленных французов друзьям удалось достать карту, компас, сделать небольшой запас продуктов. Уже был разработан план побега, намечен маршрут. Но в результате облавы, внезапно проведенной эсэсовцами, замысел друзей был раскрыт и их посадили в одиночные камеры, маленькие, совсем темные помещения карцера-изолятора. Есть давали в два раза меньше, чем в общей камере. Угнетало одиночество. Временами Эрусте казалось, что разум покидает его. Тогда делалось страшно на душе: неужели вот здесь, в этой вонючей одиночке, ему и суждено кончить свои дни? Ведь с умалишенными разговор эсэсовцев был коротким. Это знали все, кто томился в темных одиночках — и эстонец, и поляк, и француз, помогавший достать компас. А эсэсовцы между тем выдумывали для узников все новые пытки. Эрусте рассказывает:

— На второй неделе нашего заточения нас время от времени — или днем или ночью, что для нас, впрочем, было все равно, ибо мы круглые сутки сидели в темноте, — стали водить в своеобразный «душ». Узника загоняли в холодную воду, где он должен был стоять по стойке «смирно», а на голову ему падали крупные капли ледяной воды, казавшиеся каплями раскаленного металла... Это была до того изнурительная пытка, что многие узники не выдерживали ее... Близок к своему концу был и я. Но меня спас небольшой листочек бумаги, тайно переданный в мою камеру одним из охранников. На листочке были слова: «Молодцы, держитесь так, мы вас не забудем!» Вы себе представить не можете, что значили эти слова для меня, сколько сил прибавили. Эта маленькая записка была и, если хотите, остается для меня лучшим из того, что я когда-либо читал. До сих пор помню, с какой неохотой пришлось мне ее уничтожить — таково было требование человека, передавшего записочку в мою темницу. На его глазах я скомкал и проглотил весточку от своих друзей по неволе...

Исхудалого, измученного майора Эрусте выпустили наконец из карцера, чтобы вместе с группой совет-

ских военнопленных — «опасных красных» — увезти в другой концлагерь.

— Нас выстроили недалеко от барака, — вспоминает мой собеседник. — О том, что собирают транспорт с советскими офицерами, знал уже весь лагерь. — И когда перед строем появились холеные эсэсовцы, чтобы приступить к перекличке, мы вдруг заметили, что за этой «церемонией» следят с крыш соседних бараков наши друзья — польские и французские офицеры. Их было много на крышах бараков, и не успел старший эсэсовец прогнусавить свое «Ахтунг», как до нас долетели, словно залпы тысячи орудий, слова «Вива рус!», «Вива рус!». Для эсэсовцев это было как гром среди ясного неба. Среди них наступило замешательство. А с крыш соседних бараков пленные офицеры все скандировали «Вива рус!», «Вива рус!». Среди них я заметил группу знакомых мне по плену офицеров. Это были французы, голландцы и поляки. В лагере я обучал их русскому языку, рассказывал о советских порядках, о том, как жили мы до войны. Особый интерес для них я представлял еще и тем, что был почти единственный в своем бараке офицер, который успел до плена увидеть отступающих фашистов. Помню, однажды к нам зашел пленный из французского барака и громко спросил:

— Господа, кто из вас майор Роберт?

— Я майор Роберт Эрусте, — тихо сказал я пришедшему.

— Будем знакомы, — отчеканил гость и, протянув руку для приветствия, сказал: — Я лейтенант французской армии Оболенский, сын князя Оболенского. Попал в плен на линии Мажино. Мои французские друзья рассказывали мне о вас. Если это вас не затруднит, прошу, господин майор, мне рассказать... — И пришлось мне снова, уже в который раз, говорить о том, как погнали мы врага, а потом — о колхозах, о жизни советских людей, о Красной Армии и многом другом, о стране, где некогда жил отец молодого лейтенанта. От Оболенского я узнал, что записочку, переданную в мою одиночку, написал он под диктовку пленных офицеров — французов. Я был глубоко тронут, когда увидел среди скандировавших «Вива рус!», «Вива рус!» своих французских друзей и среди них молодого Оболенского.

Хаммельбург

Из тогдашнего Кенигсберга большую группу пленных советских офицеров, в том числе и Эрусте, привезли в Хаммельбургский лагерь, что под Нюрнбергом.

— Везли нас долго, целых четыре дня, — вспоминает Эрусте. — В Берлине нас, колонну пленных старших офицеров, повели пешком по улицам. На нас презрительно смотрели жены эсэсовцев, в нас кидали бумаги от мороженого, были и такие, которые плевались в сторону колонны пленных. Но не это запало в мое сердце в день знакомства с Берлином. Запомнились глаза многих немцев, глаза, в которых была грусть, глаза, выражавшие сожаление, глаза, полные страха. Не знаю почему, но именно вот таких берлинцев я помню до сих пор.

И вот Эрусте в Хаммельбурге, в лагере, созданном для русских военнопленных еще в первую мировую войну. С той поры здесь сохранилось кладбище для

«Деньги», введенные гестаповцами для узников концентрационных лагерей.

русских военнопленных и несколько бараков. Вокруг лагеря — невысокие холмы, перелески. Почти вплотную к Хаммельбургу примыкают укрепления линии «Зигфрид», чуть поодаль несет свои воды река Заале.

Когда Роберт Эрусте 20 сентября 1942 года переступил порог этого лагеря, он еще ничего не знал о существовании здесь глубоко законспирированной подпольной организации, созданной советскими военнослужащими, оказавшимися в фашистской неволе. Создателем и первым руководителем подпольной организации в Хаммельбурге был советский генерал Иван Семенович Никитин. Тяжело раненным и контуженным, без сознания, попал в фашистский плен генерал-майор Никитин, командовавший шестым кавалерийским корпусом Советской Армии.

Бывший буденновец, член партии коммунистов с 1918 года, Иван Семенович Никитин сумел создать хорошо организованное движение Сопротивления в Хаммельбурге. Со временем видную роль в подполье стал играть и Роберт Эрусте.

Подпольщики Хаммельбурга уже в конце 1941 года сумели наладить в лагере выпуск нелегальных листовок. Кстати, первая листовка, которую изготовили пленные советские генералы и офицеры — члены движения Сопротивления, — донесла до узников радостную весть о разгроме фашистов под Москвой.

Тяжело пережили члены подпольной организации гибель своего руководителя генерал-майора Никитина: он был схвачен гестаповцами и зверски замучен одной из тюрем. Вместе с ним был казнен другой руководитель хаммельбургских подпольщиков — советский генерал Алавердов. Эти люди, несмотря на тяжелые избиения и жесточайшие пытки, ни словом не обмолвились о существовании подполья в Хаммельбурге.

Организация продолжала действовать. Теперь во главе ее встал генерал-майор авиации Григорий Илларионович Тхор, Герой Советского Союза, занимавший до войны пост командующего военно-воздушными силами Забайкальского военного округа. В Хаммельбург Тхора перевели из берлинской тюрьмы, где его, тяжело раненного, жестоко пытали в течение полугода.

Главной задачей участники Сопротивления считали

теперь организацию массового побега советских офицеров из Хаммельбурга. Этой цели были посвящены все помыслы генерала Тхора и его боевых друзей по Сопротивлению: майора Роберта Эрусте, капитана Николая Ужинского, майора Николая Панасенко, инженер-капитана Николая Капельца, капитана Бориса Николаева и других активных членов подполья.

— В ходе обсуждения плана побега, — вспоминает Роберт Эрусте, — вначале было высказано два мнения, куда бежать — или в Швейцарию или в Чехословакию. Но по предложению Григория Илларионовича Тхора все члены группы вскоре высказались за то, чтобы бежать в Чехословакию и там установить контакт с партизанами. Началась тщательная подготовка. Все приходилось делать в глубочайшей тайне — гестаповцы знали, что в лагере действует подпольная организация. Должны были знать хотя бы по листовкам, выпускавшимся ею, по учащающимся случаям активного сопротивления. Малейшая неосторожность — и можно погубить все дело. Кстати, штабом нашей организации почти все время была так называемая косторезная мастерская. Да, да, косторезная. Создателем ее был Александр Ужинский, капитан, мой товарищ, с которым мы вместе учились еще в академии. С помощью нехитрого инструмента — заржавленного гвоздя он вырезал однажды шахматную фигурку. Ее увидел какой-то тип из администрации и вместо того, чтобы посадить умельца в карцер за недозволенную деятельность, велел ему изготовить всю партию. Со временем вместе с Сашей стали изготовлять шахматные и шашечные фигурки, различного рода шкатулки, рыбки и тому подобные безделушки свыше десяти советских офицеров. Продукцию косторезной мастерской забирали себе, в основном, офицеры-эсэсовцы и гестаповцы. Но, выполняя приказ руководства подпольной организации, наши косторезы изловчились сбывать какую-то часть продукции солдатам, охранявшим лагерь, в обмен на хлеб, а иногда и более ценные продукты. Эти продукты лежали в фонде нашей организации, за ними велся тщательный учет. Они предназначались для оказания помощи наиболее слабым узникам, а также копились к побегу. Из нашего тайного фонда, в частности, мы выделили сколько-то продуктов генералам Карбы-

шеву и Тхору, когда их, похожих на скелетов, доставили в Хаммельбург. Кстати, свою порцию продуктов из тайного фонда получил и я сам — сразу же по прибытии в Хаммельбург. Я был после кенигсбергской одиночки совсем тощим и бессильным. Ко мне подошел Саша Ужинский (он уже в то время состоял в организации) и сказал:

— Генералы велели тебя подкормить...

— Какие генералы? — поинтересовался я.

— Поживешь — узнаешь, — только и ответил на это Ужинский.

Роберт Эрусте рассказывает все это, а я не перестаю удивляться мужеству и героизму советских людей, которые в самых, казалось бы, невероятных условиях продолжали борьбу с врагом. Это была осень сорок второго года. Танковые лавины фашистов рвались к городу на Волге, под игом гитлеризма стонала Европа. В концентрационных лагерях люди гибли от голода, холода, болезней. Доведенные до отчаяния, иные из них падали духом, видя повсюду сильного, хорошо вооруженного врага. Из таких людей вербовались предатели. На них делали ставку типы из РОА — часто сновали они в хаммельбургских бараках.

В таких условиях генерал Тхор и его боевые друзья готовили дерзновенный побег большой группы советских офицеров. Предполагалось, что зараз убежит около семидесяти узников.

Бежать? Но незнакома местность, нет карт, нет компаса, рядом — линия «Зигфрид», вокруг — несметное количество сторожевых вышек, почти на каждом километре — эсэсовский патруль.

В первую очередь подпольщики решили во что бы то ни стало раздобыть карту. Помог капитан Ужинский, он заметил, что в одной из мастерских, где ему иногда приходилось работать, есть топографическая карта. И вот заветная карта уже в руках подпольщиков. Ужинский, Эрусте и Панасенко работали несколько ночей над копировкой. В это время другие члены организации стояли на посту, чтобы никто не смог незаметно подойти к «топографам».

Готовая карта надежно запрятана. Накоплен некоторый запас продуктов — теперь он хранился в инфекционном отделении ревира у члена руководства под-

польщиков Хаммельбурга — Георгия Куклина. С помощью французских офицеров Эрусте и его друзья достали компас. На совещании в «косторезной мастерской» генерал Тхор назначил старших в каждую группу узников. В числе других он назвал и имя Роберта Эрусте. Участники готовившегося побега разработали план прохода через колючую проволоку, была определена и очередность прохождения групп. Казалось, все было готово. Еще день-два... Но тут вдруг по цепочке прошла тревожная весть: «Гестапо схватило генерала Тхора и увезло из лагеря. Усилить бдительность до предела». Теперь во главе подпольщиков встал генерал-майор танковых войск Николай Филиппович Михайлов. Гестаповцы знали, что в Хаммельбурге действует хорошо законспирированная подпольная организация. Лишнее свидетельство тому они получили 7 ноября 1942 года, когда по лагерю повсеместно были расклеены листовки с обращением к военнопленным и поздравлениями в связи с годовщиной Великого Октября. Обстановка в лагере Хаммельбург была такой, что даже один из чинов гестапо, проверявший Хаммельбург, в своем докладе гитлеровскому верховному командованию вынужден был отметить, что «пленные в лагере заражены большевистским духом».

Гестаповцы знали, что под носом у них действуют смелые подпольщики. Знали, но обнаружить конкретных лиц, занимавшихся организацией сопротивления, не сумели. И вот бессильное в своей злобе гитлеровское руководство пошло на то, что лагерь в Хаммельбурге был расформирован.

А до этого были проведены массовые аресты — схватили подряд всех подозрительных. 18 декабря 1942 года, например, было арестовано сразу около тридцати узников, в их числе руководитель подпольной организации генерал Михайлов, офицеры Эрусте, Панасенко, Николаев и некоторые другие.

Флоссенбюрг

Гестапо применяло по отношению к арестованным советским патриотам весь свой арсенал пыток и издевательств. Узников нещадно били, их морили голодом,

пытали холодом. Теперь это происходило уже в Нюрнберге, в тюрьме, куда заточили участников подполья в Хаммельбурге. Несколько раз на допрос вызывали и Эрусте.

— Участвовал ли ты в организации побега? — допытывались двое гестаповцев, ведших допрос. — Ну?!

— Нет, и слыхать не слыхал, — спокойно ответил Эрусте.

— И не слыхал, говоришь? Так получай за это! — И один из гестаповцев нанес сильный удар кулаком по лицу Эрусте. Едва узник успел вытереть кровь с лица, как последовал новый вопрос:

— А сам хотел сбежать?

— Сбегу при первой возможности! — Снова удары в лицо, грудь, спину. А потом один из эсэсовцев рявкнул:

— Подпиши протокол!

— Не подпишу! — твердо ответил Эрусте. — Он составлен на непонятном мне языке.

И снова последовало избиение. Узника снова посадили в камеру-одиночку.

Не добившись никаких показаний от узников Хаммельбурга, гестаповцы решили перевести их в один из самых жутких застенков — в каторжный штрафной концлагерь Флоссенбюрг. Перед отправкой из Нюрнбергской тюрьмы их — всего 28 человек — поместили в большую камеру. Это была, видимо, специальная пересыльная камера. На стене, испещренной надписями и именами узников, хаммельбуржцы обнаружили слова: «Здесь сидел генерал-майор Тхор. 18 декабря 1942 года». В скорбном молчании один из хаммельбуржцев вывел на стене, под этой надписью, имена всех двадцати восьми патриотов, узнавших в камере Нюрнбергской тюрьмы, что до них здесь томился в заключении их боевой руководитель генерал Григорий Илларионович Тхор. (Лишь позже они узнали, что фашисты зверски расстреляли этого человека.)

Роберт Эрусте и его друзья по подполью стали узниками Флоссенбюрга. Сюда их привезли в кандалах, скованными попарно.

— Я был скован с майором Николаем Панасенко, — вспоминает Эрусте. — Теперь мы были уже не военнопленные. В Флоссенбюрге нам выдали полосатые куртки с нашитыми на груди красными треугольника-

ми — знаками политических заключенных. Режим здесь был самый строгий. Этого не скрывали и сами эсэсовцы.

— Помните, что лагерь рассчитан на шесть месяцев. После этого каждый отправляется на тот свет, — сказал нам врач-эсэсовец, когда мы прибыли в Флоссенбюрг. — Случаев побега у нас не бывает. Лагерь штрафной — здесь много «гостей» из Бухенвальда, Дахау, Заксенхаузена. А теперь вот есть и из Хаммельбурга...

Словом, эсэсовцы и гестаповцы считали, что весь «мятежный состав», заточенный в Флоссенбюрг, будет здесь в ближайшие месяцы уничтожен.

— Но и на этот раз они ошиблись, — говорит с чуть заметной лукавинкой в глазах Роберт Эрусте. — Мы, прибывшие из Хаммельбурга, и в каторжном Флоссенбюрге не прекращали борьбы. Больше того, вскоре мы вновь создали подпольную организацию Сопротивления, которая развернула большую работу среди узников лагеря смерти. Нашу организацию возглавили в Флоссенбюрге генерал-майор Петр Петрович Павлов и полковник Гавриил Иванович Фисенко. Из хаммельбуржцев в руководство организации входили еще мой напарник по кандалам майор Панасенко, а также офицеры Копелец, Кикоть, Николаев и другие. Со временем мы установили тесный контакт с группами Сопротивления, состоявшими из немецких, чешских и французских коммунистов, — одним словом, наша организация стала составной частью интернациональной организации Сопротивления в Флоссенбюрге.

Упорно и целеустремленно стали вести подпольную работу Роберт Эрусте и его друзья. Лагерь Флоссенбюрг был избран фашистами местом уничтожения всех тех узников, которых нацисты считали особо опасными для «нового порядка». Здесь были представители всей Европы, да и не только Европы. Особо тщательное наблюдение велось за советскими людьми, в частности, за хаммельбуржцами: их рассовали по различным баракам, чтобы не дать возможности общаться.

Эрусте поначалу был помещен в пятый барак — среди тысячи невольников этого барака он был единственным из Хаммельбурга. В таком же положении оказались Панасенко, Николаев, Кикоть, Фисенко.

Но так продолжалось недолго; хаммельбуржцы, за плечами которых уже был большой опыт подпольной работы в гестаповских застенках, сумели и здесь наладить связь друг с другом. Встречи происходили то в бане, то в ревире, то весточку передавали друзья — поляки, чехи, немцы, французы, англичане.

— Вся наша подпольная организация, — рассказывает Эрусте, состояла из «пятерок», которую подбирал себе сам старший каждой «пятерки». Процесс подбора длился иногда месяцами. Надо было быть осторожным: повсюду по лагерю сновали гестаповские шпики, завербованные, в основном, из уголовного элемента. Мне удалось создать интернациональную «пятерку», в которую входили русский, украинец (капитан Ян Кемпе, редактор газеты), поляк, француз (адъютант генерала Пьера Кота) и чех-бенешовец Иосиф Зигель, фабрикант из Брно.

Все эти люди были ярыми антифашистами, держались стойко. Из руководителей подпольной организации Флоссенбюрга эту «пятерку» знал только я. Таков был строгий закон конспирации. В свою очередь, по линии руководства организацией я подчинялся лишь майору Панасенко. Вся наша работа велась в расчете на тот день, когда будет дана команда «Рвать проволоку!»

Эта команда означала вооруженное восстание. Вооруженное восстание в Флоссенбюрге! Такого не предполагали даже эсэсовцы и гестаповцы. Они считали, что являются полными хозяевами этой многотысячной армии рабов, которые лишены даже имен. Рабы, имена которым заменяли номера, больше походили на живые скелеты, на человеческие тени, чем на людей.

Да, именно вооруженное восстание узников готовили Роберт Эрусте и его друзья по подполью. План восстания разработали коммунисты генерал Павлов, полковник Фисенко, майоры Эрусте, Панасенко. Эти люди составляли ядро подпольной организации советских генералов и офицеров в Флоссенбюрге.

— Мы тщательным образом наметили, — говорит Эрусте, — план действий на случай команды «Рвать проволоку!». Точно были разработаны задачи для всех «пятерок» — куда должна пойти каждая из них, что конкретно делать. Отдельно мы под руководством опытного генерала Павлова наметили, кто и как должен

взять каждую вышку, откуда на лагерь угрожающе смотрели дула скорострельных пулеметов и автоматов.

Детально был разработан план захвата склада эсэсовского оружия, прорыва колючей проволоки. Все наиболее ответственные операции этим планом возлагались на «пятерки», которыми руководили бывшие хаммельбуржцы. Само собой понятно, — говорит Эрусте, — что план вооруженного восстания мы сперва утвердили на советском подпольном комитете, а потом доложили и немецкому комитету, в частности, товарищам Бухману и Роткегелю. Со временем план «Рвать проволоку!», разработанный нами, стал известен представителям чешских, польских, французских, английских, итальянских коммунистов и антифашистов, которые также включились в подготовку восстания. Немецким друзьям, в частности, была отведена очень важная роль — достать оружие. Они, немецкие коммунисты и антифашисты, были «старожилами» Флоссенбюрга — многие из них томились в этом концлагере с момента прихода фашистов к власти. Немецкие коммунисты сумели наладить довольно регулярную связь с внешним миром, у них были даже «свои» эсэсовцы и гестаповцы из числа охраны концлагеря. Мы никогда не забудем той большой помощи, которую немецкие друзья оказывали нам, советским узникам. Многие из нас, в том числе и я, обязаны им своей жизнью: немецкие подпольщики не раз спасали нас от отправки на смерть, часто они помогали устраивать больных и обессиленных в ревир.

Подготовка к вооруженному восстанию в концлагере Флоссенбюрг шла полным ходом. Это была тончайшая работа, требовавшая немало сил и энергии, очень много мужества и геройства людей, которые решили бороться с фашизмом до конца жизни. Мы можем по праву гордиться тем, что и представитель эстонского народа был среди тех людей...

Со дня на день должна была поступить команда «Рвать проволоку!». Члены подпольной организации к тому времени — к апрелю 1945 года — уже имели тайный радиоприемник и регулярно принимали сводки Советского информбюро. Они знали, где проходит линия фронта и готовились к решительным действиям. Но вдруг 18 апреля 1945 года эсэсовцы в срочном порядке

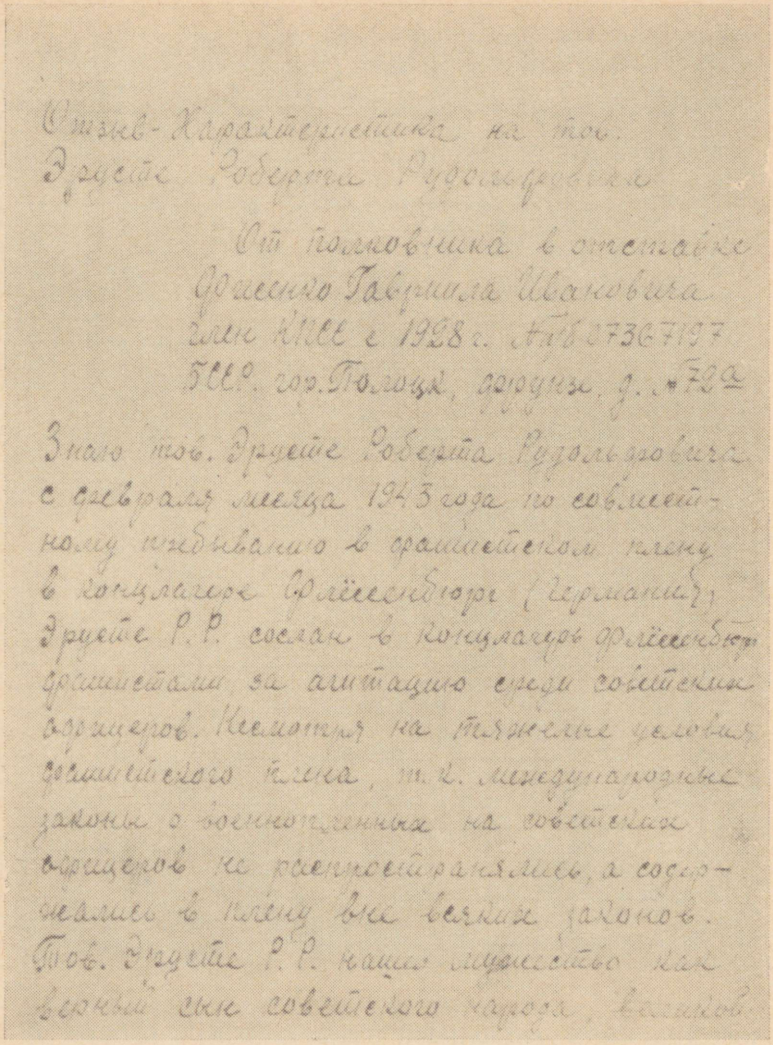
начали эвакуировать Флоссенбюрг. Бесчисленные колонны узников в полосатой одежде потянулись в сторону Дахау... Каждая колонна состояла из двух тысяч невольников... Первые две колонны узников эсэсовцы загнали в туннель и взорвали. Таких колонн были десятки. Но песенка фашистов была уже спета. Однажды Роберт Эрусте и другие члены руководства подпольной организации заметили в небе самолет-разведчик союзников, а еще через несколько дней узники услыхали гул танков американского генерала Паттона. Роберт Эрусте и его друзья убили эсэсовскую охрану, и узники были на свободе. Мощное ура, родившееся в последней колонне, в которой шли руководители флоссенбюргского подполья, покатилось вперед, от колонны к колонне. Мощный ураганный гул его все нарастал. Это был «гул Европы», вырвавшийся из груди тех, кто вел борьбу против фашизма даже тогда, когда эта борьба была невозможна, или почти невозможна.

*

Готовя к печати этот рассказ, я заинтересовался тем, где сейчас находятся и чем занимаются бывшие руководители героического подполья Хаммельбурга и Флоссенбюрга. Те, которые остались в живых...

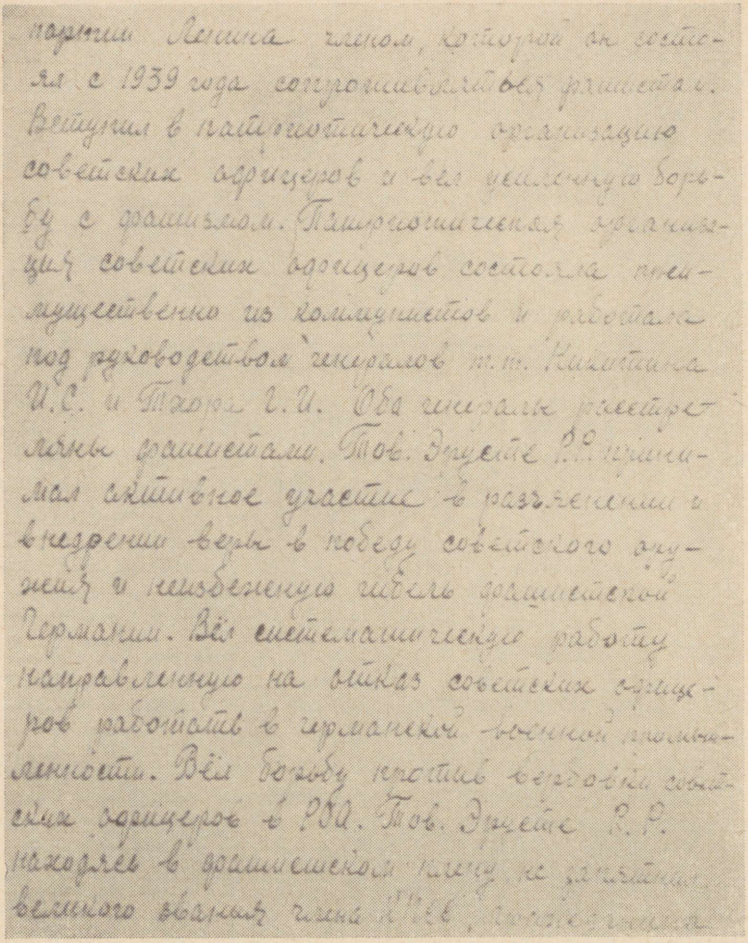
Со временем у меня в руках оказались письма друзей Роберта Эрусте. Думаю, что выдержки из них послужат отличным дополнением к моему рассказу.

Из белорусского города Полоцка пишет полковник в отставке Гавриил Иванович Фисенко, он был последним руководителем подпольной организации советских офицеров в Флоссенбюрге (генерал Павлов был за два месяца до эвакуации лагеря переведен в другое место): «Товарищ Эрусте Р. Р. нашел мужество, как верный сын советского народа, великой партии Ленина сопротивляться фашистам... Тов. Эрусте принимал активное участие в разъяснении и внедрении веры в победу советского оружия и неизбежную гибель фашистской Германии. Вел систематическую работу, направленную на отказ советских офицеров работать в германской военной промышленности. Вел борьбу против вербовки советских офицеров в РОА. Тов. Эрусте Р. Р., находясь в фашистском плену, не запятнал великого

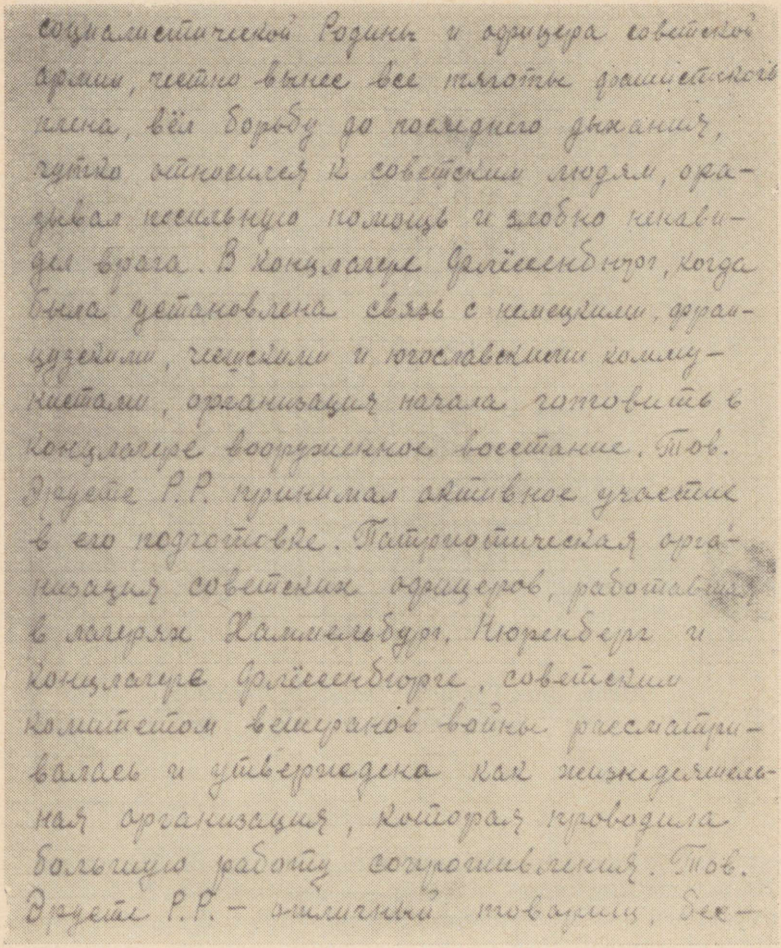


звания члена КПСС, гражданина социалистической Родины и офицера Советской Армии, вел борьбу до последнего дыхания».

Инженер Александр Ужинский пишет из Москвы: «Тов. Эрусте, рискуя своей жизнью, принимал деятель-

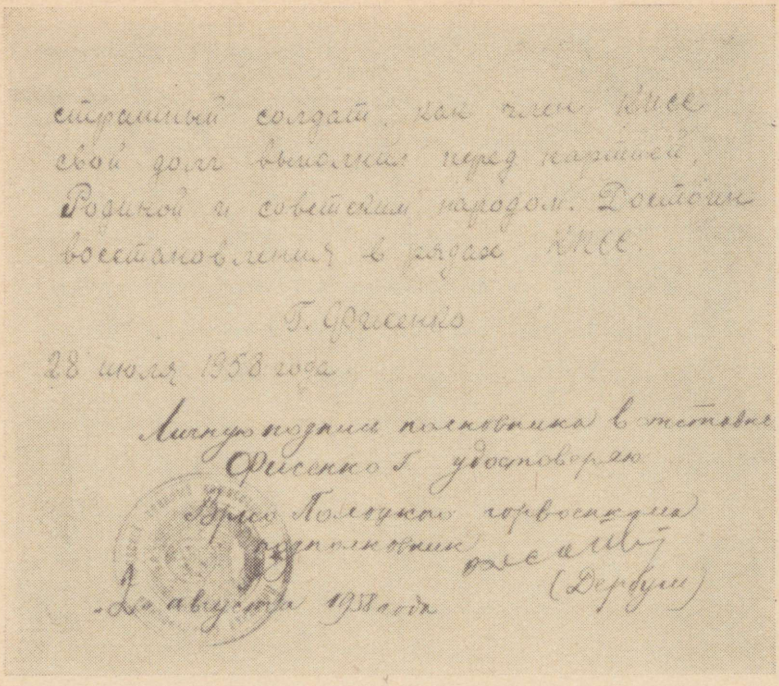


ное участие в подпольной патриотической работе, направленной на срыв мероприятий фашистского командования в лагерях. Как верный и стойкий коммунист, тов. Эрусте Р. Р. принимал деятельное участие в подготовке под руководством генерал-майора авиации Тхора большого побега пленных советских офицеров».
И еще весточка: в Забайкальском военном округе вышел номер газеты, посвященный памяти генерал-майо-



социалистической Родины и офицера советской армии, честно вынес все тяготы фашистского плена, вёл борьбу до последнего дыхания, чутко относился к советским людям, оказывал посильную помощь и злобно ненавидел врага. В концлагере Флёссенбюрг, когда была установлена связь с немецкими, французскими, чешскими и югославскими коммунистами, организация начала готовить в концлагере вооруженное восстание. Тов. Эрусте Р.Р. принимал активное участие в его подготовке. Патриотическая организация советских офицеров, работавшая в лагерях Хаммельбург, Нюренберг и концлагере Флёссенбюрге, советским комитетом ветеранов войны рассматривалась и утверждена как жизнедеятельная организация, которая проводила большую работу сопротивления. Тов. Эрусте Р.Р. — отличный товарищ, бес-

ра Григория Илларионовича Тхора, который приказом Министра обороны СССР посмертно навечно зачислен в боевые списки Н-ской авиационной части. На полях газеты надпись: «Майору Роберту Рудольфовичу Эрусте — герою подпольной патриотической организации советских офицеров, боевому другу генерала Григория Илларионовича Тхора». Еще одно письмо: «Здравствуйте, уважаемый Роберт Рудольфович. Ищем Вас все, и не



Полковник Гавриил Иванович Фисенко:
«Тов. Эрусте Р. Р. — отличный товарищ, бесстрашный солдат...»

можем найти. Ищут Панасенко, Ужинский, Николаев, Копелец, Кириллов, словом — все члены Хаммельбургского и Флоссенбюргского подполья. Большой дружеский привет Вам от Рудольфа Роткегеля, он сейчас на пенсии, проживает в городе Форст, Луйтц-Кегельдамм, 23. Просил передать Вам самые добрые пожелания». Следующее письмо, уже «найденному» Роберту Эрусте: «Борис Иванович Николаев, которому мы всем обществом Хаммельбурга поручили разыскать Вас хоть на дне морском, выполнил наше задание. Я знаю, уважаемый Роберт Рудольфович, какую большую роль в жизни и деятельности патриотической организации играли Вы и хочу надеяться, что Вы не откажетесь по-

Отзыв на бывшего члена КПСС тов. Эрусте Р.Р.

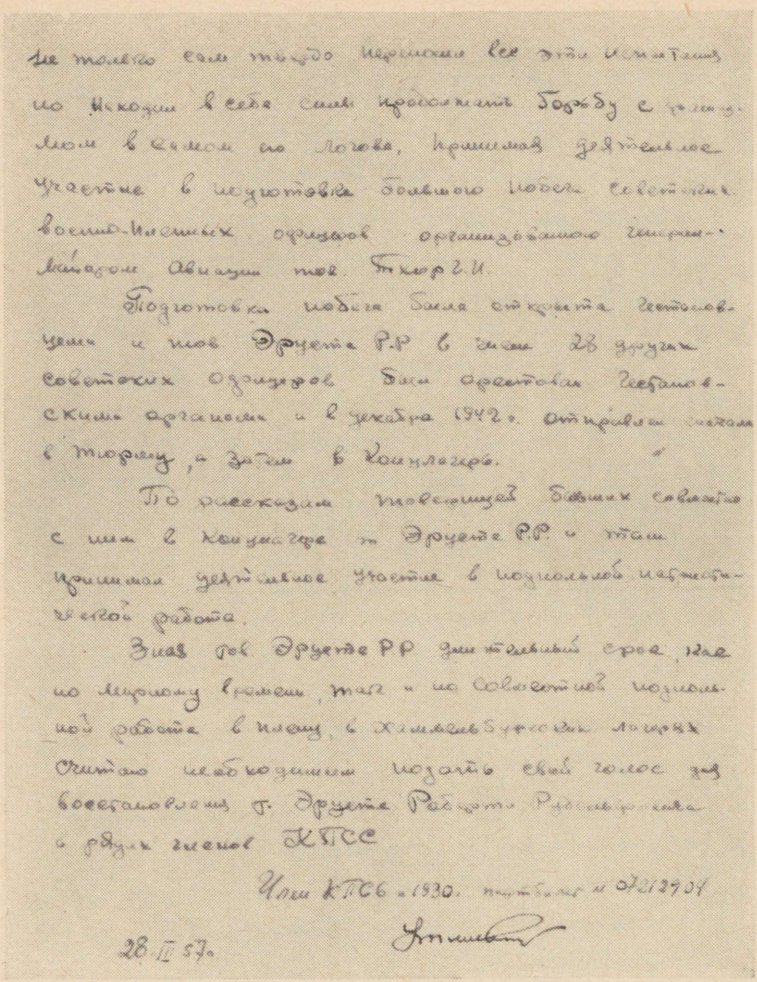
Я, Ужинский Александр Константинович, член КПСС с 1930 года, парт. билет № 07212904, проживающий в г. Москве по 2-й Бунтарской ул. дом № 19 кв. 1 знаю тов. Эрусте Роберт Рудольфовича с 1938 г. по совместному обучению в Военно-Инженерной Академии им. Куйбышева г. Москва, а также по совместному пребыванию в фашистском плену в г. Хаммельбурга (Германия).

Тов. Эрусте Р.Р. находясь в Хаммельбургском лагере показал себя как преданного нашей родине честного офицера стойкого Коммуниста и хорошего отзывчивого товарища.

Несмотря на существующие в лагере военнопленных голод и фашистский террор тов. Эрусте Р.Р., рискуя своей жизнью принимал деятельное участие в подпольной патриотической работе направленной на срыв мероприятий фашистского командования в лагерях.

Как образованный офицер т. Эрусте Р.Р. повседневно вел раз'яснительную работу среди советских военно-пленных, поддерживая бодрость духа среди колеблющихся и впадающих в Уныние от временных неудач советских войск в первый период Отечественной войны, а также от беспросветного голода и фашистского террора.

Как верный и стойкий Коммунист т. Эрусте Р.Р.



Люди, бывшие вместе с Робертом Эрусте в фашистских застенках, отзываются о нем, как о несгибаемом коммунисте. Отрывок из письма капитана Александра Константиновича Ужинского.

мочь мне в восстановлении героической истории борьбы Вашей патриотической организации...»

— А где проживает ваш «напарник» по кандалам Панасенко? — интересуюсь я.

— Николай живет и трудится в городе Одессе, — говорит Роберт Эрусте. — Знаю еще, что там же проживает Григорий Кикоть. Генерал Петр Петрович Павлов умер несколько лет тому назад в Москве, он являлся председателем президиума секции бывших военнопленных Советского комитета ветеранов войны. В Москве проживает генерал-майор Николай Филиппович Михайлов, который встал во главе хаммельбуржцев после ареста Григория Илларионовича Тхора.

Ну, а сам Эрусте? Что стало с ним после освобождения?

Через неделю после победы он — помощник начальника штаба сборно-пересыльного пункта сначала в

Генерал-майор авиации Григорий Илларионович Тхор — один из руководителей подпольной антифашистской организации советских офицеров в гитлеровских концлагерях.

Славный пример служения Родине

Встреча, посвященная памяти Генерал-майора авиации Г. И. ТХОРА

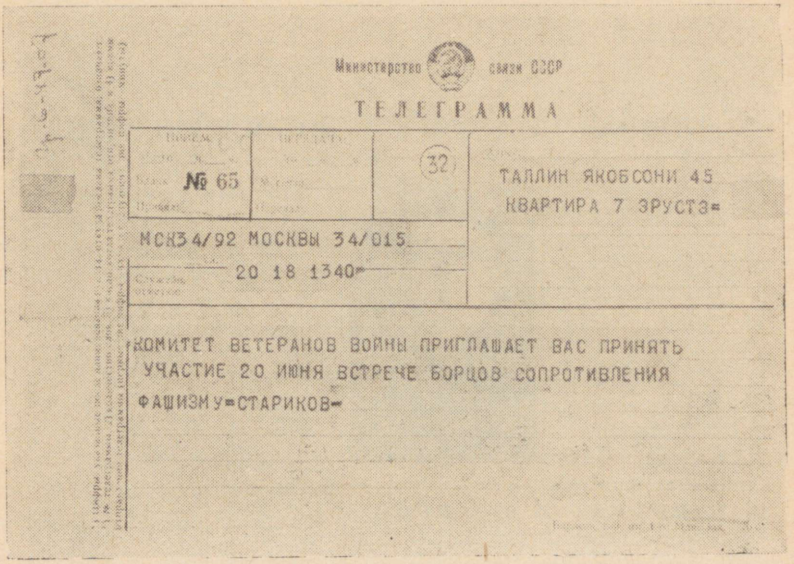
НЕСГИБАЕМЫЕ

С присягой в сердце

Германии, а потом в Чехословакии и Австрии. Дни и ночи напролет трудится он вместе с другими хаммельбуржцами и флоссенбюргцами, отправляя на родину эшелоны с советскими людьми, которых война разбросала по многим странам Европы.

Вернувшись на родину, Роберт Эрусте, майор запаса, некоторое время работал преподавателем военной кафедры в Ленинградском инженерно-строительном институте. А затем, «присмотревшись» к институту, сам окончил его с отличием. 6 ноября 1947 года за безупречную службу в вооруженных силах Указом Президиума Верховного Совета СССР Роберт Эрусте был награжден вторым орденом Красной Звезды. Вся дальнейшая жизнь этого замечательного человека после окончания института связана со строительством. Роберт Эрусте был главным инженером строительства в Кунда, главным инженером и начальником стройуправления в Кивиыли, директором Тартуского завода желе-

Телеграмма Советского комитета ветеранов войны Роберту Эрусте.



Министерство связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

№ 65 32

ТАЛЛИН ЯКОБСОНИ 45
КВАРТИРА 7 ЭРУСТЭ=

МСК34/92 МОСКВЫ 34/015
20 18 1340=

КОМИТЕТ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ ПРИГЛАШАЕТ ВАС ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ 20 ИЮНЯ ВСТРЕЧЕ БОРЦОВ СОПРОТИВЛЕНИЯ ФАШИЗМУ=СТАРИКОВ=

Майор Эрусте и герой Бреста капитан Воронов. Москва, 1958 год.

зобетонных изделий. До последнего времени, вплоть до своей смерти в начале 1965 года, герой хаммельбургского и флоссенбюргского подполья Роберт Эрусте являлся главным технологом треста «Строймеханизация» Министерства строительства Эстонской ССР в Таллине.

Роберт Эрусте достойный сын эстонского народа. Народ гордится им.

В ПОДПОЛЬЕ БУХЕНВАЛЬДА

Было это в те дни, когда представители почти всех народов Европы съехались в Тюрингию, чтобы еще раз напомнить миру слова легендарного чеха, который так любил людей...

Тут были немцы и русские, чехи и поляки, французы и датчане... И был один эстонец. Вместе со всеми он обошел музей, созданный на том самом месте, где был фашистский концентрационный лагерь. Один из крупнейших на карте «эсэсовской Европы», один из чудовищнейших в густой сети гестаповских застенков — Бухенвальд.

Гостю из Эстонии хорошо знакомы эти места... Крематории Бухенвальда... Телега для вывозки трупов людей, убитых выстрелом в затылок... Конюшня, внутри которой было специально оборудовано помещение для убийства выстрелом в затылок... Виселица...

Бывший узник Бухенвальда задумчиво стоит у экспонатов музея... Временами ему кажется, что всего этого не было, просто не могло быть потому, что это не подвластно уму человеческому. Но вот рука невольно коснулась стены крематория... Будто электричеством ударило! Это было... Хотя с трудом верится, был Бухенвальд. А там, на Рейне, стараются сделать все, чтобы забылось это слово — Бухенвальд.

Такое не забывается, никогда. Гостю из Эстонии вспоминаются стихи Бруно Апица:

Они нас истязали, унижали,
На нас взвалили непосильный труд.
Они нас в грязь, в болота загоняли.
В жестокий холод, в знойную жару.

Давно потерян счет их преступленьям,
Все муки, пытки — кто их перечтет?
Побоев град, обиды, оскорбления...
Погибшим здесь давно потерян счет!..

И все же здесь, где смерть была всесильна,
Где часто кнут свистел над головой,
Где слезы, пот и кровь текли обильно,
Единый фронт родился боевой.

Единый фронт родился боевой...
...И, стиснув зубы, мы вперед шагали,
И смелый с нами становился в ряд!

В Таллин бывший узник Бухенвальда Георгий Лойк вернулся с медалью Германской Демократической Республики «Борцу против фашизма 1933—1944». Он — первый эстонец, удостоенный этой высокой награды Новой Германии.

... В тот день, когда за Георгием Лойком со скрежетом захлопнулись огромные ворота Бухенвальда, ему было двадцать четыре года.

В свои двадцать четыре года он оказался в десятом фашистском концлагере, десятом и самом страшном.

А началось все с того, что в ходе яростных сражений с оккупантами на Порховском направлении недавний студент из Таллина Георгий Лойк, будучи тяжело раненным, попал в плен. Это было летом 1941 года.

Сперва Лойк оказался в Острове, в лагере для раненых военнопленных. Первым желанием было бежать. Но ведь кровоточили раны, да и эсэсовцы денно и нощно охраняли лагерь. Из Острова Лойка перевели в Ригу, тоже в лагерь для военнопленных, оттуда в рижскую тюрьму «Мазгадига». Стоял знойный август. У Лойка стали гнить раны, с ужасом увидел парень однажды, что в них завелись черви... Когда он сообщил об этом хозяевам тюрьмы — латышским буржуазным националистам, перешедшим на службу к фашистам, то те только зло поиронизировали над пленным.

— Зря волнуетесь, — сказал Лойку один из дюжих охранников, — с ними вам веселее...

Из «Мазгадиги» раненого Георгия Лойка перевели в Рижскую центральную тюрьму. Он видел, как в каме-

ру приводили людей с допроса. Исполосованные резиновыми дубинками спины. Следы кровоподтеков на лице. Выбитые зубы. Вывернутые руки. Оторванные ногти на пальцах.

Из рук латышских националистов Георгий Лойк попал в лапы эстонских буржуазных националистов: он был переведен в Хаапсалускую тюрьму. Допрос следовал за допросом. Угрозы, избиения, пытки. Особенно свирепствовал над узниками Аго Талвар, главарь ляэнемааских «омакайтчиков»: не было дня, чтобы из тюрьмы не вывозили в закрытых машинах заключенных. И всегда во главе палачей были Талвар и Лаак. От охранников узники впоследствии узнавали, что их товарищи расстреляны. Об этом говорил или подвыпивший тюремщик (за каждый выезд им полагалась определенная доза спиртного) или выдавал шарф на шее деятеля из «Омакайтсе», шарф, который еще вчера носил друг Лойка...

Из Хаапсалуской тюрьмы военнопленного Георгия Лойка перевели в Таллинскую центральную тюрьму, в распоряжение Викса. К этому времени у Лойка имелся уже солидный стаж узника. От вида ужасов, которые творили эсэсовцы — немцы и особенно их пособники из числа местных предателей, в Лойке с каждым днем крепло чувство протеста против фашизма. Что делать? Бежать? Но тогда подставишь под удар отца и мать, братьев и сестер — всю семью. Он знал, что об этом «позаботятся» Мяэ и Ангелус, Мере и Викс, Лаак и Луйтсалу... То ли заметили гестаповцы что-то неладное, то ли донес шпик о настроениях Лойка, но из Турба, где узников использовали на непосильных работах, его доставили в Центральную тюрьму под усиленной охраной, в наручниках. В камере, рассчитанной на десять человек, содержалось одновременно сорок и больше узников. Снова допросы, допросы... Лойку удалось скрыть то, что он был младшим политруком. Если бы узнал об этом Викс, разговор был бы коротким. И короткая резолюция — «EX».

И вот Бухенвальд.

Фашистская Германия. Георгий Лойк хорошо помнил ее со времен олимпийских игр в Берлине. Он, молодой спортсмен, неоднократный чемпион Таллина среди юношей по спортивной гимнастике и боксу, отличный

копьеметатель и пловец, превосходный лыжник и толкатель ядра, был в те дни в Берлине. Он помнил повсюду развевавшиеся флаги со свастикой, прусскую барабанную дробь...

Теперь он снова в фашистской Германии, в концлагере, созданном нацистами на живописных склонах горы Эттерсберг.

Вместе с Георгием Лойком номера бухенвальдских узников получили журналист Карл Ыйзмаа, Юрий Роос с Хийумаа, Эдуард Херм, таллинский рабочий Юрий Саалисте и ряд других эстонцев, пополнивших в мае 1944 года многонациональную семью узников Бухенвальда.

Здесь все было подчинено одной цели — превратить узников в безвольных рабов, которые боялись бы даже самой мысли о неповиновении. Злые собаки, не менее злые эсэсовцы. Комендант Кох, огромный стол которого в его рабочем кабинете украшали человеческие черепа (они хранятся до сих пор в музее Бухенвальда, обвиняя фашизм и призывая людей никогда не забывать, какие неисчислимые страдания он принес человечеству). Жена коменданта, садистка Ильзе Кох, особой «заботой» которой была заготовка... человеческой кожи для абажуров, перчаток и сумочек. Со всех сторон на лагерь смотрели холодные дула эсэсовских пулеметов. На высоких столбах колючая проволока в шесть-семь рядов — по ней пропущен ток высокого напряжения... Холод и голод. Узники были похожи на скелеты, многие из них потеряли половину и больше половины своего веса. Посредине центрального плаца, недалеко от «бука Гете» — огромная виселица. Вешали часто, причем каждый раз выстраивали весь лагерь, чтобы нагнать страх на узников. А над всем этим стелился густой черный дым и чувствовался едкий запах горевшего человеческого мяса — крематории работали круглосуточно...

Гестаповцам казалось, что лагерь весь в повиновении, но они ошибались. Вооруженные с ног до головы новейшим оружием, снабженные самыми утонченными средствами пыток, они были бессильны перед узниками, в сердцах которых пылала священная ненависть к фашизму, зрела готовность вести активную борьбу с коричневой чумой. В этом вскоре убедился и узник из

Эстонии Георгий Лойк и включился в движение Сопротивления бухенвальдцев.

... Через несколько дней после того, как бывший эстонский студент попал в Бухенвальд, его вызвал к себе староста блока № 51. Староста — немецкий коммунист по имени Вальтер, содержавшийся в концлагере с того дня, когда в Германии к власти пришел Гитлер, пристально посмотрел на узника, который, как того требовали строгие лагерные порядки, четко отрапортовал:

— Узник номер 56101 явился по вашему приказанию!

С минуту староста продолжал оглядывать пришедшего, а потом участливо, по-свойски, сказал:

— Это для них нужно, для гестаповцев. А тут мы вдвоем. Садитесь, пожалуйста.

— Не провокация ли? — молниеносно пронеслось в голове Лойка.

Сели, разговорились. Вначале шло «прощупывание». К своему удивлению, Лойк услыхал от Вальтера довольно много точных деталей из своей биографии. И как-то само собой получилось, что между двумя узниками — коммунистом-немцем и комсомольцем-эстонцем уже почти в самом начале беседы установились доверительные отношения.

Вальтер расспрашивал Лойка про Эстонию, интересовался тем, какие изменения произошли в жизни ее народа при Советской власти, спросил, в каких концлагерях он, Лойк, уже успел побывать. А потом добавил, что ему известно, что Лойк, находясь еще в Таллинской центральной тюрьме, неоднократно сидел в карцере за связь с внешним миром, за то, что распространял среди своих друзей правдивую информацию о положении на фронтах.

Эту ценнейшую информацию передавала Лойку жительница Таллина Лийза Кяэрман, которая, в свою очередь, получала ее от врача Махлапуу, проживавшего в Таллине, по ул. Сээне, 12. Передача информации происходила в то время, когда узников «Батарейки» выводили на работу на станцию Копли-Товарная и когда Лийза Кяэрман тайно от охранников-омакайтчиков, улучив момент, вместе с лекарствами передавала Лойку и сообщения.

Так прошло несколько недель. Как-то раз Вальтер

снова пригласил к себе Георгия Лойка. На этот раз долго не беседовали.

— Знаешь, Георгий, завтра из Бухенвальда будут отправлять эшелон в Дору, — тихо сказал Вальтер. — Дора — это страшный лагерь в подземелье, где изготовляются «фау-1». Работами руководит сам фон Браун. Ты занесен в списки. Но я хочу оставить тебя здесь. На перекличку не выходи. Спрячу тебя в соседнем блоке — договоренность с товарищами имеется. Все. Иди.

Это было уже полное доверие. Сердце Лойка забилось учащенно, он с любовью посмотрел на ветерана немецкой коммунистической партии, который вовлек его в движение Сопротивления.

Доверие друзей окрылило молодого узника, удесятерило силы. Он уже и раньше кое о чем догадывался, а теперь, после бесед с Вальтером, яснее ощутил, какую силу представляют эти люди, от имени которых говорил немецкий коммунист. В этом он еще больше убедился, когда однажды в бараке один русский военнопленный, худой и оборванный, страстно декламировал... Маяковского. В огромном бараке воцарилась тишина.

Читайте, завидуйте, я —
гражданин Советского Союза!

смело и гордо звучал голос узника, произносивший в одном из самых чудовищных гестаповских застенков огненные слова поэта-борца.

Лойк убедился во влиятельности Вальтера и других товарищей по Сопротивлению лишний раз, когда в июне 1944 года в блок, где содержались Лойк и его друзья, зашел узник... с фотоаппаратом. Моментально в дверях была выставлена двойная охрана из узников: изнутри и снаружи. Человек с фотоаппаратом сказал: «Товарищи! Сделаем снимок. Располагайтесь все на нарах, как обычно лежите, только лицом к проходу!

— Это еще зачем? — пробурчал недовольно кто-то из узников, которого приход таинственного фотографа оторвал ото сна.

— Надо, — коротко ответил фотограф. — Для будущего.

В скобках заметим, что «операция» удалась — снимок опубликован в книге «СС в действии», вышедшей

в ГДР в 1957 году. Лойк узнал себя на том снимке и недавно немецкие друзья прислали ему увеличенную фотокопию.

Вскоре после тайного фотографирования Вальтер свел Лойка еще с одним руководителем движения Сопротивления в Бухенвальде — русским военнопленным Иваном Смирновым (позже, после войны, Лойк узнал, что его новый знакомый был членом Интернационального лагерного комитета, куда входили узники из десяти стран). Иван Смирнов сказал Лойку, что через Вальтера знает многое о нем. Спросил только, какие языки Лойк знает (он владеет, кроме эстонского, русским, немецким и немного английским); поинтересовался, в какой степени он знаком с топографией (Лойк служил в эстонской буржуазной армии топографом-чертежником, что было известно Вальтеру).

Узнав, что его собеседник рисует, Иван Смирнов в шутку заметил:

— А ну, друг, давай проверим, какой ты художник!

Вальтер быстро достал карандаш и листок бумаги и протянул их Лойку. Ловко орудуя карандашом, Лойк довольно быстро сделал набросок человека, о котором тогда еще мало что знал.

— Оо, гут, гут, — похвалил Вальтер, рассматривая снимок. — Полное тождество.

Понравился снимок и самому Смирнову.

— Где вы научились так хорошо рисовать? — поинтересовался член Интернационального лагерного комитета.

— Давно рисую, — ответил узник № 56101. — В лагерях рисовал. В Штутгофе, например, по заданию польских друзей по Сопротивлению мне пришлось тайно нарисовать портрет коменданта лагеря Хоппе, чтобы по нему можно было бы сразу узнать этого человека.

Поговорив с Лойком примерно полчаса, Иван Смирнов пожелал ему успехов... в рисовании. Ни словом не обмолвился о борьбе с фашистами. Это даже обидело Лойка. Прошло несколько дней. Как-то вечером Лойка снова вызвал старший блока Вальтер.

— Как ни жалко, но нам надо временно расстаться, — прямо приступил к делу Вальтер. — Договорились, что переведем тебя в другой блок. Можешь не беспокоиться, мои немецкие друзья знают о тебе. Бу-

Бухенвальд. На средней наре, справа, без головного убора, — Георгий Лойк. Снимок получен из Берлина, от наших немецких друзей.

дешь действовать вместе с ними — работа предвидится на заводе, выпускающем вооружение для фашистской армии. Понимаешь?

Как ни жаль было расставаться Лойку со своим немецким другом, но пришлось. Ничего не поделаешь, приказ, который, видимо, исходил от комитета по Сопротивлению.

Так узник из Эстонии Георгий Лойк оказался в команде «Ми-бау» («Миттельдейче баугемейншафт») на заводе «Густлов-Верке», расположенном на территории концлагеря Бухенвальд. В цехах «Ми-бау» изготовлялись части «фау-1» и «фау-2».

По поручению немецких товарищей, работавших, как и все участники Сопротивления в Бухенвальде, под руководством Интернационального комитета, эстонский комсомолец Георгий Лойк стал участником группы бухенвальдского Сопротивления в «Ми-бау».

Кстати, много интересного о подполье в Бухенвальде рассказал мне член Интернационального лагерного комитета Николай Кюнг, член редакционной коллегии от СССР по составлению сборника «Бухенвальд. Документы и сообщения», Берлин, Конгресс Верлаг 1960.

Николай Кюнг, член правления Советского комитета ветеранов войны, гостил у меня в Таллине, и я, воспользовавшись тем, что у меня «под рукой» выдающийся организатор Сопротивления в Бухенвальде, поинтересовался, что сумели сделать бухенвальдцы, в частности, те из них, которые организовали и проводили саботаж в цехах «Ми-бау».

— Трудно, конечно, на это ответить более или менее точно, — сказал Николай Кюнг. — Ведь мы работали в условиях строжайшей конспирации, да и о результатах саботажа в «Ми-бау» узнали лишь много позже, уже после разгрома фашизма, когда союзные войска захватили, в числе других трофеев, и материалы, касающиеся гитлеровского «чудо-оружия». По данным архива Бухенвальда при Немецком институте современной истории в Берлине, — продолжал Николай Кюнг, — из 9300 «фау-1», которые были запущены в сторону Англии, 2000 упали при старте, а 800 вследствие неполадок в управлении не достигли цели. Часть этих осечек следует объяснить саботажем со стороны заключенных. Их деятельность спасла жизнь и здо-

ровье тысячам англичанам и бельгийцам, сохранила от уничтожения их имущество.

... Это было в июне 1944 года, незадолго после того, как комендант Бухенвальда получил циркулярное письмо начальника отдела Д Главного административно-хозяйственного управления СС, в котором, в частности, указывалось: «... Прошу на будущее время в тех случаях, когда будут установлены факты саботажа (для этого требуется сообщение руководства предприятия), ставить перед нами вопрос о повышении виновных. Приговор должен быть приведен в исполнение перед строем всех заключенных данной рабочей команды, причем в целях устрашения необходимо объявить о том, за какое преступление заключенный подвергается смертной казни».

Вскоре после поступления этого приказа оберштурмбанфюрера СС Маурера, требовавшего повешения за саботаж, Георгий Луйк и стал организовывать саботаж на участке, где изготовлялись части для «фау».

... На участке, где изготовлялись стабилизаторы, вместе с Георгием Лойком работали его друзья по Сопротивлению Даниил Федорович Купцов (проживает сейчас в Донецкой области), Анатолий Михайлович Вишневский (ныне житель Киевской области. Лойк недавно встречался с ним в Киеве), Алексей Александрович Грибанов (бывший первый секретарь Подольского райкома города Киева, не дожил до дня Победы), голландец Жак ван Пюттен, военнопленные офицеры Советской Армии Василий Евгеньевич Абрамов, Григорий Новиков, латыш Александр Борисовс, грузин Григорий Джугашвили, бывший польский помещик и бывший капитан польской армии (имени его Лойк не запомнил), группа немецких и чешских коммунистов, бывшие французские партизаны, группа политзаключенных-испанцев, дезертиры из фашистской армии Муссолини, патриот из Бельгии — владелец фабрики, отказавшийся выполнять военные заказы для вермахта.

Разные люди. Секретарь райкома и помещик. Рабочий и капиталист. Солдаты и офицеры. Коммунисты и католики. Люди разных национальностей: немцы и русские, украинцы и грузины, французы и испанцы, чехи и поляки, латыши и эстонцы, итальянцы и бельгийцы — представители почти всех стран Европы.

Но цель у всех одна — бороться против фашизма, даже когда, кажется, для этого нет никаких возможностей.

Люди боролись даже за колючей проволокой, боролись и побеждали, ибо в их сердцах пылал гнев против фашизма.

... Вместе с Даниилом Купцовым Георгий Лойк был на «эндконтроле» — они должны были дать оценку частям «фау», которые шли по конвейеру. Они знали, что поступающие к ним многие балансировочные диски, гироскопы и прочие детали «фау» годятся только по внешнему виду. Лойк знал это, потому что Анатолий Вишневский, член его группы, точивший эти диски, всегда умел делать так, что следы саботажа не могли быть сразу замечены эсэсовцами, многие из которых к тому же почти не разбирались в технических вопросах. А узник из Эстонии смело давал визу негодной детали. В присутствии же технически грамотного эсэсовца Вишневский, по едва заметному знаку Лойка начал кромсать дюралюминий, из которого изготовлялись диски для гироскопа. Бывало, что из каждых десяти дисков Лойк, работавший на «эндконтроле», забраковывал большинство. Немец ругался, но узники находили выход из положения... Они доказывали ему, что работа точная, и потому при малейшей ошибке деталь приходится забраковывать. Как же иначе? — деланно возмущался Лойк, когда один из эсэсовцев очень возмутился, — не могу же я выпустить детали, не соответствующие требованиям? Ведь за это — виселица.

— Гут, гут, — пробасил тот. — Да, за саботаж мы вешаем!

В те дни за саботаж вешали часто. Попадались, в первую очередь, саботажники-одиночки, если можно их так называть. Эти люди не были пока еще связаны с организованным подпольем Бухенвальда, но они не желали работать на фашистов, и вредили, как умели.

Тяжко было видеть все это товарищам из организованного Сопротивления. Гнев пылал в сердцах узников и священное пламя этого гнева было сильнее всех расчетов фон Брауна: его «фау» все чаще стали падать, вместо Англии и Бельгии, в Ла-Манш, или уже при старте.

Чем свирепее становились эсэсовцы, тем изобретательнее узники из бухенвальдского Сопротивления.

— Резко увеличилось число деталей с незаметными дефектами, которые мы сумели пропустить через «эндконтроль», — вспоминает Георгий Лойк. — Как мы это делали? Вот поступает ко мне или моему другу Купцову стабилизатор «фау». Я знаю, что крылышки к нему припаяны не так крепко, как полагается. Знает это и немец-мастер, с которым меня связал Вальтер. Знают мои друзья из группы. Они следят за мной. Я устанавливаю стабилизатор на испытательный стенд и даю только... третью часть полагающейся нагрузки. Деталь выдерживает — крылышки не отваливаются.

И так изо дня в день.

— Хорошо помню своего товарища по Сопротивлению — голландца Жака ван Пюттена, — рассказывает Георгий Лойк. — Он отличался тем, что по нескольку часов подряд «проверял» один и тот же гироскоп — то на испытательном стенде, то на температурном. Когда к нему подходил эсэсовец и зло спрашивал, почему он все время вертит в руках один и тот же гироскоп, то голландец обычно отвечал:

— Стараюсь лучше выполнить работу. Ведь за брак могут...

— Ладно, ладно, — отрезает эсэсовец. — Всех бы вас перевешать...

Отходил эсэсовец, и Жак снова запускал в «проверку» все тот же гироскоп.

— Был случай, — вспоминает Георгий Лойк, — что за целый день Жак ван Пюттен проверил только один гироскоп. По нормам на эту операцию полагалось минут десять-двадцать. Пока происходило такое «испытание», мой друг занимался своим любимым делом: разрабатывал технические чертежи к изобретенным им весам для измерения маленьких частиц.

Не знаю, где сейчас находится этот смелый участник группы Сопротивления, — задумчиво говорит Лойк. — После освобождения он поступил в английскую армию, получил патент на свои «бухенвальдские весы», а потом, кажется, уехал в Индонезию, бывшую тогда под властью Голландии...

Кроме организации саботажа на производстве деталей для «фау», Георгию Лойку вскоре поручили еще

ряд заданий. Тайно от всех он точно измерил длину и ширину огромного цеха, затем расстояние от одного цеха до другого. Узнику № 56101 приходилось по заданию товарищей по Сопротивлению тайно следить за окнами виллы Коха — надо было установить, когда комендант лагеря занавешивал окна...

Главным участком, где действовала группа, был цех «Миттельдейче баугемейншафт». К осени 1944 года саботаж узников в «Ми-бау» стал таким организованным и массовым, что забеспокоились высшие чины гестапо в самом Берлине. Через немецких друзей-коммунистов стало известно, что в Бухенвальд, на завод «Густлов-Верке» ожидается прибытие квалифицированной комиссии гитлеровских специалистов.

— Тогда все мы, участники Сопротивления, — вспоминает то тревожное время Лойк, — получили приказ усилить бдительность и конспирацию, но ни на минуту не ослаблять саботаж. — Но вместо берлинской комиссии прилетели... английские самолеты, которые довольно точно разбомбили то, что еще вчера называлось «Густлов-Верке» и «Миттельдейче баугемейншафт».

Что стало с людьми, участвовавшими вместе с Георгием Лойком в бухенвальдском Сопротивлении?

...Случилось так, что когда я собирал материалы для этого документального рассказа, в Таллине гостили мои коллеги из Украинского радио. Узнав, что иные из друзей Георгия Лойка проживают в Киеве, они разыскали в Таллине узника № 56101 и повезли к себе в редакцию «живое письмо» Георгия Лойка своим украинским друзьям по бухенвальдскому подполью. Его рассказ был передан по Украинскому радио, и послужил, как нам сообщили из Киева, выявлению новых участников бухенвальдского Сопротивления на Украине. На него откликнулись, в частности, киевляне Анатолий Вишневский и Владимир Рудченко, бывшие в одной группе с Георгием Лойком в Бухенвальде. Киевляне написали письмо узнику № 56101, в котором рассказали о своих делах, о том, что после передачи озвученного рассказа бывшие бухенвальдцы, проживающие на Украине, решили, по примеру своих эстонских друзей, собраться и создать секцию бывших узников фашизма. Вместе с письмом из Киева Анатолий Вишневский и Владимир Рудченко прислали Георгию Лойку

Встреча бывших узников фашизма, участников движения Сопротивления в концентрационном лагере Бухвенвальд. Георгий Лойк (в середине) и его украинские друзья А. М. Вишневский и В. В. Рудченко в Киеве, на площади Богдана Хмельницкого в мае 1963 года.

несколько снимков, часть из которых была отобрана у эсэсовцев в ходе освобождения лагеря, часть сделана самими узниками, членами подпольных групп.

Сейчас между узниками Бухенвальда, проживающими на Украине и в Эстонии, установились широкие связи. Друзья обмениваются материалами и документами, касающимися героического восстания в Бухенвальде, намечают новые встречи, чтобы громче звучал голос бывших узников фашизма в борьбе за мир, их призыв к бдительности. Что касается Георгия Лойка, то он в своих письмах украинским друзьям делится

Этого нельзя ни забыть, ни простить...

также опытом работы секции бывших узников фашизма при Эстонском республиканском комитете защиты мира.

...Мы сидим с Георгием Лойком в моем кабинете в Эстонском радио и ведем разговор о делах бухенвальдских, рассматриваем фотографии, полученные из Киева.

— Интересно, а где сейчас мои немецкие друзья по бухенвальдскому Сопротивлению? — тихо, как бы про себя, говорит Лойк, откладывая в сторону фотографии.

— Давайте попробуем поискать их через радио Германской Демократической Республики, — предлагаю я. — Ведь узнали же мы много интересного с помощью Украинского радио...

— Тогда включайте микрофон, — в тон мне продолжил мой собеседник.

— С удовольствием.

Лойк начал чуть взволнованно:

«Говорит бывший узник Бухенвальда № 56101 Георгий Лойк из Эстонской ССР. Мы, бывшие заключенные фашистских концлагерей, с беспокойством следим за ходом событий в Западной Германии, где бывшие

нацисты и военные преступники вновь захватили многие важные посты: они руководят реваншистским бундесвером, работают дипломатами, неоднократно входили в состав правительства Западной Германии. Можно сказать, что нынешние правители ФРГ следуют гитлеровскому курсу «Дранг нах Остен».

Естественно, что в таких условиях мы не можем оставаться пассивными наблюдателями, нет, мы будем всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами разоблачать фашизм, мы будем разоблачать все коварные замыслы неонацистов, недобитых эсэсовцев и гитлеровцев.

Мы, бывшие узники концлагерей, боремся за мир. В настоящее время мои друзья и я помогаем составлять сборник, разоблачающий преступления гитлеровских фашистов и их приспешников на территории оккупированной Эстонии в годы второй мировой войны. С этой целью мы тщательно собираем материалы, воспоминания бывших узников фашистских концлагерей. Пользуясь микрофоном, я обращаюсь ко всем своим немецким друзьям, особенно к участникам Сопротивления в Бухенвальде. Я разыскиваю своего друга Вальтера, ветерана немецкой коммунистической партии. Вальтер был старостой блока № 51 в Бухенвальде. Дорогой друг! Я обращаюсь к тебе и твоим друзьям по борьбе, которые так много сделали для меня. Вспомните молодого художника из Эстонии, которого привезли в Бухенвальд из Штутгофа в мае 1944 года и который был предназначен для отправки в Дору.

Это был ты, Вальтер, и твои друзья, которые спрятали меня во время переклички в блоке № 52, а потом вовлекли в движение Сопротивления.

Мои дорогие немецкие друзья, бывшие узники фашистских концлагерей, кто слушает мое выступление, с которыми мы вместе боролись, — сообщите о себе, напишите нам. Мы ждем ваших писем.

Моему дорогому Вальтеру и его друзьям — бывшим бухенвальдцам — искренний привет из Советской Эстонии.

Антифашисты всех стран, соединяйтесь!»

И вот в Берлин летит из Таллина пленка. Нам отвечают немецкие коммунисты — участники бухенвальдского Сопротивления.

Первым пришло письмо из Берлина, от бывшего члена Интернационального лагерного комитета Бухенвальда товарища Вальтера Бартеля. Стойкий борец против фашизма, Вальтер Бартель уже в 1933 году был брошен нацистами в каторжную тюрьму Бранденбурга, а с 1939 по 1945 год томился в Бухенвальде и был одним из руководителей движения Сопротивления в этом концлагере, в частности, немецкой секции Интернационального лагерного комитета, в которую был вовлечен и узник № 56101. Таким образом, немецкий коммунист Вальтер Бартель был и начальником эстонского комсомольца Георгия Лойка по движению Сопротивления в Бухенвальде. В лагере они друг друга не знали. Больше того — ни разу не виделись. Таковы были строгие законы конспирации. Теперь же, после передачи по радио Германской Демократической Республики очерка «Георгий Лойк ищет своих друзей», Вальтер Бартель разыскал узника № 56101. Вальтер Бартель, ныне профессор университета имени Гумбольдта и директор Немецкого института современной истории в Берлине, сообщил Георгию Лойку радостную весть: товарищ Вальтер, тот самый немецкий коммунист, о котором говорится и в нашем рассказе «В подполье Бухенвальда», жив. Профессор Вальтер Бартель разыскал и сообщил эстонскому товарищу адрес Вальтера Зонтага (так зовут немецкого патриота, вовлекшего Лойка в Сопротивление).

Кроме профессора Бартеля, на радиоочерк «Георгий Лойк ищет своих друзей», переданный по радио ГДР, откликнулся еще один немецкий товарищ — известный журналист и публицист Юлиус Мадер. Его, автора книги «Тайна Хантсвилла», заинтересовала судьба узников из Эстонии, которых из Бухенвальда отправили в Дору, к Вернеру фон Брауну. «Я рад, — писал Юлиус Мадер в одном из своих писем Георгию Лойку, — что Вы и Ваши товарищи так усиленно работаете, чтобы сделать возможным составление по маленьким частицам, как мозаики, еще ненаписанной истории лагеря «Дора»». Юлиус Мадер сообщает также, что киностудия «ДЭФА» готовит по его книге «Тайна Хантсвилла» фильм, который должен скоро выйти. «Я позаботился о том, — говорилось в письме, — чтобы изображение борьбы против фашистов в лагере «Дора» нашло бы

PROF. DR. WALTER BARTEL

Berlin-Treptow, den 22.12.1964
Am Treptower Park 21
Tel. 57 76 86

Genossen
O.Loik
Friedensrat der Estnischen SSR

T a l l i n

Werter Genosse Loik!

Ich danke Ihnen für Ihren Brief vom 7.12. mit den ausserordentlich interessanten Materialien. Leider erhielt ich Ihre Post erst am 20., sodaß ich Ihnen nicht einmal einen Gruß zu Ihrer Tagung schicken konnte. Die Kürze der Zeit ließ auch jede Möglichkeit hinfällig werden, Sie zu dieser Veranstaltung zu besuchen. Erfahrungsgemäß wird dazu eine Frist von mindestens einem Monat benötigt. Ich selbst und auch meine Freunde sind keineswegs abgeneigt, Sie zu besuchen, aber die Einladung müßte dann viel früher erfolgen.

Es freut mich, daß ich Ihnen mit den Adressen von den Kameraden Eberhardt und Sonntag dieren kann.

Walter Eberhardt, Borna b.Leipzig, Straße der Roten Armee 47

Walter Sonntag, Jena, Spitzweidenweg 91.

Die Adresse des Kameraden Bobschat muß ich erst auffinden; mir ist zwar der Name bekannt, aber ich besitze nicht die Adresse. So wie ich sie besitze, lasse ich es Sie wissen.

Wir bereiten jetzt den 20.Jahrestag der Befreiung Buchenwalds vor. Besteht eine Möglichkeit, daß auch von Ihren Kameraden Vertreter an dieser Veranstaltung teilnehmen werden? Sie haben doch sicher Verbindung mit dem Sowjetischen Komitee der Veteranen des Krieges, das dafür maßgeblich ist. Es würde mich und meine Freunde sehr freuen, estnische Kameraden hier begrüßen zu können.
Bei den zugesandten Photos wäre es sehr wichtig, die Namen zu wissen. Können Sie das noch nachholen?
Nach dem eingehenden Studium des Materials, werde ich sicher noch Fragen an Sie haben und mich dann wieder an Sie wenden.
Für heute nochmals vielen Dank, beste Grüße und alles Gute
für das Neue Jahr

Ihr Kamerad

Walter Bartel

Письмо профессора доктора Вальтера Бартеля
своему другу по Сопротивлению в Бухенвальде Георгию Лойку.

там подобающее место. Соответствующие съемки будут производиться в подлинных шахтах».

По просьбе Юлиуса Мадера Георгий Лойк от имени секции бывших узников фашизма при Эстонском республиканском комитете защиты мира выслал немецкому публицисту воспоминания Карла Ыйзма и других граждан ЭССР, переживших все ужасы концлагеря «Дора» и чудом оставшихся в живых.

И еще об одном отклике — ответе на наши поиски — хочется рассказать. Вернее, это продолжение очерка, развитие темы интернациональной дружбы.

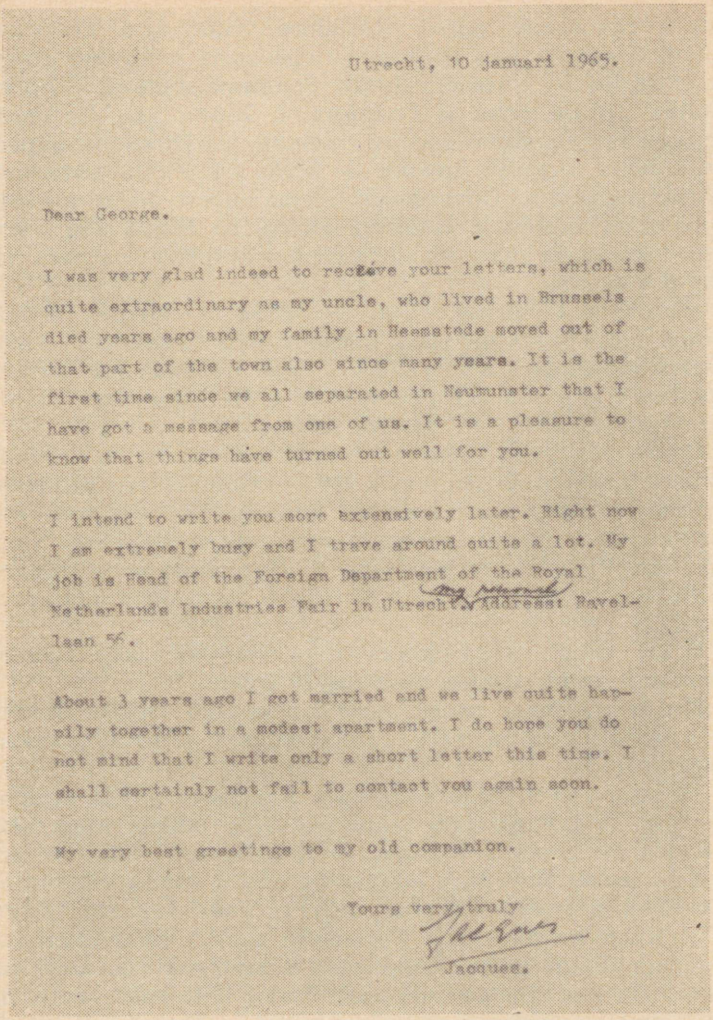
Речь пойдет о голландце Жаке ван Пюттене. Долго продолжались поиски этого человека. Георгий Лойк вспомнил, что расставаясь со своим голландским товарищем, он получил два его адреса, написанные лично Жаком ван Пюттеном. Но с тех пор прошло уже двадцать лет. Найдут ли письма бывшего отважного участника Сопротивления?

«Через полгода будет двадцать лет, как мы расстались, — писал Георгий своему другу Жаку. — Это было после нашего освобождения из фашистской неволи. — Надеюсь, ты еще не забыл тех тревожных дней перед нашим освобождением, марш через Кильский мост, занятие нами Кильского вокзала, марш до Неймюнстера...

Как идут у тебя дела и как удалось тебе завершить свою работу, над которой ты трудился, находясь рядом со мной в концлагере Бухенвальд? По-моему, военная служба была не для тебя — в моей памяти ты всегда оставался научным работником, таким помню тебя до сих пор... Я никогда не забуду, как ты активно участвовал в саботаже. Ты, Жак, был молодцом... Это письмо я пишу по двум твоим адресам, которые ты мне собственноручно написал и которые я храню до сих пор.

Крепко жму твою руку!
Твой друг Георгий».

Письма были отправлены. Шло время, а ответа не последовало. Где ты, боевой товарищ Жак? Отзовись! Шел месяц, второй. Наконец пришло письмо от Жака. Он жив, отлично помнит своего эстонского друга по Бухенвальду. Только дядя Жака, проживавший до вой-



Utrecht, 10 januari 1965.

Dear George.

I was very glad indeed to receive your letters, which is quite extraordinary as my uncle, who lived in Brussels died years ago and my family in Heemstede moved out of that part of the town also since many years. It is the first time since we all separated in Neumunster that I have got a message from one of us. It is a pleasure to know that things have turned out well for you.

I intend to write you more extensively later. Right now I am extremely busy and I trave around quite a lot. My job is Head of the Foreign Department of the Royal Netherlands Industries Fair in Utrecht. Address: Ravellaan 56.

About 3 years ago I got married and we live quite happily together in a modest apartment. I do hope you do not mind that I write only a short letter this time. I shall certainly not fail to contact you again soon.

My very best greetings to my old companion.

Yours very truly

Jacques.

Письмо бывшего узника Бухенвальда голландца Жака ван Пюттена Георгию Лойку, вместе с которым нынешний житель Утрехта принимал активное участие в движении Сопротивления.

ны в Брюсселе, адрес которого Жак дал Георгию, умер. А семья ван Пюттена переехала в другой город Голландии — Утрехт. Долго бродили письма Георгия Лойка по Бельгии и Голландии. Жака ван Пюттена искали его бывшие соседи, искали девушки из адресных бюро, искали друзья — всем им очень хотелось, чтобы письмо из Советского Союза во что бы то ни стало нашло адресата. Письма дошли до Жака ван Пюттена. И вот из голландского города Утрехта письмо летит в Таллин.

«Дорогой Георгий! — пишет Жак. — Право, я был очень рад, получив твои письма, что является весьма экстраординарным случаем... Это первый раз с того времени, как мы все расстались в Неймюнстере, что я получил весточку от одного из нас».

Далее товарищ Георгия Лойка, о котором он не знал ничего в течение двадцати лет, сообщает, что работает руководителем иностранного отдела Королевской нидерландской промышленной ярмарки в Утрехте. Года три тому назад он женился и «мы живем, — пишет Жак, — очень счастливо вместе в скромных аппартаментах...».

Итак, Жак, голландский друг, ты нашелся! Бухенвальдцы протягивают друг другу руки.

Им не преграда расстояния и границы. Время ничего не стерло из их памяти. И они говорят: «Это не должно повториться!»

«Я рад, что и ты находишься в первых рядах борцов за мир. Я постараюсь написать тебе более подробное письмо, — сообщает Жак. — Я действительно не хотел бы вновь потерять контакт с тобой. Мои наилучшие пожелания моему старому другу. Твой верный Жак».

... Крах фашистской Германии застал бухенвальдца Георгия Лойка и его товарищей в районе Кильского канала. За два дня до победы, 7 мая 1945 года, еще до прихода английских войск, узники — а в одной из их групп, состоявшей из русских, украинцев, поляков и испанцев, находился и Георгий Лойк, — заняли Кильский главный железнодорожный вокзал. Но это была еще не свобода. Случилось так, что именно в день Победы Георгий Лойк снова оказался в фашистской тюрьме — это произошло в городке Неймюнстере, уже после того, как через город проехала группа английских

«Джиппов». Союзники поехали принимать капитуляцию Киля, им было не до узников. И лишь 13 мая английский офицер распахнул двери Неймюнстерской тюрьмы.

Свобода! Теперь — домой, в Таллин! Но не сразу попал измученный узник в родные края. По рекомендации друзей Лойка, участвовавших вместе с ним в Сопротивлении, лейтенант Советской военной миссии Окороков, прибывший в английскую зону через два дня после выхода Лойка из тюрьмы, назначает его комендантом лагеря, в котором собирались советские люди, оказавшиеся в конце войны на чужбине: бывшие военнопленные, узники фашистских концлагерей. Так прошел месяц с лишним. Работая день и ночь, Лойк помог отправить на Родину многих советских людей.

Тепло и сердечно распрощался он со своими друзьями по бухенвальдскому Сопротивлению Данилом Купцовым, Анатолием Вишневским, Александром Борисовсом и другими...

Одним из последних, закончив дела, возложенные на него офицером Советской военной миссии, из английской зоны выехал и Георгий Лойк. Советская зона... Радостные, ликующие лица советских людей, принесших свободу немецкому народу. Как дорого далась нам эта свобода!

Но участник бухенвальдского Сопротивления Лойк снова попадает в лагерь. Правда, на этот раз в лагерь для интернированных советских граждан. Сперва в Рибнице, потом в Тюркове, затем еще один — фильтрационный во Франкфурте-на-Одере. И лишь на шестой месяц после победы над фашизмом узник фашистских концлагерей Георгий Лойк был окончательно освобожден. Его перевели в одну из частей Московского военного округа, где он прослужил только три с половиной месяца. Потом приехала какая-то комиссия и военнослужащего Георгия Лойка решили демобилизовать. Но вместо удостоверения о демобилизации выдали... репатриационное свидетельство и лишили воинского звания.

Зимой 1946 года Георгий Лойк приехал в родной Таллин. Стал искать правду. Но нашел ее не сразу.

— Слишком уж много концлагерей прошел ты, браток, разве во все это поверишь, — без тени смущения

Бывшие узники Бухенвальда в Таллине,
на своей первой встрече.

сказал бывшему узнику в одном из министерств начальник отдела кадров, которому он предложил свои услуги.

Отказывали везде, иногда прямо, иногда с уловками. Лойк не прекращал борьбы за справедливость. Он много работал как художник. Связывался с друзьями по бухенвальдскому Сопротивлению. Узнал, что многие из них прошли более длинный и долгий путь, пока оказались в родных краях. А иные так и не вернулись.

Так шли годы. Шло время. И вот наступил день, когда Георгия Лойка вызвали в военкомат.

— Поздравляю вас, дорогой товарищ, с высокой правительственной наградой, — от души сказал комиссар, вручая Георгию Лойку медаль «За отвагу». В то время, когда майор прикреплял медаль к лацкану пиджака, Лойк вдруг почувствовал боль в правой ноге. Семь осколков ранили его правую ногу в ходе суточного боя под Порховом летом 1941 года. Тогда Георгий Лойк, прикрывая с небольшим отрядом и двумя противотанковыми орудиями отступление наших солдат, был тя-

жело ранен и после неудачной попытки уползти в лес захвачен фашистами. Лойк и его друзья задержали фашистские танки, в результате чего наша часть избежала окружения и успела вовремя занять новые рубежи под Порховом. С тех пор эти осколки и сидят в его ноге.

Только иногда — в ненастную погоду, а также в минуты радости или печали — они дают о себе знать.

Радостным и взволнованным возвратился Георгий Лойк из военкомата. Припоминались эпизоды из горячих боев, за которые он теперь, спустя семнадцать лет, получил медаль. Лойк вспомнил друзей, погибших в том бою.

Спустя год Георгия Лойка вновь вызвали в военкомат — ему вручили вторую правительственную награду.

Мы сидим вместе с Георгием Лойком и рассматриваем книгу «Бухенвальд», изданную в Берлине.

— Знаете, о чем я сейчас подумал? — вдруг спросил Лойк, закрыв книгу. И не дожидаясь ответа, начал говорить: — Я подумал о том, что та самая Англия, ради спасения которой мы рисковали быть повешенными, правительство той самой Англии взяло под свою защиту Айна Мере, палача, подчиненные которого пытали нас, убивали нас, сжигали нас. Пока по земле ходит Мере, мы, бывшие узники фашистских концлагерей, не можем быть спокойны. Мы не можем мириться и с тем, что в Западной Германии гуляет на свободе Хоппе, комендант концлагеря Штутгоф. Да, да тот самый, которого я рисовал по заданию товарищей из Сопротивления. — Георгий Лойк на секунду задумался, а потом как бы про себя тихо сказал:

— Мир никогда не должен забыть про Бухенвальд. . .

ОНИ НАШЛИ ДРУГ ДРУГА

19 апреля 1945 года на центральном плацу Бухенвальда состоялась манифестация бывших узников этого фашистского концлагеря. В ней приняли участие почти все, кто чудом уцелел: свыше 4300 русских, 3800 поляков, 2900 французов, около 2000 чехов, 1800 немцев, свыше 140 испанцев, 600 бельгийцев, около 600 югославов, 300 с лишним голландцев, свыше 200 итальянцев и людей других национальностей — всего около двадцати тысяч человек.

В тот день была оглашена клятва бывших узников Бухенвальда. «... Мы клянемся перед всем миром на этом плацу для перекличек, на этом месте ужасов, творимых фашистами, — говорилось, в частности, в клятве, — что мы прекратим борьбу только тогда, когда последний фашистский преступник предстанет перед судом народов. Уничтожение фашизма со всеми его корнями — наша задача! Это долг наш перед погибшими товарищами, их семьями!»

Пламенные слова этой клятвы повторили, в числе других бывших узников, Петр Ефременко и его немецкий друг Адольф Добшат. В этот же день бывший советский военнопленный и бывший политзаключенный — немец по национальности — сфотографировались недалеко от сторожевой вышки в Бухенвальде. На узнике № 15690 полосатые брюки концлагеря, а его друг — немецкий коммунист, успел уже раздобыть где-то гражданскую одежду.

Кто знает, сколько таких фотографий было сделано в те дни в Бухенвальде? Может сотни, а может и тыся-

чи... Кто знает, куда забросила судьба всех бывших бухенвальдцев? Ведь здесь, в огромнейшем и жесточайшем концлагере, созданном фашистами еще в 1937 году на живописных склонах горы Эттерсберг вблизи Веймара, в годы второй мировой войны были представлены все народы Европы.

Но эта фотография... Немец и русский, заснятые на ней, дали, кроме клятвы бухенвальдцев, еще клятву — обязательно дружить, обязательно переписываться.

Этих двух сыновей разных народов связывает не только священная память о пятидесяти шести тысячах узниках, сожженных в крематориях Бухенвальда, но и совместное участие в Сопротивлении фашистскому режиму, совместное участие в вооруженном восстании узников, приведшем 11 апреля 1945 года, за несколько дней до прихода наших союзников, к освобождению лагеря.

Такое не забывается.

Четыре раза бежал из фашистских лагерей двадцатилетний военнопленный Петр Ефременко. На него пус-

Адольф Добшат (справа) и Петр Ефременко в день освобождения концентрационного лагеря Бухенвальд.

Петр Ефременко, активный участник антифашистского движения Сопротивления в Бухенвальде, участник восстания узников, приведшего к освобождению концентрационного лагеря.

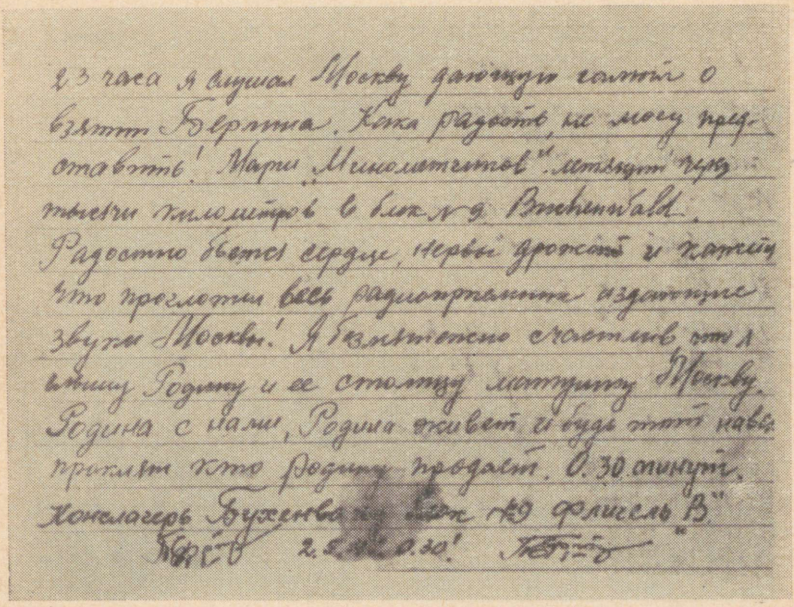
кали собак, его морили голодом. Он сбежал. Его били железными прутьями, ему выворачивали руки. Он сбежал. И снова пробирался на восток, чтобы взяться за оружие. Его бросали в одиночные камеры, где была абсолютная темнота и жили большие крысы. Его ставили к стенке. Петр Ефременко сбежал снова, в четвертый раз. Он был уже близок к своим, когда его схватили.

И вот Бухенвальд... Здесь Петр Ефременко, ныне работающий дежурным электриком на Маардуском химкомбинате, провел три долгих года. И кто знает, выжил бы он, если бы не помогли немецкие друзья — коммунисты и антифашисты.

— Я наверняка вышел бы из концлагеря, — говорит

Петр Ефременко, — но только через... трубы его огромных крематориев. В последнюю минуту меня спасли немецкие друзья. Уже был готов список, по которому узников вызывали, чтобы отправить на уничтожение. Я был в том списке. Но немецкие коммунисты, многие из которых носили на груди лишь двух- или трехзначные номера бухенвальдцев, сумели устроить так, что меня отозвали обратно из строя и отправили в лагерь. Таким образом они спасли многих людей. Надо сказать, что немецкие коммунисты первые организовали свой подпольный центр в Бухенвальде. Это естественно, ведь они были первыми, кого поместили в лагерь, огражденный колючей проволокой. Больше того, Бухенвальд, по замыслу Гиммлера, был построен специально для того, чтобы заточить в нем коммунистов из партии Эрнста Тельмана. Но, оказавшись в неволе, видя потоки дыма из труб крематориев, которые ветер разносил далеко над лесами Тюрингии, эти люди не

Страница из дневника бывшего узника Бухенвальда Петра Ефременко.



прекращали борьбы. Потом, уже в ходе второй мировой войны их союзниками по подпольному Сопротивлению в Бухенвальде стали шахтеры Донбасса и Па-де-Кале, докеры Голландии и Бельгии, рабочие Минска и итальянские антифашисты — люди разных национальностей и убеждений, которых сплотила борьба против самого ужасного, что знало человечество — против фашизма. В ходе второй мировой войны в Бухенвальде был создан Интернациональный комитет лагеря, дела которого увенчало легендарное восстание узников, уничтоживших охрану и взявших власть в свои руки.

Участники этого восстания Петр Ефременко и Адольф Добшат, распрощавшись и обменявшись адресами, уехали из Бухенвальда. Петр писал письма по адресу, оставленному ему Адольфом. Не одно письмо с почтовым штемпелем ГДР искало и бывшего бухенвальдского узника № 15690. Не знали друзья, что этих адресов после войны не будет: война сожгла не только дома, но целые улицы и кварталы городов, где до фашистской агрессии жили друзья.

Петр Ефременко выступает на встрече бывших узников Бухенвальда, состоявшейся в Таллине.

Ветеран немецкого коммунистического движения Адольф Добшат в Таллине, на встрече со своими эстонскими друзьями.

Так прошли годы. Но Петр и Адольф, верные бухенвальдской клятве, продолжали поиски друг друга.

И вот в Каллавере, где проживает Петр Ефременко, пришло письмо от Адольфа Добшата.

Сильно волнуясь, читал Петр письмо немецкого товарища, с которым расстался в Бухенвальде двадцать с лишним лет тому назад.

«Мой боевой друг и товарищ по борьбе, дорогой Петр, — писал Адольф, — мне трудно описать всю гамму воспоминаний, охватившую меня при чтении твоего письма... Мы так долго искали друг друга и, какое счастье, теперь мы нашли друг друга. Поверь, только смерть может теперь разлучить нас с тобой, мой дорогой товарищ Петр».

Далее Адольф Добшат сообщил, как сложилась его жизнь после освобождения из Бухенвальда.

Адольф Добшат пробыл в фашистских застенках почти столько же времени, сколько коричневорубашечники правили Германией. Сразу же по выходе из Бухенвальда он приложил все свои силы к тому, чтобы поймать нацистских преступников, которые в первое

Адольф Добшат у себя, в Тюрингии.

время после войны скрывались и в лесах Тюрингии, в частности, в районе лесничества Гераберг, где работал лесничим Адольф Добшат.

«После того, как мне ампутировали правый глаз, ты помнишь, я говорил тебе, что он был разбит эсэсовцами еще в период моего пребывания в концлагере Заксенхаузен, я стал терять зрение и на левый глаз, — сообщал Адольф в письме. — Пришлось отказаться от работы в лесничестве. Но борьбы я не прекращаю. Часто выступаю перед молодежью, бываю в других городах и селах Социалистической Германии, где народ взял судьбу в свои руки. Мы, немцы, больше всего ненави-

дим фашизм. А он вновь возрождается в Западной Германии. И я заявляю тебе, мой боевой друг, что в свои 65 лет я стою в рядах нашей рабочей группы и готов в любой момент с оружием в руках встать на защиту своей родины, всего лагеря социализма. Я горд за народ моей родины. Никогда, даже в самые тяжелые дни для Германии, я не предавал интересов своего класса. Эта борьба обошлась мне дорого. Фашизм уничтожил всю мою семью, меня превратил в инвалида. Но я продолжаю борьбу. Я знаю, что наша сила в единстве всего социалистического лагеря во главе с Советским Союзом. Я рад, что в авангарде борьбы за мир идет именно Советская страна. Мы, немцы, сознаем, что самое большое наше богатство — это человек. Человек и человечность. Его сердце и разум. Чем больше человек отдает себя своему народу и своему государству, тем богаче

Адольф Добшат: «Мы верны клятве, данной в Бухенвальде!»

душой становится он сам. Несмотря на свои годы и состояние здоровья, я часто работаю на «субботниках» — так, кажется, называете это вы, советские люди. В своей общественной деятельности я главное внимание уделяю укреплению дружбы между моим народом и народом Советского Союза. Когда я получил твое письмо и углубился в его чтение, я почувствовал, что ты, Петр, стоишь рядом со мной, я чувствовал твое крепкое рукопожатие. . .»

Немецкий товарищ вспомнил в своем письме других своих советских друзей, вместе с которыми боролся в Бухенвальде. Люди боролись и погибали, боролись и побеждали.

«Фотографию Феди я храню до сих пор. Она висит в траурном обрамлении над моим письменным столом, — пишет Адольф Добшат. — Я знаю только его имя и фамилию — Федор Мироненко. Я принес его, мертвого, в лагерь после налета американских и английских самолетов 24 августа 1944 года, — он погиб во время бомбежки. Федора я не забуду никогда. К сожалению, я не знаю, где он жил в Советском Союзе. Ты, Петр, помоги найти мне родственников Федора, я хочу написать им, какой это был мужественный человек. А еще ищу я Василия Титаренко. В Бухенвальде он был «старожилом», об этом свидетельствует и его номер узника — 6612. Расставаясь, он оставил мне свой довоенный адрес — Кременчуг, Пролетарская 30/40, квартира 9. Но там его сейчас нет. . .»

Письмо немецкого друга взволновало Петра Ефременко, обрадовало. Немец и русский нашли друг друга двадцать лет спустя после клятвы, данной ими на центральном плацу в Бухенвальде. Адольф Добшат и Петр Ефременко верны этой клятве. . .

ТАК ЕЙ СЕРДЦЕ ВЕЛЕЛО...

Беседа как-то внезапно затихла. Взоры обратились к экрану телевизора. Пели дети. После первого куплета Анна Алексеевна, а за ней и другие стали подпевать:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я...

— Солнце... Небо... Мама... Как все это прекрасно, и в то же время привычно для нас. Но всего этого не стало когда-то у Лиды и Волика, сидящих сейчас у телевизора и с каким-то особым чувством повторяющих слова песни... Солнце затмила для них зловещая тень свастики. Небо заменил низкий потолок конюшни, превращенной в гестаповский застенок. Не выдержав голода и истязаний, в концлагере умерла мама... Лида и Волик остались совершенно одни в огромном фашистском концлагере. Маленькие и беззащитные, голодные и оборванные, они стояли возле самого дорогого для них на свете человека, и горько плакали. Потом мать куда-то унесли...

Казалось, маленькие узники потеряли все. Не было солнца и неба, не стало и матери. Были лишь номера вместо имен и фамилий узников. Два номера, которые гитлеровцы готовились вычеркнуть из списков...

В борьбу за жизнь маленьких узников включились хорошие люди. Люди прекрасной души, которые в условиях фашистского террора сохранили лучшие черты человека. Матерью обезумевших от горя и страха детишек стала Анна Алексеевна Миловидова.

С тех пор минуло четверть века... Как все это было, как сложилась судьба замечательного человека Анны Алексеевны Миловидовой, что стало с ее детьми Лидой и Воликом?

Об этом — наш рассказ.

... Если вы пойдете на комбинат «Кренгольмская мануфактура» и спросите у любого из членов этого тринадцатитысячного коллектива или об Анне Алексеевне Миловидовой, или о Лидии Ким, или ее брате Валерьяне (в лагере его звали Воликом), то наверняка услышите в ответ: в городе эстонских текстильщиков хорошо знают и уважают Анну Алексеевну и ее детей.

И вот я в Нарве, в гостях у бывших узников фашистских концлагерей.

Анна Алексеевна, несмотря на свои 70 лет, выглядит бодро: быстрая походка, энергичные движения. Каким-то особенным, лучистым материнским теплом веет от нее. А в глазах — следы большой человеческой скорби. Много страшного видели эти глаза. Они видели то, во что иные, быть может, и не сразу поверят.

Анна Алексеевна вспоминает те дни ужасов и горя.

— Война застала меня в Ленинградской области, в городе Мге, где я работала бухгалтером на лесопильном заводе. Эвакуироваться не успела — фашисты прорвали фронт... В Мге они стали хватать людей и сажать за колючую проволоку. Так угодила и я в гитлеровский концлагерь. Более двадцати лет прошло с первого моего знакомства с «новым порядком», но до сих пор я не могу вспоминать об этом без ужаса и негодования. Такое не забывается. Мы были превращены в бесправных рабов. Голод, холод, издевательства. Ежедневно — расстрелы за малейшее неповиновение. Нашли у тебя кочерыжку мерзлой капусты — нарушение лагерного режима. А ведь они нас совсем не кормили. Сто граммов хлеба с опилками в день, горсть крупы, да чай из каких-то вонючих трав. И это все. Иногда мы совершенно случайно находили убитых лошадей, это были большие, крупные лошади. Когда лошадиное мясо свежее, это еще ничего. Зимой, когда было очень голодно, мы выкапывали лошадей, зарытых в землю. Мясо было зеленое. Мы варили это мясо большими кусками по пять-шесть раз в воде, сливали зеленую

Анна Алексеевна Миловидова.

пену. Получались твердые, как глина, куски, и мы ели это, ведь что-нибудь надо было есть...

Анна Алексеевна на секунду задумалась, — я увидел, как трудно ей об этом говорить — потом нежно погладила внука, который то и дело подбегал к бабушке.

— Иди погуляй, золотцо мое, поиграй...

Когда внук Анны Алексеевны занялся в другой комнате игрушками, она, как бы извиняясь, промолвила: — Не хочу, чтоб Андрюшка знал все это... — А потом продолжила:

— Из Мгинского лагеря меня перевели в Гатчинский. Это был большой лагерь. Жили в конюшне, зимой был страшный холод. Кормили еще хуже, чем в Мгинском лагере... Здесь я встретилась с семьей кореянки Ли Бон Чун. Их арестовали, как и меня, осенью 1941 года.

Другие узники звали Ли Бон Чун Аней-китаянкой. У нее были типично нерусские черты лица, но они не знали, какой она национальности и решили, что она китаянка. Ли Бон Чун была в фашистском концлагере с двумя детьми.

— Сколько лет было тогда детям?

— Девочке, Лидии, 12 лет, а мальчику, Валерьяну, было всего шесть лет. В Гатчинском концлагере было много детей. Болью сжималось сердце при виде того, как малыши слепли от дыма и умирали от болезней.

Концлагеря... Анна Алексеевна даже не помнит точных названий всех гестаповских застенков, в которых пришлось ей томиться.

Анна Алексеевна продолжает:

— Пройдя еще несколько концентрационных лагерей, мы попали в Восточную Пруссию, в город Эбенроде. Лагерь был не особенно большой, там находился и лагерь военнопленных. В этом лагере умерла мать моих ребят, она была ранена осколком в легкое, а ухода за ранеными в лагере не было никакого. Только голод, издевательства, побои и расстрел. Мы все очень любили кореянку Ли Бон Чун. Она была из числа тех, кто воодушевлял других узников, она верила, что обязательно придет конец гитлеровским кошмарам. Но самой Ли Бон Чун не довелось дожить до победы... От нее остались дети — Лида и Волик. Вскоре из лагеря Эбенроде всех нас, в том числе и детей Ли Бон Чун, отправили в другой лагерь, которому мы дали название «Гибель». Он находился в городе Вуппертале. Во-первых, голод, а, во-вторых, дизентерия и тиф косили людей. Особенно детей... Часто можно было видеть, как несут гробики под мышкой... Сразу же по прибытии в этот лагерь гестаповцы стали проводить регистрацию узников. Отдельно семьи, отдельно сироты... Дети Ли Бон Чун после смерти матери остались со мной. Я, как могла, ухаживала за ними, старалась их успокоить. В душе я дала клятву выполнить последнюю просьбу своей подруги Ли Бон Чун: спасти Лиду и Волика... А тут гестаповцы стали отделять сирот от остальных узников... Сердце мое сжалось. Подошла наша очередь. Дюжий эсэсовец в черном мундире подошел к нам. Помню, как испугались Лида и Волик, прижались ко мне и крепко вцепились в меня тонкими ручонками...

— Чьи дети? — спросил эсэсовец, в руках которого были наши жизни.

— Мои, — еле сдерживая волнение, сказала я, а сама постаралась сделать так, чтобы эсэсовец как можно меньше мог разглядеть детские лица. Мои дети...

Милая Анна Алексеевна! Как благодарны вам люди за ваш смелый подвиг. Сердце велело вам любой ценой спасти жизнь двух маленьких узников. Вы знали, что фашисты не отличались любовью к сиротам. Вам было известно также, что в подобных случаях на помощь палачам приходил шприц с быстродействующим ядом.

Но идя на подвиг, вы рисковали и собственной жизнью — стоило только гестаповцам узнать, что мать Лиды и Волика умерла еще в одном из восточно-прусских лагерей...

Вы сами не говорите об этом, но спасая Лиду и Волика, вы рисковали быть расстрелянной... Сразу после слов «Это мои дети...».

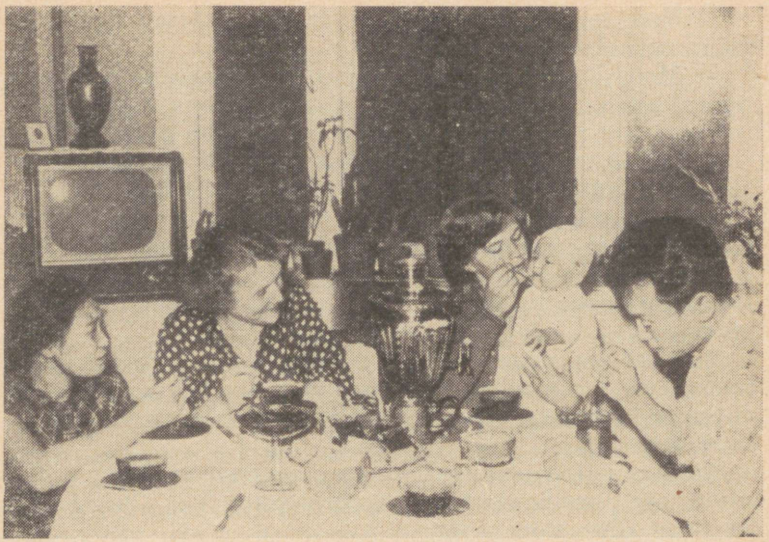
«Мои дети»... В самую трудную минуту в жизни Лиды и Волика вы подарили им свое сердце. Окружили их, насколько это было возможно в условиях лагеря смерти, любовью и заботой... Вместе с детьми вы пережили ужасы многих концлагерей, которые, словно черная сыпь, обезобразили карту Европы. Но как всему бывает конец, так пришел конец и гитлеровскому «новому порядку».

Свобода... Долго ждали вы ее, Анна Алексеевна. Дольше, чем другие. Сколько перенесли нечеловеческих мук, сколько видели горя, сколько пролили слез. Но это еще не все. Вернувшись после освобождения с Лидой и Воликом на родину, вы узнали, что на войне погиб ваш единственный сын Борис, что смертью храбрых пал отец Лиды и Волика — старший лейтенант танковых войск Ким Гег Ван. Велико и безутешно было горе ваше и ваших детей.

Но жить надо!

Надо работать и воспитывать детей. Анна Алексеевна вместе с Лидой и Воликом приехала в Нарву. Древний город лежал в развалинах и был похож на огромное кладбище: в нем не уцелел ни один дом.

С Нарвой, с Кренгольмом связана вся послевоенная судьба трех бывших узников фашистского концлагеря.



Семья Анны Алексеевны Миловидовой. Слева — Лидия Ким, справа — Валерий Ким. В середине — жена Валерия Ольга Дмитриевна с сыном — внуком Анны Алексеевны.

Анна Алексеевна сразу же по приезде в Нарву стала работать воспитательницей в школе ФЗО при комбинате. А дети сели за парты: Лида — в школе фабрично-заводского обучения Кренгольма, а Волик, проведший к тому времени ровно половину своей жизни в фашистских концлагерях, пошел в первый класс.

...Прошло много лет. Анна Алексеевна теперь на пенсии. В ее дружной семье радостное пополнение: женился Валерьян, и в доме на весь голос заявляет о себе внук Анны Алексеевны — Андрюшка.

Думается, наш рассказ о замечательной женщине Анне Алексеевне Миловидовой будет неполным, если мы не скажем, каких прекрасных детей она воспитала. Лидой и Валерьяном Ким может гордиться любая мать.

Валерьян Ким, получив аттестат зрелости, стал работать на Кренгольме. Сейчас он — высококвалифицированный электрослесарь-приборист.

— Валерьян Ким является одним из лучших работ-

ников лаборатории, — говорит начальник центральной лаборатории измерительной техники комбината «Кренгольмская мануфактура» Анатолий Семенович Громов. — Он работает на ремонте и проверке электроизмерительных приборов, а их на комбинате около шести тысяч — так что участок работы Валерьяна большой и ответственный. Он неоднократно вносил ценные предложения по улучшению работы приборов и их эксплуатации. Большая заслуга в том, что Валерьян Ким является таким честным, трудолюбивым и хорошим товарищем, принадлежит Анне Алексеевне, которая в трудных условиях сумела воспитать в нем добрые чувства. Он стремится к честности, прекрасному. По плаванью и волейболу он имеет второй разряд. Валерьян — председатель Нарвского фотоклуба, увлекается киносъемками.

На комбинате «Кренгольмская мануфактура» уже четверть века работает и дочь Анны Алексеевны — Лидия Ким.

— Сперва я окончила школу ФЗО при комбинате «Кренгольмская мануфактура», — говорит Лидия Ким. — Затем работала прядильщицей. В 1951 году меня выдвинули инструктором производственного обучения, работала до 1953 года. Потом меня направили с фабрики в школу помощников мастеров, где я училась два года с отрывом от производства. После окончания школы вернулась обратно на свою фабрику, в свой цех помощником мастера.

— Как работает ваш народ? — интересуемся мы.

— Коллектив наш дружный, — отвечает Лидия Ким. — Мы включились в соревнование за звание бригады коммунистического труда и уже завоевали это звание.

Лида не сказала нам, что за свой труд на Кренгольме она удостоена высшей награды нашей страны — ордена Ленина. Сейчас она — экономист планового отдела Старопрядильной фабрики, студентка IV курса Ленинградского государственного университета.

... Наш рассказ об Анне Алексеевне Миловидовой и ее детях подходит к концу. Мы познакомили вас с замечательной женщиной, которая совершила смелый и благородный подвиг. Анна Алексеевна поступила так, как ей велело сердце.

Вы узнали, как сложилась судьба спасенных Анной Алексеевной детей.

...Перед самым нашим уходом из другой комнаты прибежал весёлый Андрюшка и вскочил бабушке на колени.

— Бабушка, а бабушка, ты у меня безработная? — спросил озорник.

— Да, да, Андрюшенька, — в тон внуку ответила Анна Алексеевна, — безработная...

— Бабушка, давай споем с тобой! — не унимался внучок.

— Спой один нам что-нибудь.

Андрей Валерьянович Ким, несмотря на свои неполных пять лет, встал, вежливо откланялся и стал петь...

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда будет бабушка,
Пусть всегда буду я...

Маленький человек пел, а песню подхватили отец и мать, тетя и бабушка. Анна Алексеевна тайком вытерла слезу...

— Это никогда не должно повториться, — тихо сказала Анна Алексеевна, когда был спет последний куплет. — Песня должна победить...

СОДЕРЖАНИЕ

Лицом к морю 7
Война на рельсах за колючей проволокой 24
Пустой концлагерь 32
Побег из ада 45
В единоборстве с фашистским абвером 55
Русский друг 55
«Бюро Целлариуса» 57
Дуэль: Целлариус — Добрянский 68
В Кейла-Йоа 71
Шепелевский маяк продолжал служить Кронштадту.. 75
Командир «Феры» 80
Первая группа улетает в тыл 92
Смерть немецким оккупантам! 101
Семья Ваннасов 115
На земле французской 138
Узник № 32856 168
Роберт Эрусте 192
Война 192
Плен 196
Хаммельбург 201
Флоссенбюрг 205
В подполье Бухенвальда 220
Они нашли друг друга 244
Так ей сердце велело 253

Мартинсон Эрвин

ПОКА ДЫШАТЬ Я УМЕЮ...

Оформление: Э. Тали

Издательство «Ээсти раамат»
Таллин, Пярнуское шоссе, 10

*

Редактор М. Кальде

Художественный редактор
Л. Круусмаа

Технический редактор Л. Майдла

Корректоры Е. Бахверк и
Э. Кравченко

Сдано в набор 26. VII 1968. Подписано к печати 14. X 1968. Бумага 54×84/16. Печатных листов 16,5. Условно-печатных листов 13,9. Учетно-издательских листов 13,08. Тираж 5000. МВ-08579. Заказ 1373. Типография «Пунане тяхт», Таллин, ул. Пикк, 54/58.

Цена 72 коп.

1—12—2

72 kon.

XIII
1 A-9391

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00663979 5